

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2019

Март-Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантас**Т**ика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2019

№ 1 (28)

Издается с 2006 года

www.znanie-sila.ru

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев

АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)

Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)

П. Ртищев

Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина

А. Глазов

Обложка

в оформлении использован
рисунок Thomas Budach
с сайта pixabay.com

Компьютерная верстка

И. Ракитина

Подписано к печати 27.02.2019

Формат 60х90/16.

Печать цифровая

Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.

Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:

115114, г. Москва,

ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35

Факс: (499)235-02-52

E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в АО «Т8 Издательские
технологии»

109316, г. Москва,

Волгоградский пр-т, д.42, корп.5

Тел.: (495)322-38-31

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *А. Смирнов*
Экспедиция на Япет
- 10** *А. Юдина*
Зеркало
- 14** *И. Девятьярова*
Столкнуться с реальностью
- 20** *Л. Зильберг*
Большой город Джоя

КОСМОС

- 24** *А. Мансуров*
Унизительное решение
- 38** *К. Тарасова*
Дорога на край Мира

КОНТАКТ

- 42** *А. Марков*
Затерянный остров
- 55** *А. Филичкин*
Долгожданный контакт

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 64** *Е. Кушнир*
Про уродов и людей (повесть)
- 82** *С. Бугримов*
Все на площадь!

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 87** *В. Ларин*
Джек Тибби и его Атлантида (повесть)
- 103** *Е. Саксин*
Фабрика грез

ЮМОРКОН

- 110** *Р. Нурушев*
Инноваторы
- 118** *А. Юдин*
Торжество правосудия
- 123** *С. Филипский*
Возврат бумеранга

Александр Смирнов

Экспедиция на Япет

Утомительный перелёт, начавшийся четыре месяца назад на Ганимеди, подходил к концу, и на корабле царило оживление. Трое космонавтов проводили последние проверки научного оборудования и систем жизнеобеспечения скафандров — через шесть часов им предстояло приземлиться на Япете, одном из самых загадочных объектов Солнечной системы.

Впервые пилотируемый полёт осуществлён так далеко — раньше сюда добирались только автоматические зонды. К тому моменту Луна уже была исследована вдоль и поперёк, на Марсе успешно функционировали полтора десятка научных станций, а разработка полезных ископаемых в поясе астероидов решила многие проблемы с природными ресурсами на Земле, как следствие, войны и даже локальные конфликты стали на планете большой редкостью. Однако дальние миры по-прежнему оставались труднодоступны — единственная исследовательская станция на Ганимеди служила отправным пунктом для небольших экспедиций к другим лунам Юпитера. Предполагалось, что на ближайшие годы основные исследования сосредоточатся именно в системе Юпитера, однако аномальные явления на Япете изменили планы.

Этот спутник Сатурна издавна привлекал внимание астрономов своим необычным обликом. Кольцевой горный хребет точно по экватору и необычный цвет — совершенно чёрное одно полушарие и белоснежное другое — порождали самые невероятные гипотезы насчёт Япета. Обращаясь по орбите, Япет всегда повернут к Сатурну одной и той же стороной, а чёрное полушарие оказывается для него ведущим, поэтому долгое время наиболее правдоподобным считалось то, что чёрный цвет получился после оседания вещества, выброшенного в космос в результате катаклизмов на Фебе, меньшем спутнике Сатурна. Происхождение же хребта — стены Япета — объяснялось тектоническими явлениями в далёком прошлом.

Такое объяснение всех устраивало до тех пор, пока проходящий через систему Сатурна автоматический зонд не зафиксировал резкое изменение окраски ведущего полушария Япета. За какую-то неделю его цвет сравнялся с цветом ведомого и вернулся обратно. В последующие полгода явление повторилось трижды.

Имеющихся данных не хватало, чтобы понять причину произошедшего, поэтому уже готовая к отправке на Каллисто экспедиция была перенаправлена на Япет.

Корабль приземлился в десяти градусах, или ста двадцати пяти километрах к югу от экватора, на сатурновом полушарии, в центре области Кассини — тёмной части спутника. Для посадки был выбран относительно ровный участок, лишённый больших кратеров.

Члены интернационального экипажа — Майкл, Николь и Олег — летали вместе уже почти десять лет и были, пожалуй, самой опытной командой в системе Юпитера. За эти годы внутри команды естественным образом установилось равноправие, хотя во время полёта роль командира исполнял Олег, навигатор корабля. После посадки функции могли меняться в зависимости от нужд конкретной экспедиции, но, как правило, основные работы выполняли Николь и Майкл, химик и геофизик по основным профессиям.

Во время выхода на поверхность планеты или спутника один из космонавтов обязательно должен был оставаться на корабле на случай непредвиденной ситуации. В этот раз на борту осталась Николь — по возвращении мужчин ей предстояло производить анализ собранных ими образцов грунта. На обзорном экране она видела, как две фигуры в скафандрах, резко выделявшихся на фоне чёрной равнины, начали широкими прыжками удаляться от корабля. Отсутствие атмосферы скрадывало расстояния — время шло, но казалось, что космонавты по-прежнему находятся в каких-нибудь ста метрах и лишь слегка уменьшаются в размере.

Прогулку по поверхности Япета вряд ли можно было назвать приятным занятием. Чёрная равнина и чёрные стены кратеров вдалеке, чёрный космос вокруг — этот пейзаж подавлял монументальной холодностью ночи, и даже бывалым исследователям юпитерианских лун становилось не по себе. Освещал ландшафт лишь только тусклый коричневый диск Сатурна, тяжело нависший над восточным горизонтом. Плотный облачный покров Сатурна не позволял рассмотреть детали, и планета была практически однотонной, но зато космонавтам посчастливилось невооружённым глазом наблюдать кольца — Япет сейчас находился в наивысшей относительно экватора Сатурна точке своей орбиты.

Сила тяжести на Япете в сорок три раза меньше земной, и любое лишнее усилие может привести к непредсказуемым последствиям, а разнообразные мелкие неровности настолько хорошо скрыты окружающей чернотой, что среагировать на них можно лишь в самый последний момент, поэтому, вернувшись через час, Олег и Майкл чувствовали себя так, будто только что преодолели марафонскую дистанцию, и это при том, что большая часть времени ушла на вырезание образцов из замороженного грунта Япета.

— Результаты весьма странные, — начала Николь, когда вечером (по земному времени) исследователи собрались для обсуждения итогов первого дня экспедиции. — По составу все образцы близки друг другу: мелкие частицы наподобие песка, кварцевая порода с примесью многочисленных элементов в незначительном объёме — детальный анализ я вам скинула на планшеты. Четыре образца содержат также метеоритное железо.

— Это те, что мы взяли из небольшого кратера к северу от корабля?

— Именно. В общем, состав песка не является необычным для нашей Солнечной системы, да и в единое целое частицы скреплены водя-

ным льдом, которого в общей массе не так и много. Однако возраст этих пород ставит меня в тупик. По всему получается, что им около восьми миллиардов лет и они намного старше Солнечной системы.

— Невероятно! — воскликнул Майкл. — Не могла ты ошибиться? Слишком уж всё это неправдоподобно.

— Я использовала стандартный метод радиоизотопного анализа, ошибка здесь исключена.

— Но тогда откуда мог взяться на Япете этот песок?

— Оттуда же, откуда и Феба, — вставил Олег. — Если, конечно, мы продолжаем придерживаться гипотезы, что песок — продукт её разрушения. Когда-то Феба была захвачена Сатурном. Кто знает, откуда она к нам прилетела...

— Так может, нам стоит перебраться на Фебу?

— Я бы не стал торопиться. Пока мы не можем ничего утверждать наверняка. Николь, что ты думаешь по этому поводу?

— Я за то, чтобы остаться. У нас слишком мало информации.

— Хорошо. Кстати, что там насчёт цвета? Что заставляет наш песок побелеть?

— Пока не могу ответить. Мне не удалось ни запустить процесс, ни объяснить его. Возможно, у меня недостаточно оборудования, и в земной лаборатории дело пойдёт лучше. Поэтому образцы семь и десять я вскрывать не стала. Теперь бы я предложила углубиться под поверхность. Возможно, различия в образцах с разных уровней что-то нам подскажут.

Следующая неделя ушла на добычу образцов грунта из приповерхностных слоёв планеты. Задача оказалась не из лёгких — на то, чтобы смонтировать портативную буровую установку в скафандрах и при практически нулевой гравитации, а затем произвести бурение, добыть единственный образец и демонтировать установку, у двух человек уходило порой по четыре часа. Инженеры, проектировавшие установку, явно принесли удобство использования в жертву компактности. Наконец, этот этап работы был завершён.

— Есть новости? — спросил Олег, когда Николь появилась из лаборатории.

— Феба здесь ни при чём, — она устало махнула рукой. — Это единственное, что я могу сказать определённо. Метр, два, пять — на любой глубине одно и то же. Если предположить, что это вещество прилетело с Фебы, то она должна быть в десятки раз массивней, чем есть на самом деле. В образцах из кратера, начиная с двухметровой глубины, практически исчезают следы метеоритного железа, но это ожидаемо. В остальном все они идентичны. Вот если бы мы могли забуриться поглубже...

— То это бы нам ничего не дало, — вернул Майкл. — Я пытался понять, что под скорлупой нашего орешка, но если нам не подсунули неисправное оборудование, то на сто метров вглубь грунт однороден.

— А дальше?

— А в том-то и дело, что дальше ничего не понятно. Едва я пытаюсь заглянуть глубже, как вместо нормального сигнала мне возвращается какая-то нечитаемая мешанина.

— Как такое возможно?

— Не знаю. Раньше я с таким никогда не сталкивался. Вот если бы у нас было больше оборудования...

— Стоп, — прервал его Олег. — Понятно, что всем нам хотелось бы иметь здесь земную лабораторию, но ближайшая из них примерно в девяти с половиной астрономических единицах отсюда. Поэтому давайте отталкиваться от того, что имеем. Похоже, кроме грунта здесь исследовать нечего, но он на километры вокруг одинаков. Можно взять хоть сотню проб — ничего нового это не даст. Так что лично я считаю, что нужно лететь дальше. Первоначально у нас было запланировано три остановки — здесь, у стены и в Ронсевальской земле. Я бы добавил ещё один пункт. Неподальёку, также в области Кассини, есть большой симпатичный кратер Торжис, а внутри него ещё один, тоже довольно внушительный, кратер Малун. Если нам приземлиться в его центре, мы окажемся гораздо ниже, чем сейчас, а значит, будет шанс пробиться к внутреннему слою Япета. В Ронсевальской земле мы вряд ли найдём что-либо интересней льда. Посмотреть на стену, конечно, довольно любопытно, но что-то мне подсказывает, что в области Кассини она плотно покрыта всё тем же песком. Так что я бы первым делом нырнул в кратер. Как вам моё предложение?

Кратер Малун производил ещё более депрессивное впечатление, чем место первой высадки. Казалось, будто ты находишься на дне огромного двадцатикилометрового чёрного котла, который вот-вот накроет массивная крышка Сатурна — здесь газовый гигант висел в небе на двадцать градусов выше. Шла третья неделя экспедиции, Япет находился практически в плоскости экватора Сатурна, и кольца превратились в тонкую линию, словно разрезающую планету на две половинки.

Исследования продолжались, но в какую бы точку кратера не отправились космонавты, везде их ждал один и тот же смёрзшийся песок.

— Ничего не понимаю, — возмущался Олег в один из вечеров. — Песок, песок, кругом лишь чёртов доисторический песок. Равнины песка, холмы из песка, кратеры... Как будто мы попали в гигантскую песочницу!

— Притом довольно искусно сделанную, — добавила Николь.

— Да уж, нужно было сильно постараться, чтобы покрыть полпланеты таким ровненьким стометровым слоем, не пропустив ни одной впадинки. Не иначе дворник-перфекционист постарался. У меня уже нет ни одной трезвой идеи, лишь безумные гипотезы.

— А что, если...

— Глогрл оргл мрл, — перебил Майкл.

— Что ты сказал?

— Глогрл оргл мрл, — повторил Майкл. Его руки безжизненно повисли вдоль туловища, а остекленевший взгляд был направлен куда-то мимо собеседников.

- Майкл, что с тобой? Ты меня слышишь?
— Оркл орднл ы!

Внезапное помешательство Майкла спутало все планы. С Земли поступил недвусмысленный приказ возвращаться на Ганимед сразу же, как станет понятно, что перелёт будет безопасен для больного. А вот как это понять, никто толком объяснить не мог. В день помешательства Майкл послушно дал увести себя в каюту и запереть. Большую часть времени он спал, бодрствование же сводилось к неподвижному сидению на койке. На все вопросы он отвечал неразборчивым мычанием, никуда кроме точки прямо перед собой не смотрел и еду не замечал, так что его даже приходилось кормить искусственно. Олег и Николь поочередно несли вахту возле больного, когда тот не спал, остальное же время убивали избыточными предполётными проверками оборудования. Понятно, что о продолжении исследований не могло быть и речи.

Так продолжалось пять дней. На шестой день Майкл спал особенно долго, проснувшись же, обвёл каюту недоумевающим взглядом и пробормотал: «Где я? Что случилось?»

Похоже, рассудок вернулся к Майклу полностью. Николь и Олег устроили ему настоящий допрос, растянувшийся на несколько часов, но из всех поставленных логических ловушек Майкл без проблем выпутывался. Оказалось, что он помнит всё вплоть до момента помешательства. Последние же дни не отложились в его памяти вовсе. Ему казалось, что всё это время он проспал и что в своём сне он постоянно находился в комнате странной геометрической формы, которая вся словно была составлена из пересечений и объединений сотен геометрических фигур. Контуры фигур ускользали от взгляда, они менялись и перемещались самопроизвольно, меняли цвета, складываясь в завораживающие гипнотические узоры. Комната постоянно то становилась тесной, вызывая приступы клаустрофобии, а то вдруг расширялась, словно взрываясь разноцветными огнями. Где находилась эта комната, что он там делал и были ли в комнате окна и двери, Майкл ответить не мог.

Тем не менее, всё произошедшее как будто совсем не напугало Майкла, и он рвался продолжить работу на спутнике, но остался в меньшинстве.

Вскоре корабль был готов к старту. Космонавты расположились в рубке, место второго пилота вместо Майкла заняла Николь. Олег запустил двигатель и уже хотел начать обратный отсчёт, как вдруг руки Николь резко упали вниз, а взгляд остекленел, совсем как у Майкла за несколько дней до этого.

— Внимание, — произнесла она каким-то механическим, начисто лишённым интонаций голосом, — с вами говорит управляющий центр космического тела Япет. Приносим извинения за допущенную ошибку — сначала мы неправильно определили, кто из вашего экипажа окажется наиболее восприимчив к контакту с нами. Информация, которая последует, крайне важна для человечества как галактического вида. Повторяться она

не будет, просьба зафиксировать услышанное как в памяти, так и на электронных носителях информации.

Управляющий центр космического тела Япет построен около миллиона лет назад для наблюдения за жизненными формами на планете Земля Солнечной системы. Строителями были представители цивилизации, чьё название и галактические координаты вам пока знать не нужно. Миры, подобные Япету, вращаются вокруг газовых гигантов во многих системах нашей галактики, где возможна или уже зародилась разумная жизнь. Строительным материалом для таких миров служит мёртвая материя, которую можно найти возле давно потухших звёзд. Материя преобразуется, следы работы до сих пор сохранились в виде стены Япета. Верхний слой машинерии используется для выполнения защитных функций — этот слой, напоминающий вам песок, на самом деле имеет сложную начинку; использующиеся квантовые технологии вам в ближайшем будущем доступны не будут. Защитная оболочка способна выдержать и рассеять удар от прямого столкновения с телом, в полтора раза превосходящим Япет по массе. Ядро спутника представляет собой интеллектуальный слой — это сам управляющий центр космического тела Япет. Двухцветная окраска спутника необходима для привлечения внимания цивилизации, достигшей достаточного технологического и социального уровня. Реструктурируя атомы, мы можем произвольно менять цвет любой части планеты.

Управляющий центр выполняет функцию наблюдения до тех пор, пока на какой-либо планете системы не появится разум. С этого момента управляющий центр начинает осуществлять цивилизационное воздействие в минимальном необходимом объёме.

Во все времена мы устанавливали контакт с лучшими умами человечества и в виде снов или видений транслировали им прогрессивные идеи в области науки, литературы, искусства. В тёмные века многие из этих людей сталкивались с невежеством и неприятием своих идей и погибали от рук косного общества. В эпохи просвещённые такие люди становились великими гениями человечества, а их достижения позволяли сделать мир лучше. Случались и неудачи — неверная трактовка наших идей порой приводила к гибели тысяч людей. Но в целом наша миссия продвигалась успешно.

Подтверждением последнему является то, что вы находитесь сейчас на поверхности Япета. Это свидетельствует о том, что разум в вашем обществе стал преобладать над хаосом. С сегодняшнего дня цивилизационное воздействие на вашу цивилизацию прекращается — отныне вы предоставлены сами себе.

Через пятьдесят лет к вам прибудет первый корабль нашей цивилизации для установления равноправного контакта. Релятивистский барьер для нас давно не предел, пятьдесят лет устанавливаются в качестве испытательного срока для человечества. За это время вы должны окончательно гармонизировать общество, в противном случае никакого контакта не будет. Помните, что только мирное общество, основным стремлением которого является познание себя и Вселенной, способно в этой Вселенной выжить.

Конец сообщения.

Об авторе

Родился в Ярославле. В 2008 году окончил математический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, специальность «Прикладная математика и информатика». Кандидат физико-математических наук. Доцент кафедры теоретической информатики ЯрГУ.

Первые рассказы написал в 6 лет. В 12 лет стал писать произведения, которые впоследствии были опубликованы. Печататься начал в 2007 году. Имеется более 120 публикаций в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, США, Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Финляндии («Машины и Механизмы», «Очевидное и Невероятное», «Экология и жизнь», «Техника – молодёжи», «Журнал ПОэтов», «Юность», «Нива», «Второй Петербург», «Вокзал», «Крылья», «Черновик», «Жемчужина» и мн. др.).

В литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» № 3/2008 опубликован рассказ «Сеть», в № 1/2011 – рассказ «Пять шагов», в № 1/2015 – рассказ «Сжатый мир», в № 1/2018 – рассказ «Отражения».

Анастасия Юдина

Зеркало

Я просыпаюсь от назойливого жужжания будильника и, привычно на шарив заразу на прикроватном столике, трескаю по черепу. Будильник, обиженно хрюкнув, затыкается.

Со звонким щелчком отстегивается автоматическая медицинская манжетка, удерживающая иглу капельницы, и я поднимаюсь.

Начинается новый день.

Из соседней комнаты доносится негромкое бормотание головизора и стук тарелок. Катрин уже накрывает на стол.

Мне не хочется есть, но наши совместные посиделки и разговоры за завтраком стали традицией. Позже времени на «просто поболтать» не будет: интервью с известнейшими журналистами и ток-шоу-менами; лекции и семинары в Космошколе; встречи со светилами медицины, которые прилетают с самых далеких планет, чтобы посмотреть на диковинного уродца, монстра. На меня.

Я — первый зомби цивилизованного мира. Точнее, «воскрешенный». Доктора и генетики, занимавшиеся моим возвращением в мир живых, а также психологи, оказывавшие мне «помощь» в первые дни, считают, что «зомби» — омерзительный термин из идиотских страшилок прошлого. Не применимый к такому герою, как я.

Да-да, я герой. Или был им. А еще — командиром десантного космока-тера, осуществившим около сорока успешных боевых операций на новых планетах, жители которых не желали добровольно вливаться в Альянс и на халяву получать блага цивилизации.

Помните поговорку: «Для охотника сороковой медведь — роковой»? Вот и для меня операция № 40 на маленькой планетке с названием Медведь стала последней. Наш катер, подбитый в атмосфере допотопной лазерной пушкой местных партизан, загорелся и на полном ходу врезался в скалу. Разумеется, и десант, и команда погибли. Включая меня.

А потом какой-то дурак из военного госпиталя решил опробовать на мне новую вакцину, позволяющую воскресить человека без потери умственных и физических качеств. Более того, сделать этого самого человека практически бессмертным. А другой дурак — из Министерства Обороны — поставил свою визу на заявлении гения-медика. Меня, разумеется, никто не спросил.

Эксперимент удался. По крайней мере, с точки зрения всего мира. Но не с моей.

Я подхожу к зеркалу, которое Катрин по моей просьбе повесила в спальне, хотя психологи отговаривали. Но я настоял на своем. И теперь каждое утро подхожу к нему, чтобы посмотреть на нового себя.

Прошло уже больше полугода, но привыкнуть к тому, что я вижу, мне так и не удалось. Жуткие шрамы пересекают грудь, как пулеметные ленты; дырку в черепушке прикрывает титановая пластинка; обожженная кожа на лице натянута так, что видны мышцы; а стянутые в ниточку губы открывают жутковатый оскал кажущихся непропорционально длинными зубов. Красавец, одним словом.

Зеленоватый трупный цвет того, что когда-то было моим лицом, Катрин ухитряется замазывать тональными кремами. Но очарования мне это не добавляет.

Да и запах — сладковатый, терпкий, похожий на запах прелой листвы в осеннем саду, — тоже никуда не девается. Даже Катрин, хотя и делает вид, что все в порядке, при возможности старается держаться с подветренной стороны.

Ах да, Катрин! Вы, наверно, подумали, что это моя жена или подруга? Слава богу, нет! Впрочем, от этого не легче. Катрин — медсестра, которую приставили ко мне, чтобы помогать «адаптироваться», ежевечернее делать клистиры, простите, защелкивать на запястье автоматическую манжетку с иглой, вводящей в мой организм питательную жидкость. За счет чего я, собственно, и живу, точнее, функционирую. Код от манжетки знает только Катрин. И ежевечерне его меняет. Безопасность и секретность превыше всего. Еще бы — я же представляю такую огромную научную и военную ценность.

На мои лекции собираются курсанты и даже бывалые вояки — поучиться стратегии и тактике. На мне — первом подопытном образце — военврачи учатся создавать таких же «воскрешенных», которые станут бессмертной армией Альянса в грядущих битвах.

Но Катрин не только моя медсестра. Она — секретарь, визажист, помощник и друг. Единственный в моем новом, послесмертном мире.

Все, с кем мне приходилось сталкиваться последние полгода, даже ко всему привычные доктора и тренированные журналисты, не могут смотреть на меня дольше пары секунд. Люди пугаются, отводят взгляд. Но мне хватает этих мгновений, чтобы прочитать в глазах всего мира омерзение, граничащее с брезгливостью, а иногда и животный ужас. И что бы потом не говорили о моем героизме, о величайшем научном открытии, которым я (я!!!) должен гордиться, я знаю, что эти люди чувствуют ко мне на самом деле. Отвращение.

Глаза людей — мои настоящие зеркала. И они пугают меня гораздо больше, чем случайное отражение в стекле или этот кусок полированного металла в спальне.

Я размахиваюсь и бью изо всех сил. Зеркало со звоном осыпается на пол. Ничего, Катрин повесит новое.

Она единственная, кто не боится смотреть на меня. Единственная, кто меня понимает. Ее ведь тоже никто не спрашивал: хочет ли она быть моей нянькой. Приказали — и все.

За завтраком Катрин, с увлечением поглощая булочки с джемом, рассказывает о наших планах на сегодня. Утром — традиционная лекция в Космошколе; после ланча — интервью с каким-то очередным журналистом, желающим поведать миру о моих героических свершениях в прошлой жизни. А в пять часов — встреча со школьниками.

— Со школьникам? — я пугаюсь по-настоящему. — Но... Катрин... они же дети... а я...

— Понимаешь, — медсестра вздыхает, — я пыталась объяснить директору и учителям, что у тебя достаточно своеобразная внешность, и детям она может не понравиться...

— Это ты еще мягко выразилась, — бурчу я.

Девушка разводит руками:

— Они даже слушать меня не стали. Патриотическое воспитание, «Да здравствует Альянс на всех планетах!», дети так легко адаптируются и прочая чушь. Единственное, чего мне удалось добиться, это чтобы твоё выступление проходило в зале с притушенным светом. И трибуна стояла максимально далеко от зрительских рядов.

Катрин делает паузу, смущается, но потом собирается с духом и продолжает:

— Только не говори им про горящие катера и взрывающиеся танки, про все эти «с огромными потерями мы взяли высоту номер-хрен-знает-какой», а «мой лучший друг заживо сгорел в управляемом боевом трансформере».

— Я может и зомби, но не идиот! Но, черт... я же профессиональный военный, Катрин. Что еще я могу рассказать?

— Расскажи про поющие цветы на Анариде. И про синие скалы на Тесле, те, что на закате окрашиваются тремя лунами сначала в желтый, потом в алый, а потом в темно-синий цвет. Помнишь, ты рассказывал мне?

И она мягко касается тонкими пальчиками моей обожженной, зеленовато-бурой руки.

Она прикасается ко мне? Нет, не так! ОНА ПРИКАСАЕТСЯ КО МНЕ?!

Я смотрю на Катрин. Глаза в глаза. Всего две секунды. Потом она отводит взгляд и начинает щебетать о вечернем ток-шоу.

Я пытаюсь понять, что увидел в ее глазах, но не могу сконцентрироваться. Это была не жалость, не сочувствие. Не... не... не...

Встреча со школьниками прошла удачно, несмотря на все наши опасения. Во-первых, потому, что у идиотов-учителей хватило мозгов сделать все так, как просила Катрин. Во-вторых, малышей не позвали: только средние и старшеклассников.

Конечно, пришлось поделиться парой боевых эпизодов. Но я старался не вдаваться в подробности. А если меня вдруг, по привычке, заносило, Катрин осторожно толкала меня ногой под стол.

Но большую часть времени я рассказывал ребятам о поющих цветах и синих скалах; о крыльегривах, летающих над огненными лесами; об огромных добрых рыбах, похожих на китов и окрашенных в девять цветов местной радуги.

Все было хорошо. Ребята слушали, затаив дыхание, задавали вопросы. Аплодировали, благодарили.

А потом директор вышла на сцену и, произнеся какие-то официальные слова о том, как они все рады меня видеть, заявила:

— Теперь все желающие могут сфотографироваться на память с нашим отважным героем и первым воскрешенным.

И, подойдя к стене, щелкнула выключателем.

И я увидел их — ребяташек, которые все это время оставались для меня расплывчатыми тенями в полумраке. Так же, как и я для них.

— Выключите свет! — закричала, вскакивая, Катрин.

Но было уже поздно.

Они увидели меня. А я видел их глаза — мои настоящие зеркала. И в этих зеркалах отражался страх, омерзение, животный ужас.

Несколько ребят завyli в голос. Какая-то девочка упала в обморок. Тайком пробравшийся на встречу младшеклассник забился в истерике.

Не знаю, что было дальше. Катрин схватила меня за руку и потащила к выходу.

Я лежу на кровати и жду, когда Катрин защелкнет на локте автоматическую манжетку и введет код.

Мне хочется плакать, но мои слезные железы выгорели в том катере, который разбился о скалу на далекой планете под названием Медведь.

— Лучше бы я умер, — тихо произношу я куда-то в пространство.

— Нет, — пальцы Катрин сжимают мое запястье.

— Да, — отвечаю я, поворачиваясь к ней и глядя прямо в глаза. — Катрин, ты — мой единственный друг. Ты должна меня понять. Эта жизнь. Существование. Это очень больно. Невыносимо больно.

— Я тебя понимаю, — шепчет она, убирая манжету.

Потом встает со стула и выходит из комнаты. Но на пороге она останавливается и оборачивается. Всего на пару секунд.

Я лежу в темноте и жду. Воскрешенный организм, не получая привычной подпитки, сначала пытается бунтовать, посылая в мозг давно забытые сигналы о голоде и боли. Но они звучат как-то глухо, отдаленно, не мешая мне думать о том, что я увидел в глазах Катрин перед тем, как она вышла из комнаты.

Это была боль. Сильнее моей в сотню, нет, в тысячу раз. Потому что Катрин переживала не только то, что чувствует любой человек, теряя близкого друга. Но и ту боль, что жила в моей душе все это время.

Мою боль.

Значит ли это, что она... меня...

Я закрываю глаза.

Катрин — мое единственное, мое настоящее зеркало. Прости меня.

Надеюсь, на этот раз я умру насовсем.

Об авторе

Анастасия Юдина — это псевдоним. Автор не публикует беллетристику под настоящим именем и не делится личными сведениями.

Инна Девятьярова

Столкнуться с реальностью

Кейла прыгнула так высоко, как позволяли силы, в полете вынимая из ножен клинок, вспыхнувший под солнцем холодным, мертвенно-серым светом. Черные попятились, отступая. Их было семеро — жавшихся друг к другу фигур, выставивших перед собой короткие, золотом польхающие клинки. Одна из них дернулась в сторону, расплываясь, точно потекшая клякса, темными складками плаща колыхнулась в зеленой траве.

— Гос-спожа С-справедливости, пощади нас-с... наш-ш народ больше не причинит зла твоему... — донеслось из-под черного капюшона. — Посволь нам уйти с миром...

Он не успел закончить — тонко свистнув в воздухе, меч Кейлы рассек его надвое, потоками багряно-алого заливая густую траву. Пропахав каблукми землю, Кейла замерла, выпрямившись, зарумянившимся кровью клинком очерчивая вокруг себя невидимую границу, единый шаг за пределы которой грозил нежити немедленным развоплощением.

— Могу ли я верить лживому языку Народа Теней? — холодным, как лед, голосом произнесла она, словами примораживая к месту застывших перед ней чернокапюшонников. — Вы много раз приносили нам Клятву Мира... и много раз нарушали ее. Так что мешает вам нарушить ее снова?

Бледно-синяя, с крючковатыми когтями рука скользнула под ворот плаща, вытягивая на бесконечно длинной, серебряной цепи — алым огнем мерцающий камень, пульсирующий в такт дыханию Кейлы, точно свежесвынутое сердце.

— Госпож-жа, вот... — склонившись перед ней, чернокапюшонник швырнул к ногам ее свой амулет, гневно вспыхнувший всеми оттенками красного. — Залог правдивос-сти слов наш-ших... Талис-сман Силы, дающий народу нашему возможность путеш-шествовать за Грань. Пока он в ваш-ших руках, мы никогда больше не потревож-жим покоя...

— ...до тех пор, пока чародеи Города Мертвых не выплавят новый, — согняя с лица усмешку, Кейла взмахнула мечом, заставив черные тени отечь — еще на пару шагов далее. — И что тогда сдержит вас? Что?

Краем глаза она заметила движение из-за плеча, едва уловимое, будто ветром колыхнувшее траву под ногами, пылью взвихрившее воздух за спиной ее. Она развернулась, клинком встречая клинок атакующего, точеным лезвием вышибая серебряные, как звезды, искры. Ударом следующим — она заставила нежить осесть на колени, в колкую, с хрустом промявшауюся под его телом траву, залитую потеками густо-красного, развернувшись мгновение спустя — к шестерым уцелевшим, мечами оскалившимся навстречу ее неумолимому клинку.

— Гос-спожа С-справедливости...

Кейла ударила, не глядя, прерывая на полуслове пришептывающий, вкрадчивый голос, словно бы обволакивающий слух, била и била наотмашь, пока, раскинувшись в траве крылами плащей, они не застыли у ног ее, позволяя земле впитать в себя красную кровь их, щедро текущую из разорванных жил. Густую, как патока, ядовитую кровь Народа Мертвых, раз за разом переступающих Грань, чтобы пакостить миру живых, по мере сил и возможностей. И кто, как не Кейла, Воительница Правды и Справедливости, стоящая на страже Врат, сможет остановить их?

— Никто. Никто, кроме таких же, как я — Избранных, являющихся в этот мир, чтоб защищать его, — одними губами шепнула Кейла белесозолотым, подсвеченным солнцем облакам, бегущим по бесконечно синему небу. Запрокинув голову, она стояла посреди поля, склонив до земли меч, сделавшийся неимоверно тяжелым для рук ее, сведенных усталостью боя, и бабочки разноцветными крыльями пятнали траву под ногами ее, и гладил волосы ветер, пахнувший свежестью вод и луговым разнотравьем, а потом — к тонкому запаху трав вдруг прибило что-то незнакомо-странное, горячее разбавленной в воздухе ядовито-едкой кислотой, и странного становилось все больше и больше — точно невидимый ластик стирал перед глазами Кейлы небо и облака, траву и далекую арку Врат на горизонте, заменяя их тускло-серым, будто выжавшим прочь все иные оттенки потолком, непривычно низко нависшим над головой ее. А потом — над Кейлой склонилось чье-то лицо, испуганно-озабоченное, со вскинутыми удивленно бровями.

И тогда она закричала.

* * *

Айлек нажала на «откр.», красную, беспокойно вспыхнувшую под пальцами кнопку, и двери открылись — в тускло-серую, подсвеченную огоньками светильников комнату. Чуть слышно гудела вентиляция, прокачивая воздух внутри до почти что уличной свежести, но все же тонкий, едва уло-

вимый рецепторами носа, едко-кислый запах ощущался уже с порога — точно от прохудившегося конденсатора.

Они спали — глубоким, ровным сном, все двадцать пять ее подопечных, в уютных эргономичных кроватях, опутанные проводами, словно мухи — белесой паутиной сетью, спали и видели бесконечные сны, цветные, невозможно яркие, полные движений и звуков, транслируемых под черепную коробку вживленными электродами. Кино, которое никогда не закончится. Другая реальность, недоступная Айлек.

— Проверку системы запускаю, — отчетливо-громко, точно впечатывая голос в стены, сказала Айлек, и тотчас же простынно-белый, размерами на полкомнаты, экран раскрылся перед ее лицом, завис, мигая колонками цифр. — Проверка начата. Первый уровень. Далее. Далее. Второй уровень... Найден сбой в системе. Исправить ошибку.

Свернувшись, как коврик, экран отодвинулся к задней стене, а из-под ног Айлек, наперегонки, шустро выкатились роботы-ремонтники. Скрипя колесиками, они подкатили к одной из кроватей, ухватистыми стальными клешнями ощупали провод, питоном обвившийся у изголовья спящего в ней. Прозрачно-белые сигнальные лампы над клешнями их сделались гневно-красного цвета.

— Уровень износа превысил критическую отметку. Заменить. Ликвидировать сбой. Далее... — Айлек шагнула к кровати, вглядываясь в лицо спящего, точнее, спящей — с легкой краской румянца на бледных щеках, с чуть дрожащими, в такт дыханию, веками, коснулась пальцами стеклянной таблички, оживившейся под руками ее сиренево-мягкой подсветкой: «Кейла, 2178-го года рождения. Время Покоя — с 2202-го». Двадцать лет глубокого сна. Одна из первых, выбравшая Покой... остались ли еще на Земле те, кто предпочел ему бодрствование? Эти данные были недоступны для Айлек.

Змеино дернув хвостом, провод спал к ногам Айлек, скользнул по шиколотке резиново-гладкою кожей. Деловито шелкая клешнями, ремонтник приладил на его место другой, чуть более яркий по цвету, еще не засеревший от пыли. Красная, как набухшая шишка, лампа над квадратной головою его выцветала, бледнела до розовато-сизых тонов, и раздражающе-кислого в воздухе было все меньше и меньше... а потом Айлек услышала шорох.

Переступив через провод, она обернулась к спящей. Тонкие, обездвиженно-слабые руки Кейлы беспокойно шарили по кровати, цепляясь ногтями за покрывало, широко открытые глаза ее в упор смотрели на Айлек, хриплые, кашляющие звуки рвались из горла ее. Успокоительно улыбнувшись, Айлек шагнула вперед, и тогда, вскинув ладони вверх, будто бы защищаясь, Кейла закричала — надрывно и громко, забилась в кровати, путая провода, выламывая из висков кровью набухшие вживленные электроды.

— Внештатная ситуация. Сбой в системе, — озабоченно нахмурившись, Айлек нажала кнопку у изголовья, ярко-черную, пульсирующую под пальцем, точно глазной зрачок. — Ликвидировать сбой.

Тонкая, как комариное жало, стальная игла вынырнула из спинки кровати, с маху воткнулась в предплечье Кейлы, вкачивая под кожу усыпляющее. Обмякнув лицом, Кейла откинулась на подушки, с трудом фокусируя взгляд, посмотрела на Айлек.

— М-меня... швырнуло... за Грань... Пом-моги вернуться мне, Избранная... — сипло шепнула она Айлек, затягиваемая водоворотами сна, — пожал-луйста...

Отяжелевшие, веки ее закрылись, дыхание выправилось, сделавшись тихим и ровным. Покой вновь шел на место ненужному бодрствованию... другая реальность, недоступная Айлек, иная Грань. Интересно, как это — шагнуть за нее? Жаль, что спящие никогда не смогут рассказать ей об этом.

— Сбой ликвидирован. Далее. Далее. Третий уровень проверки... Проверка завершена, — Айлек оглядела их еще раз, сквозь гаснущее полотнище экрана — все двадцать пять своих подопечных, в коконах мягких кроватей, опутанных паутиною проводов, под чутким контролем киберсистем, предотвращающих любую случайность, и, не торопясь, двинулась к выходу. — Открыть входные двери. Далее...

Дрогнув железными створками, двери разъехались перед ней.

* * *

Возвращение отозвалось дикой болью в висках, словно исколотых изнутри остриями кинжалов. Застонав, Кейла села в траве, придерживая руками голову. Зеленые травинки качались перед глазами ее, влево и вправо, встревоженные порывами ветра, ветер нес с собой бабочек и сладко пахнущую луговую пыльцу, стирая из памяти едко-кислый, до тошноты переполнивший ноздри запах — там, по ту сторону Грани, куда швырнула ее проклятая небом магия Народа Теней. Ужасный мир, похожий на тускло-серый склеп, где, опутанные веревками и цепями, спали узники его, вечным, зачарованным сном, и лишь магия Избранной дала ей возможность спастись... странно, что спасительница ее не последовала за нею.

— Возможно, она осталась, чтобы освободить остальных... — нашарив скрытый травую меч, Кейла поднялась на ноги, с трудом, точно бы отходя от долгой болезни; шатаясь, сделала пару шагов. И Грань вновь коснулась ее, вкрадчивым, осторожным касанием, заставив потускнеть на мгновение сияние солнца над головой. Болью поднятые из глубин памяти, они вспыхнули вновь — картины ее прошлой жизни, в том, наихудшем из миров, покинутом ей, где вместо прекраснейших замков к небу вздымались бетон-

ные коробки домов, где пища была пресна, а воздух лишен чистоты, где дни были похожими друг на друга, а ночь несла беспокойные сны...

— И тогда я решила уйти, — прошептала Кейла — белым кучевым облакам в ясно-солнечном небе, ветру, тихо тронувшему прядь волос у виска, затирая гудящую боль. — И все так решили... практически все.

«Время Покоя — открой для себя мечту! Любые сроки, отдых «под ключ»! Нет нужды ехать в далекие путешествия — отдыхай где угодно, не покидая уютной кровати! Расценки демократичны, возможен отдых в кредит. Мечта сбывается!» — полыхнуло перед глазами неоновой рекламной вспышкой. Кейла зажмурилась.

— На неделю... на месяц... а потом я оформила отдых бессрочно. Заработала. Имею право, — подняв меч над головой, будто бы отражая невидимую атаку, Кейла крутанулась в траве, сияющим острием клинка цепляя солнечные лучи. — И я рада, что снова здесь, а не там... как и до сбоя в системе... по эту сторону Грани... ох, что за странные мысли одолевают меня сейчас? Не иначе как происки чародеев Народа Теней, своей проклятой магией решившихся известить меня, Стражницу Врат, оставив мой мир без защиты... Не выйдет!

Пальцами коснувшись висков, уже позабывших о ноющей боли, она спрятала в ножны омытый солнцем клинок и легко зашагала — к сияющей арке Врат на границе между землею и небом, и трава, примятая сапогами, распрямлялась ей вслед, и мягко подталкивал в спину ветер.

* * *

Капсула для подзарядки напоминала стальное яйцо. Огромное, размерами в два человеческих роста, оно раскрылось для Айлек, разъехало на две половинки. Внутри гудело и прищелкивало, воздух был сух и стерилен, точно в человеческой операционной. Пригласительно мигнула синяя лампа, и Айлек вошла вовнутрь, замерла, прислонившись к опутанной проводами стене, чувствуя, как щекочит затылок электроразряды, прогоняя скопившуюся за день усталость в суставах, вычищая из головы ненужные мысли.

— Андроид АЙЛЕК-84, к системной проверке готова. Функциональных неисправностей не ощущаю. Жалоб нет. Запускаю режим проверки.

Гудение вокруг все нарастало, яйцо вибрировало, обхватывая проводами Айлек, сканируя тело ее — сотнями неощутимых сканеро-лучей. Айлек отчего-то вспомнились бессильно запрокинутые ладони, кричащий рот, расширенные в страхе зрачки ее сегодняшней подопечной. *«Меня... швырнуло... за Грань...»* Сбой в системе. Такое иногда случается. Айлек справились, и она молодец.

— Первый уровень проверки. Неисправностей не обнаружено. Далее... — покалывания электроразрядов становились все острее, все ощутимее, точно мириады невидимых иголок по всему телу, холодный электрический душ. Айлек поднесла ладони к лицу, словно стирая со лба невидимые капли.

«Почему они все решили уйти? Один за другим... все нарастающие очереди в Капсулы Покоя, драка за места... последними легли в сон создатели капсул, поручив свой отдых нам, обслуживающему персоналу... интересно, какие сны они видят сейчас?» — она закрыла глаза, пытаясь представить, как это — уснуть без возможности пробуждения, и это давалось ей с огромным трудом.

— Второй уровень проверки. Неисправности не выявлены. Далее. Далее. Включить третий уровень, — электроразряды делались все слабее, вибрацией отдаваясь под черепною коробкой, далекими, затухающими отголосками мыслей, пока последний из них не погас, без остатка впитавшись в пластиково-стальное тело Айлек. — Проверка завершена.

Она шевельнула рукой, высвобождаясь из опутывающих проводов, ярко-синяя, мигнула лампа над головой, бесшумно раскрывая яйцо, выпускающая наружу преображенную, отдохнувшую Айлек. Шагнув за пределы яйца, она обернулась назад, ладонью коснулась ребристой, холодом отозвавшейся под пальцами скорлупы.

«Покой — это, наверное, очень приятно... но я бы не хотела провести так целую вечность. Почему же этого разом захотели все люди? Странные, непостижимые для меня существа. Как хорошо, что за ними есть кому присмотреть», — внезапно подумалось Айлек. А потом — ее мысли заняли иные заботы.

Об авторе

Живет в Санкт-Петербурге. Образование высшее экономическое, работает бухгалтером. Пишет с 2009 года — стихи и рассказы в жанре фэнтези и фантастики (в том числе по мифам и легендам народов мира), а также исторические рассказы. Публиковалась в российских и зарубежных русскоязычных журналах: «Уральский следопыт», «Искатель», «Техника — молодежи», «Млечный Путь», «Меридиан», «Слово-Word», «LiteraruS», «Литературный Азербайджан», «Простор», «Нижний Новгород», «Наше поколение», «Микролит», «Байкал», «Эдита», «Человек на земле», «Ступени. Тайны и загадки», «Машины и механизмы», «Фантомас», а также газетах «Секретные материалы 20 века», «Шанс» (город Абакан) и сборниках рассказов «Крымское приключение» и «Голос севера».

Леонид Зильберг

Большой город Джоя

Я — Джой. Мама так назвала.
Чем я занимаюсь?

В прежние времена сказали бы, что я ассенизатор, может назвали бы мусорщиком или коммунальщиком, а то и шерифом.

Я почти все это делаю, правда. У меня сейчас даже напарника нет, точнее напарницы. Марта, которую я натаскивал два года, вдруг выдала на очередном тестировании семнадцать пунктов по шкале ксенофобии. А максимальный уровень для дублера — десять. Пришлось ей искать другую работу. Два года псу под хвост.

Правда, у нас теперь так не говорят: «псу под хвост». Псам это вряд ли понравится. Скажут «в чан» или «в емкость». Но я вообще, по общему признанию, чрезвычайно старомоден, к тому же был очень поздним ребёнком. Мамочка затеяла меня лет через двадцать после окончания обычного периода репродукции. Займать ребёнка теперь можно в любом возрасте, но ты его обязан вырастить — пока младшему не стукнуло тридцать пять, тебе даже эвтаназию не разрешат. Она тогда нажала на все кнопки и своего добилась. Однако на этом не успокоилась и сделала ещё и сестренку. Хотя нынче, через полвека, этим уже никого не удивишь.

Так что я был очень поздним ребёнком и нахватался архаизмов из её детства.

Она и по сей день жива-здорова, мы пару раз в неделю коммуницируем. Но в реале не встречаемся — ей уже подходит к ста восьмидесяти, и она живёт в поселении с особым биологическим режимом — мои инфекции загнали бы её в могилу в три дня. Тем более с моей-то работой. Конечно можно туда заявиться в специальном костюме, но стремно. Обнять — все равно толком не обнимешь, а риск остаётся. Короче, обходимся.

Вы не подумайте, мамочку я очень люблю. Всегда радовался, что у меня мама, а не папа. Теперь двух предков не бывает... ну, почти не бывает. Каждый ваяет себе потомка из своей половины хромосом и искусственного набора второй половинки. Улучшенного, конечно. Эту хрень потом закладывают в репликатор — и на тебе, просим любить и жаловать — мы появляемся на свет.

Так что, либо мама, либо папа, кто заказывал. Нет, ну встречаются чудики...

А потом у всех уши в трубочку сворачиваются, когда они начинают делить подрощенное чадо.

В общем, мама меня хорошо воспитала, по ксенофобии у меня вообще уникальные цифры. В среднем три пункта, выше четырех после двадцати пяти лет, когда мы заканчиваем среднюю школу, вообще ни разу не поднимались. Супер данные для моей работы, я и в дублерах только год проходил: ждали, пока свободный город найдётся.

Ничего не скажу, Город нашёлся серьёзный. Сто тридцать миллионов жителей, больше него только шесть-семь городов во всем мире. Когда мы говорим «в мире», значит, на Земле, конечно. Нет, в космосе тоже кое-что есть, и на астероидах, и на спутниках, и на искусственных станциях. Но все равно это пока мелочёвка — самый большой такой город улетел из Солнечной системы лет десять назад. Примерно через двести пятьдесят лет он должен обосноваться где-то в системе Дельты Павлина, в двадцати световых годах от нас. Там нашли аж три штуки планеты с водой и кислородом, какая-нибудь да сгодится. Правда, звёздочка-то беспокойная, уже начала раздуваться, превращаясь в красного гиганта, но миллионов пятьдесят лет у землян ещё есть. Станцию строили с запасом — первоначальное население семьсот пятьдесят тысяч, сейчас уже около миллиона, а прилететь должны все десять. Ну, а что ещё в таком полёте делать, как не детишек заказывать? Однако же связь с ними, сами понимаете, какая — задержка почти годичная, и это ещё только начало. Сестренка моя на этой штуке как раз и улетела. Она специалист по добыче полезных ископаемых в космосе. Или, как правильно сказать — полезных излетаемых? Копала все эти планетоиды годами, одним словом. Станцию из них и построили — половину астероида Веста извели. Что там сейчас делается в точности, теперь никто не скажет, но в любом случае — не чета они моему Городу.

Конечно, с такой громадиной я бы один не совладал, дураку понятно. У меня огромный штат работников. Нижнего уровня и верхнего. Это не иерархия такая, просто задачи разные. Нижний включает весь контроль за коммуникациями, сбор мусора, работу с коагуляционными чанами. У верхнего тоже свои коммуникации, экологический контроль, охрана правопорядка.

Я тут шерифом назвался, но это натяжка, в сущности. Преступлений теперь почти не бывает, а если случаются, то за них не наказывают, а лечат. А это уже не по моей части, врать не стану. Но выявление, да, это наше. Тут и верхние, и нижние могут сработать. А вот правонарушений полно, и самые тяжелые — против экологии. Штрафы за них огромные, и можно даже из Города вылететь. Есть муниципалитеты, где таких асоциальных типов принимают, но это те ещё местечки, сами понимаете. Все-таки в мегаполисе вроде нашего и медицина, и развлечения. Если работать хочешь, то и работу почти всем находят. А базовый доход, который каждому положен, один из самых высоких. Кстати, мамочке хватает базового дохода, чтобы жить в своём поселении на всём готовом, с лучшими в мире врачами. Доходы от своих накоплений она тратит только разве на косметические операции и выглядит лет на восемьдесят, не больше. А ведь ей уже поменяли почти всё — от суставов и сердца, до печени и некоторых сосудов. Все новенькое, клонированное из её же молодых клеток, которые она в ещё

в позапрошлом веке заморозила. Было бы нужно, я бы сам ей денегат подкинул, но ещё ни разу не понадобилось.

Короче, следим мы за средой обитания строго, камеры камерами, а живого пристального взгляда и чуткого нюха никто ещё не отменял.

Все органические и биокерамические отходы попадают в чаны. Из металла сейчас почти ничего не делают, только в космосе. Вместо проволочки охлажденные среды в трубках со сверхпроводимостью. Газовые отходы тоже в чанах утилизируем. Тонкая работа, протечки случаются, потери. Но справляемся. Кадры, вот вечная проблема. С верхними ещё ничего, продолжительность жизни высокая. А с вот нижними — беда, генетики над ними триста лет работают, но и до двадцати процентов от верхних не дотянули.

Есть города, где без верхних и нижних обходятся. Обычно в них нет базового дохода, почти все работают. Но расслоение огромное и ксенофобия цветёт. В таких поселениях и убийства — не редкость. А у меня, за все время работы — два случая. Нижнего убила полусумасшедшая дамочка, изменявшая любовнику. Решила, что это слежка за ней. Ну, и как-то шайка верхних растерзала голубя. Безмозглые создания, эти голуби. Для них отведены специальные места, где их подкармливают, но договориться с ними почти невозможно, лезут повсюду. Однако все теплокровные по Конституции и Декларации защищены, так что приходится пробиваться к их слабым мозгам, объясняя раз за разом элементарные вещи.

После этого голубя большой шумер был. Образовательные программы для верхних шерстить стали, на предмет пропаганды насилия. Либералы наши давно кричат, что пора их социальную структуру демократизировать. Хотя у верхних она ещё ничего — везде локальные советы, у каждого право совещательного голоса, но решает старейшина, что есть, то есть. У нижних с этим куда как хуже. По сути несколько тысяч маленьких абсолютных монархий, разве что власть переходит не по наследству и часто — из-за продолжительности жизни. Но все без крови, на авторитете. Во главе — совет этих самых монархов — там уже что-то вроде демократии просматривается. Короче, отбили мы эти наскоки демократизаторские. Есть опыт других городов, где социальная структура из-за этого полетела. Ну, и все помнят Сидней с его геноцидом. Влезали-влезали, всё развалили и стали убивать, пока ассоциация городов не вмешалась. Я древнюю историю неплохо знаю, сейчас государств почти не осталось — есть пара обезумевших островов, где правители закрылись и друг друга поедом едят. Мы иногда точечно уничтожаем их арсеналы и подгоняем автоматические одноразовые дирижабли с гуманитаркой. А так одни самоуправляемые города и их ассоциации. Но каждый город обязательно подписывает Декларацию Терпимости, иначе его ни в одну ассоциацию не возьмут. Ни в торговую, ни в медицинскую, ни по авторскому праву, а без этого в каменный век сползешь за пару десятилетий. Страшными были все эти прежние государства. Сплошной нескончаемый геноцид, изошренные яды, ловушки, бессмысленное истребление высокоинтеллектуальных существ. Последний приступ этой дряни как раз и был в Сиднее — два миллиона потравили. Когда мы занялись продолжительностью жизни и образованием нижних, выяснили, что скорость

обучения у них в десятки раз выше человеческой. Даже подумать страшно, сколько талантов и гениев загубили.

Сейчас некоторые из них до тридцати лет живут, по пятнадцать килограммов весят. Верхним тоже доставалось. Был такой идиот-правитель в одной стране — лично их сотнями из ружья расстреливал и в дневниках своих этим хвастался. Для развлечения, больше ему делать было нечего. Иногда даже думаю, не могло такого быть, но нет, старые фотографии остались — стоит гордый с ружьем, недоумок эдакий!

Хорошо, что всё это закончилось.

Приятно идти по Городу, красивому, чистому, обихоженному усилиями миллионов трудолюбивых существ. Своих детей у меня пока нет, но добрая половина верхней и нижней молодежи — мои крестники. Это я опять архаизмы выдаю, нет у них крестин, конечно. Верхние зовут меня поприисутствовать на празднике первого полёта, нижние — на персональные выставки лабиринтов.

Я люблю всех жителей города. Они такие разные, но именно этим и прекрасны. Сто миллионов людей, десять миллионов ворон, которых мы называем «верхними» и двадцать миллионов «нижних», крысами их больше не называют — обидное слово.

Об авторе

Родился в 1962 году в Москве. По образованию экономист. Издатель интернет-портала 7x7. Блогер, колумнист, автор статей в журнале «The New Times». Ранее писал только публицистику.

Андрей Мансуров

Унизительное решение

Люмес поднял удивлённый взор на Марвара:
— Простите, господин полковник, сэр? Я правильно расслышал?
— Абсолютно правильно, лейтенант. И цельтесь прямо в центр здания!

Удивлённое возмущение нелепым приказом лейтенант проявил тихим сопением в среднюю ноздрю, в то время как его шупальца, словно в зажигательном танце, порхали над клавиатурой орудий. Красные огоньки сменились зелёными — пришла пора взяться за штурвал и гашетки.

— Пушки готовы, сэр!

— Стрелок-наводчик! Приказываю открыть огонь! — полковник специально говорил почетче, чтоб данные чёрного ящика было легко расшифровать. На случай, если с ними что-нибудь... (Тьфу-тьфу! — Люмес поцокал языками.)

Бронебойные снаряды, легко превращающие в мелкое крошево и пыль даже твёрдый гранит, словно огненные пчёлы, рванулись к непокорному строению.

Но, как оказалось, лишь для того, чтобы с пристыженным визгом рикошета отскочить от таких тонких с виду, и таких прочных, что не брала даже алмазная коронка бура геологов, прозрачных панелей фасада! (У Люмеса мелькнула глупая мысль о том, что снаряды словно извиняются за то, что не смогли выполнить положенную им по Уставу работу..)

Впрочем, Люмес не поручился бы, что они вели огонь именно по фасаду, а не тылу, или боковому торцу. Все четыре вертикальные грани странного здания имели абсолютно одинаковые размеры: ну куб и куб. Двадцать на двадцать на двадцать гэввинов.

— Прямое попадание, сэр! Цель поражена! Но... Поверхность... не повреждена. — Люмес, рассматривающий здание в окуляры прицела знал, что командир сейчас не менее, а, скорее, даже более пристально, чем он, вглядывается в те места, куда должны были угодить стебиллоновые снаряды четырёх пушек. Но, как подчинённый, поторопился доложить о результатах стрельбы: не хватало ещё, чтоб полковник подумал, что он забыл свои обязанности.

Или издевается.

Нет, удивление, которое он испытывал тогда, в самом начале, когда их экспедиция только обнаружила странную планету, не исчезло.

Оно просто как бы преобразовалось — в затаённое удовлетворение каждый раз, когда они пытались найти нормальное, а затем и — подобрать

силовое решение к артефактам аборигенов. И каждый раз — тщетно. А, возможно, что он просто недолюбливал чёртова полковника: поэтому и усмехался, (про себя!) когда приказы начальника в очередной раз не приносили плодов.

Как с баками, вроде бы, с жидкостью, или с «рельсами», или с пирамидальными — не то надолбами, не то — придорожными столбами... Ничего из этого, и многого другого не удалось даже поцарапать, не говоря уж об «открыть».

Что, собственно, должно было Люмеса, скорее, настораживать — как отвечающего за научную сторону исследований. Похоже, их наука «не доросла» до местного Уровня!

Полковник грязно выругался вполголоса. Сказал:

— Отставить бронебойные. Заряжайте фугасные.

— Готово, сэр!

— Огонь!

На этот раз осколки изрешетили песок у подножия прозрачно-стеклянного куба, но результат оказался абсолютно такой же: нулевой.

— Термитные!

Снова — ничего.

— С кислотой!

То же самое. Только теперь на поверхности песка у подножия куба шипело и брызгалось во все стороны чёрно-коричневое клубящееся облако: вот песок точно оказался «поражён»!..

После очередного сердитого сопения — уже громкого, и не от Люмеса, а со стороны башенки командира! — последовала команда:

— Стрелок, прекратить огонь. Внимание, механик-водитель! Подъехать на тридцать гэввинов.

— Есть, сэр! — младший лейтенант Упперс, механик-водитель, поспешил нажать на педаль газа так, что мощный мотор взревел, словно раненый дормат, и исследовательский танк лихо принял прямо с места: они понеслись резвей, чем на Полигоне. На месте танк оказался меньше, чем за минуту.

— Лейтенант Люмес. Одевайте скафандр. Так. Младший лейтенант Упперс. Вы тоже пойдёте: поможете стрелку-наводчику нести оборудование.

Если водитель и чувствовал недовольство приказом, проявить его он сопением даже малой ноздри не осмелился.

Выбравшись на поверхность через нижний люк, снабжённый, как на всех разведывательных машинах, переходной шлюзовой камерой, Люмес покряхтел: чёртов песок! Он здесь везде. Хожни буквально разъезжаются! Надо же было чёртовым аборигенам испарить все океаны! А ведь данные сканнеров ещё с орбиты показали — когда-то океанами и морями было занято до восьмидесяти процентов поверхности! И чем им вода не угодила?!

Сзади ему по тырсе каким-то футляром наподдал младший лейтенант: он ещё не свыкся с пониженным тяготением планеты и не соразмерял движений:

— Извините, господин лейтенант, сэр!

— Ничего, Упперс, я выжил, — Люмес позволил себе усмехнуться.

Полковник, наблюдавший за происходящим через стереокамеры по бокам шлемов их скафандров, возмущённо фыркнул — подчинённые заткнулись, принялись нагружаться выволоченным из шлюзовой камеры исследовательским оборудованием.

Подобрав всё, двинулись к Зданию. Люмес невольно оглянулся, когда они оказались на полпути: ошетилившаяся стволами и решётками излучателей монстрообразная махина возвышалась над землёй в десять его ростов, да и в длину занимала, наверное, раз в пять побольше... Ох и здоровенный у них танк! Даром, что разведочный, а не боевой! Поэтому и пушечных башен только четыре. Зато пулемётов — шесть. Плюс огнёмёт. И Инвертор. И антимаг. И парализатор. И...

Да, танк большой. Вся эта хрень и без брони весила не один десяток бобоков.

Дотавившись до здания, Люмес выложил исследовательское «барахлишко» из шести рабочих шупалец, и сгрузил со спины, постаравшись, чтобы ничего не попало на осколки своих же фугасов и в ямы от кислоты. Песок... Уже не дымился, но выглядел, как застывшая после извержения вулкана лава. Хорошо хоть благодаря скафандру он всю эту гадость не нюхает!

Люмес, блаженно потянувшись, облегчённо дрюкнул: ф-фу.. Упперс же просто без излишних церемоний скинул ношу на мягкий песок:

— Господин лейтенант, сэ! Начнём как обычно?

— Да, Упперс. Доставайте корелло.

— Есть, сэ. — Рабочие шупальца Упперса споро отщёлкнули замки, и из футляра причудливой формы появился на свет корелло — сам по себе страшное оружие.

Футляр закрыли и перевернули. Зажужжали сервомоторчики. Выросшие из гнёзд штанги ушли в песок, и автоматически приподняли рабочую площадку на высоту пояса. Младший лейтенант взгромоздил исследовательский вариант модифицированного ручного оружия (Бедные пехотинцы! Таскать такую тяжесть!) на место. Защёлкнул анкер разъёма, подключил кабель питания.

— Готово, сэ!

— Начинайте. Для начала — с трёх процентов. И до максимума.

— Есть, сэ. — Упперс уверенно задвигал рукоятками и тумблерами, отогнул вбок экран для отображения полученных результатов. Прицелился. Однако повышение до предела мощности аргонового, а затем — и ксенонного, и рубинового лазеров результатов не дало. Младший лейтенант использовал тот же приём, что и Люмес против Марвара:

— Результатов хроматографии и спектрографии нет, сэ. Вещество стены не испаряется.

В наушниках раздался уже вполне спокойный — он наверняка ожидал этого! — голос полковника:

— Попробуйте сразу антимаг. В проверке кислотами смысла уже не вижу.

— Есть, сэ! Слушаемся, сэ! — лейтенант и младший лейтенант переглянулись. Но полковнику их ехидные ухмылочки за светофильтрами наверняка остались невидны. Оба тоже предвидели результат. Но не ска-

жешь же об этом начальству! Как и того, что они про его «мудрое» руководство экспедицией думают!

Корелло с его лазерами, бурами и кислотами, и плазменной горелкой скептически настроенные лейтенанты убрали назад в футляр. После чего взялись за тубус антимата.

Его уж установили подальше: не в пяти шагах, а в десяти. Потому что если всё же пошла бы «активная» реакция, расплыло бы в протовитовую пыль и излучатель, и его операторов...

— Готово, сэр!

— Начинайте. С десяти антипротонов.

Люмес поразился: слишком уж осторожно для обычно порывистого полковника. Но спорить не стал. Тумблерами и джойстиком антимата он двигал уже сам.

Когда от форсажного режима засветился вишневым цветом ствол излучателя, и показатели мощности ушли далеко в запретный красный сектор шкалы, полковник сдался:

— Чёрт с ним. Выключайте. Не знаю, чем ещё мы смогли бы пронять проклятый материал... Его, кажется, и рюйвелловая бомба не возьмёт... Ну-ка, Люмес! Подойдите и проверьте датчиком температуры: эта сволочная поверхность хотя бы нагрелась?

Люмес подошёл, поводит головкой прибора. Покачал головой:

— Никак нет, сэр. Никаких температурных аномалий. Эта штука всё отразила.

— Проклятье!.. — лейтенанты услышали и другие неуставные слова, однако делу они помочь не могли. Зато полковник хотя бы снял «нервное напряжение»!

Пока Люмес пытался постучать по гладкой и словно маслянистой на вид поверхности, подошёл и Упперс, рассовавший к этому времени все их приборы назад по футлярам:

— Что, сэр, даже звука нет?

— Нет, звук-то как раз есть. Словно стучу по... Обычному оконному стеклу.

— Н-да, неплохое стёклышко... Моей жене бы такое на кухню. А то Бурбулон уже два раза высаживал его мячом. — Младший лейтенант и сам постучал третьим шупальцем по поверхности фасада. — Эх, попасть бы внутрь! Хоть посмотрели бы, как всё выглядит непосредственно оттуда!

Люмес повернулся, чтоб ответить. Однако это ему не удалось.

Сказать от удивления он не смог попросту ничего, пока в наушнике не прорезался голос полковника:

— Упперс! Чёрт тебя раздери! Что ты там сделал со своей камерой? Куда пропал сигнал? Лейтенант Люмес, прове... — полковник заткнулся, потому что камера Люмеса поймала то, что только что стояло снаружи, и вдруг оказалось внутри: тело Упперса!

Впрочем, тело было явно живо, и весьма активно жестикулировало: младший лейтенант в не то гневе, не то — в панике, размахивал всеми рабочими шупальцами, а рот его смешно кривился и двигался: несчастный явно кричал! Скорее всего, просил о помощи!

Люмес попробовал отстроиться от чудовищности произошедшего. И от потока непристойностей и пожеланий неизвестным строителям «здания», изливаемого Марвером.

Он — учёный. Поэтому обязан «расколоть» загадку: как его спутник оказался внутри!

Так. Значит, Упперс хлопнул щупальцем по стене. И сказал... Как он сказал? Да, вот так: «Эх, попасть бы внутрь!..»

Сработало, значит.

— Господин полковник! Вы слышали, что младший лейтенант сказал только что? Ну, перед тем, как его?..

— Да, слышал! Этот кретин пожелал... Да, пожелал попасть внутрь!

— Вот! Именно так, сэр! И ещё — хлопнул щупальцем по стене. По наружной стене.

«Вот так». — Люмес хлопнул по стене и сам, да посильней, и не без внутреннего злорадства сказал вслух:

— Хочу попасть внутрь!

Он внезапно, без всякого перехода или изменения в ощущениях, оказался позади истошно вопящего лейтенанта. Правда, слышно того было плохо: вероятно, звуки из скафандра механика-водителя пробивались только через прослойку воздуха внутри куба. Потому что трансляция рации, и, как «намекнул» полковник, и видеоканал, оказались полностью заэкранированы от бортового ретранслятора танка.

Воспользовавшись мозгом (а что: каждому учёному этот инструмент рекомендован Инструкцией!), Люмес подошёл к Упперсу, всё ещё колотящему по стеклу всеми шестью щупальцами, вплотную. Обнял осторожно сзади: тот забился было сильней, потом, оглянувшись и увидав, что свои — обмяк, словно люстрин в дюде...

Люмес прислонил шлем к шлему напарника:

— Упперс! Да Упперс же, чтоб тебя!.. — пара фраз в стиле полковника позволила и ему самому несколько успокоиться, и Упперса немного в себя привела: столь знакомые цветистые обороты можно услышать только от любимого начальника!:

— А?!

— Не «А!», а заткнись. Хватит орать. Послушай меня. Ты хлопнул щупальцем по стеклу. Сказал: «Вот бы попасть внутрь!» Ну вот: ты и внутри! Чем же ты недоволен?!

— Я... Оно!.. Проклятье!.. Ф-фу.. Прошу прощения, господин лейтенант! Поддался панике. Так точно — ваша правда! Я захотел попасть внутрь. И хлопнул по стеклу.

— Хорошо. Ты всё помнишь. Не-е-ет, не отрывай шлема — а то радио не работает. Так вот: теперь просто сделай так же!

— А?

— Блинн... — Люмес чуть сам не треснул по шлему непонятливого солдафона. Потом сдержался — всё верно. Критический мозг даётся не всем... — Тресни по стеклу. И пожелай оказаться снаружи! Приказ ясен?

— Так точно, господин лейтенант! — Упперс так торопился треснуть, что даже зашипел: отбил щупальце! — Хочу оказаться снаружи!

Посмотрев на выпученные глаза теперь с этой стороны стекла, Люмес усмехнулся уже вслух: теперь-то полковник не услышит и не узнает! Да и опасности, к счастью, вроде, нет... А вот вопрос есть: был ли он сам на сто процентов уверен в том, что сработает?..

Ладно, пока он здесь, можно посмотреть: что тут и как. А полковник с младшим лейтенантом пускай себе ругаются да недоумевают, что и как только что произошло.

Он показал жестом младшему лейтенанту, что осмотрится, и медленно двинулся по периметру комнаты-ячейки. Куб был разделён девятью взаимноперпендикулярными прозрачными внутренними перегородками. То есть шестьдесят четыре кубических же помещения. Этаким «кубик-мудубик»! Вот только как в него играть...

То помещение, по которому он двигался, имело, стало быть, размер примерно пять на пять на пять гэввинов. И ничего-то стоящего пристального изучения в нём не имелось. Даже пыли.

Однако то, что ничего материального внутри комнаты не нашлось, не означало, что его тут действительно нет... Может, просто зрение орфотцев не приспособлено к условиям аборигенов? Может, у тех зрение осуществляется на других частотах и длинах световых (или ещё каких!) волн?!

Но тогда он шупальцами-хожнями давно бы это нащупал. Или хотя бы об него треснулся...

Люмес прошёл вдоль всего периметра комнаты, так ничего и не найдя.

Впрочем, он предвидел такой вариант с самого начала. Но где-то же должны быть механизмы, отвечающие за работу этого устройства нольпереноса!.. Под землёй, что ли?..

Посмотрим теперь, что показывает газоанализатор... Нет, состав — точно такой же, как у воздуха снаружи: двадцать один — кислород, семьдесят восемь — азот. Пары воды, криптон, аммиак — вернее, их следы... Для него смертельно ядовито.

Он хлопнул по стене, с которой, собственно, и начались их с Упперсом хлопоты:

— Хочу попасть в комнату над этой!

Че-е-е-рт... А ведь так и произошло. И он уже видел, что обходить её смысла нет: пусто. А ещё он видел опять выпучившиеся глаза задравшего голову Упперса, и громаду их танка — уже сверху.

Ладно. Раз вы так с нами, зловерные загадочные строителя куба, то мы... Хотя бы осмотрим и верхние этажи.

Он показал Упперсу, что «едет» выше. Тот покивал и что-то забубнил — видать, докладывал полковнику. А то тот и сам не видит тело Люмеса: куб прозрачен даже лучше, чем любое их стекло!

Люмес побывал везде: и в комнатах оставшихся верхних уровней, и даже на плоской и пыльной крыше. Даже помахал оттуда парой рабочих шупалец стоящему теперь поблизости от брюха танка Упперсу. Упперс несмело помахал в ответ, а голос полковника, тоже Люмеса у кромки крыши заметившего, буквально дрожал от сдерживаемой ярости:

— Лейтенант Люмес! Вы будете разжалованы!!! Я лично подам заявление в Трибунал — вас отправят навечно на дрожжевые фермы!!!

— Так точно, сэр! Есть, Трибунал, сэр! — Люмес даже не давал себе труда скрывать сарказм и иронию в голосе, — Только разрешите узнать, с какой формулировкой? Какой именно пункт Устава я нарушил?

— Вы... Э-э... Г-хм... Ну, это, дезертирство! Вот. И ещё — попытка неповиновения приказам прямого начальника!

— Это какие же ваши приказы я нарушил, позвольте спросить, сэр? Разве не вы приказали исследовать «чёртову хреновину»? И разве мы с младшим лейтенантом не рисковали жизнями, пытаясь выполнить со всей возможной добросовестностью ваш приказ?

С такой позиции рассматривать ситуацию полковнику явно в голову не приходило. Во всяком случае, он сопел во все три ноздри добрых полтана. Потом смилостивился:

— Ладно. Признаю решение о Трибунале излишне... Поспешным. И недостаточно обоснованным. А теперь слезайте оттуда, чёрт вас поberi!

Люмес даже не стал опускать рабочие щупальца: топнул одной из хожней:

— Хочу оказаться в самой первой комнате, где я был.

Оказавшись там, он хлопнул по стеклу (совсем легонько!):

— Наружу!

В наушнике явственно раздалась два вздоха: один — полковника, второй — Упперса.

Но у полковника словесная реакция оказалась быстрой:

— Приказываю немедленно собрать всё оборудование и эвакуироваться оттуда!

— Но полковник!.. На нас же никто не нападает! И... Опасности фактически нет никакой!

— Р-р-р! Приказ не обсуждается. Выполнять немедленно!

— Есть, сэр! Есть, сэр! — лейтенанты снова переглянулись. Однако вслух возражать или комментировать решение начальства так и не решились: Марвер — мужик решительный! Может, действительно, и наказать. Особенно, если обидится. За обсуждение его интеллектуальных способностей.

Кроме того, полковнику ещё предстоит докладывать о «результатах» высшему Начальству. А это, как знал не понаслышке Люмес, то ещё «испытание»...

На следующее утро Люмес подошёл к кубу налегке. Из всего оборудования на нём был маячок — для быстрой пеленгации. И увеличенный запас метана для дыхания.

— Я на месте.

— Начинайте, лейтенант. — если Марвер и считал приказ Начальства «излишне поспешным» и «опасным», внешне он никак беспокойства за жизнь подчинённого, ещё и добровольно вызвавшегося проверить свою «гипотезу», никак не проявлял.

Люмес хлопнул, пожелав сразу оказаться внутри. Готово. Теперь — задачка посложней...

— Хочу оказаться в ближайшем кубе на этом континенте...

Визуально сразу стало ясно: да, он перенёсся. В другой куб.

Вокруг, собственно, та же пустыня — да она теперь и везде на этой планете! — но и расположение барханов другое, и... Танка нет.

Ладно. Теперь нужно лишь выйти на поверхность, и дать себя запеленговать.

Он «поднялся» сразу на крышу.

Связь с полковником наладилась быстро: «соседний» куб находился всего в пяти тысячах гэввинов от исходного. А передатчик берёт до трёх варзаков!

— Алло, лейтенант Люмес. Приём, приём. Лейтенант Люмес, алло. Как слышите. Доложите обстановку.

— Да, сэр, слышу вас хорошо. Я — на крыше соседнего куба. Как слышите?

— О! Хм. Да. Точно! Есть данные пеленгатора... Слышу вас хорошо, лейтенант. Так... И что там видно?

— Ничего, сэр. В смысле, ничего интересного. Вокруг такая же пустыня... Попробую теперь перенестись на крышу куба на соседнем континенте. Того, что у полюса.

— Э-э... Действуйте.

Люмес пожелал. Топнул.

Ага. Вот он и в Антарктических просторах.

Здесь, наверное, холодно. Было. Пока вокруг лежали льды. А теперь, когда ось планеты выпрямлена (опять-таки — вопрос: для чего?!), и смены времён года практически нет, вокруг — просто немного прохладней, чем на экваторе.

Впрочем, ему-то это показывает только наружный термометр скафандра. Потому что внутри скафандра усиленной защиты — приятный и тёплый микроклимат: как раз при такой температуре и должна была испаряться местная вода...

Люмесу подумалось, какими же знаниями нужно обладать, чтобы без машин (Или — их потом просто уничтожили? За ненадобностью?) сдвинуть ось вращения целой планеты... Жуть. Они сами, хоть и овладели межзвёздными перелётами, о таком даже мечтать пока не могут. Да и зачем бы: семь градусов наклона оси Орфота особых проблем не создают.

— Алле, алле, полковник! Вызываю полковника Марвера! Сэр, как слышно? Приём!

— Здесь генерал Польда, лейтенант. — басовитый голос генерала не перепутать ни с чьим! — Слышу вас хорошо. Наш ретранслятор прямо над Гурипидой. Сигнал чёткий, стабильный. Пеленгатор зафиксировал местоположение вашего маячка. Можете продолжать движение.

— Есть, продолжать, сэр! Простите, господин генерал, сэр... Мне — что? Обследовать и побывать на всех двадцати трёх тысячах пятьсот восемнадцать кубах планеты?..

— Хм... Пожалуй, вы верно ставите вопрос... Особого смысла в дальнейшей проверке вашей блестяще подтвердившейся гипотезы, конечно, не вижу... Возвращайтесь в исходную точку.

— Есть, сэр! Так точно, сэр! Понял. Да и как бы я на остальных кубах побывал, если даже не знаю, какой у каждого — порядковый номер? Ну, в-смысле, как мне называть куб, куда я собираюсь отправиться?

— Н-да. Это тоже разумно... Ладно. Со временем, наверное, придётся составить каталог... И пронумеровать их.

— Да, сэр. Наверное, сэр. Только вот... Будут ли кубы согласны с нашей маркировкой?

— Как вы сказали? Лейтенант! Что вы имеете в... — впрочем, нужно отдать должное генералу Польда. Соображал он куда быстрее полковника. Поэтому он — и генерал: — Так. Я понял ваше возражение. Но пока не попробуем... Промаркировать. И поперемищаться... Не узнаем. Всё. Приказываю возвратиться к танку. Конец связи.

Люмеса не слишком вдохновил приказ генерала.

Они же попробовали только кубы здесь, на третьей планете! Ну вот не могло так быть, чтобы такими, или похожими устройствами не была оснащена хотя бы часть остальных более-менее пригодных для жизни планет этой системы. И местного спутника.

Может, стоит попробовать?.. Но вначале... А то ведь даже не будут знать, где искать, если что, (тьфу-тьфу!) его тело.

— Хочу попасть на самый первый куб. Тот, с которого я начинал движение!

И вот снизу на него пялится Упперс, а в танке всё так же сидит полковник, наверное, довольно поглаживающий кудрявые геттинги... Ещё бы: не часто ему удаётся утереть нос штатным Учёным из Исследовательского специнститута при Минобороны!

— Лейтенант! Благодарю за отличную работу!

— Служу Орфоту!

— Хорошо. Я слышал ваш разговор с генералом. Действительно — сортировка и эта... э-э... ката... логизация — не совсем то, ради чего существует войсковая разведка. Поэтому спускайтесь, и двинемся к лагерю.

— Так точно, сэр. Есть спускаться, сэр. Вот только...

— Да, Люмес. — в тоне полковника уже куда меньше стали. Он явно успокоился.

— Я вот подумал, сэр, что такие замечательные средства для передвижения наверняка охватывают не только одну эту планету. Что, если мне сейчас попробовать... Ну, слетать хотя бы на местную луну — вдруг там тоже есть такие кубы? Мы же ещё не обследовали их спутник? А я как раз в скафандре!

Такая дерзкая мысль, похоже, в голову полковника ещё не приходила. И насчёт луны, и насчёт других планет системы. Но ответил он, вдохновлённый успехом подчинённого, рекордно быстро: не прошло и пятнадцати мюслей:

— Внимание, лейтенант Люмес. Приказать совершить столь рискованный поступок я не могу. Это не по Уставу. Однако, если вы хотите проверить свою гипотезу, я разрешаю. Попробовать. Тем более, корабль генерала... Или даже флагман Адмирала сможет постараться поймать ваш сигнал. Вы пробуйте, а если вы исчезнете с верхушки куба, я сообщу ему, где вас искать!

Люмес топнул. Всё вокруг мгновенно изменилось: возникло и чёрное небо над головой, с ярчайшими точечками звёзд, и серо-жёлтая поверхность пустынного и лишённого воздуха спутника, и в хожнях и щупальцах появилось пьянящее ощущение лёгкости! Ещё бы: тут он весил меньше четверти своего веса!..

Люмес попрыгал по верхней грани куба. (Ха-ха!) Этот оказался поменьше: всего десять на десять на десять... И перегородка внутри была только одна для каждой грани: все три делили куб лишь на восемь комнат-блоков.

Сразу же у Люмеса появилась версия, что кубами аборигены пользовались там, дома, куда чаще, чем для путешествий между планетами. Похоже, сюда летали только исследователи. Или... Туристы? Как сейчас узнать, когда строители канули в Лету...

А впрочем — то, что они их до сих пор не встретили, не значит ничего!

С таким уровнем техники и технологии эти аборигены могут жить... И в подземных, отлично оборудованных, городах! И наверняка всё за них делают машины! Да и кубами они могут не пользоваться оттого, что достигли совершенно нового Уровня технологии... Или — самосовершенствования. Может, для путешествий — хоть по всему Космосу! — им теперь не нужны никакие технические приспособления? И именно этим, а вовсе не вымиранием, объясняется невострребованность столь замечательного средства транспорта?

— Алло, алло, господин генерал! Вызываю генерала Польди! Слышите меня? Это Люмес, это Люмес. Я действительно на спутнике!

Не прошло и трёх мюслей, как обеспокоенный, и задержанный пространством в полтора варзака голос, отозвался издалека:

— Алло, алло, слышу вас, лейтенант. Только сигнал слабый и... Ага — вот. Запеленговали. Есть координаты. Да, вы оказались правы: он идёт с местной луны! И... Как там?

— Неплохо, сэр. Тяготение по гравитометру — ноль восемнадцать от планетарного. Воздуха нет. Вокруг точно такая же пустыня. С песком. Только — серым. И с кратерами от метеоритов. И ещё — куб здесь поменьше. Всего на восемь «комнат».

— Так, ладно. Понятно. Лейтенант! — голос, снова прорезавшийся с задержкой, не то — на прохождении радиосигнала, не то — на обдумывание ситуации, звучал куда бодрее, чем при посещении Гурипиды (ещё бы!), — Благодарю за проверку вашей гипотезы. А сейчас возвращайтесь — кубом на спутнике займутся наши специалисты!

«Ага», — не без ехидства подумал Люмес, — «Похоже, эти самые специалисты начали всерьёз опасаться, что все конфеты растащит обычная войсковая разведка!»

— Есть, сэр! — он топнул, чуть подлетев кверху: не рассчитал силу удара хожи. Однако на «своём» кубе оказался мгновенно.

— Добро пожаловать, Люмес! — голос полковника уже совершенно явственно сочился глубочайшим удовлетворением, — Ещё раз благодарю за службу!

— Служу Орфоту!

— А теперь спускайтесь-ка. Пообедаем. А заодно обсудим, чем ещё мы сможем досадить яйцеголовым из ведомства Адмирала! Ха-ха!

Полковник решил пошутить! Вот уж действительно — пойдёт фиолетовый снег!

После обеда, прошедшего в милой и почти домашней обстановке — даже Марвер вёл себя почти не как грозный начальник, а как обычный человек: расспрашивал не «по уставу», а с неподдельным интересом! — Люмес попросился на ещё одну «проверочную» вылазку.

Чувство неудовлетворённости, недоделанности дела, не покидало Люмеса, когда он с крыши «своего» куба смотрел вниз, на идиотски выглядывший среди жёлто-белых песков, нелепо ошетилившийся оружием во все стороны, танк. И не потому, что его привычная на Орфоте, чёрно-коричнево-серая камуфляжная окраска здесь выглядела нелепо.

Само присутствие чудовищно тяжёлой, могучей, но здесь оказавшейся абсолютно бессильной стальной громадины, будила в нём чувство чужеродности, неуместности присутствия их здесь, на планете. Чья цивилизация ушла настолько далеко, что они если и могут воспользоваться некоторыми техническими достижениями, наверное, долгие века даже не смогут приблизиться к пониманию того, как и с помощью каких механизмов и принципов всё это работает... И — главное! — почему не используется. И...

Где люди?!

Не похоже, что тут происходила война. Да и как могли бы аборигены с таким уровнем знаний не победить?!

Нет, больше похоже, что эта раса, в отличии от них, орфотцев, не воевала ни с какой ксеноморфной расой.

Похоже, это только орфотцы пытаются всегда решить проблемы с оружием в руках — так, чтоб захватывать, или отвоёвывать территорию, которую противник считал исконно своей... И что каждый раз стоило цивилизации Орфота чудовищных жертв, и напряжения всех сил. А противнику — поголовного истребления.

Но что же делать, если при самом первом контакте именно ксеноморфы объявили им непримиримую войну — войну до «последнего»!..

Ну вот и были истреблены. И на остальных чужаков теперь — во избежание ненужных потерь! — их Флот нападает внезапно. После добросовестной и долгой разведки. Нанося удары в точно рассчитанные ключевые места обороны. Ох-х...

— Господин полковник. Лейтенант Люмес прибыл на крышу нашего куба! Разрешите попробовать ещё один вариант!

— Слышу вас, лейтенант. Что за вариант?

— Да. Сэр. Я как раз вот об этом, сэр.

— Да?

— Я ещё на луне, как штатный исследователь, подумал... — он не говорил о мысли, пришедшей ему в голову уже за обедом. — Даже если мы сможем каталогизировать, задействовать, и использовать все эти средства нуль-транспортировки, всё равно — они остаются пока непонятными. Мы не знаем принципа их работы, и не видим механизмов, которые приводили бы их в действие, или снабжали энергией...

Вот если бы нам удалось повстречаться с их создателями!.. Вы понимаете, что я имею в виду, сэр?!

— Да, лейтенант. Я понимаю. Вы хотите сказать, что они могли бы помочь нам. Если бы оказались мирно настроены. И захотели. И мне

понятно ваше желание ознакомиться, так сказать, из первых шупалец, с этими вашими «принципами действия». И я согласен и с идеей транспортировки хотя бы одного такого куба к нам, на Орфот.

Кстати! Мысль забрать домой один из кубов уже пришла в голову Адмиралу Гобдору. Правда, тогда мы ещё не знали, что с помощью них можно передвигаться... Хм.

Однако даже магнитные захваты дока-эсминца не смогли сдвинуть с места куб на малом континенте, который мы условно назвали «Арбетией». Хотя не найдено ни креплений, ни якорей... Так что перевезти вряд ли получится.

— Это ясно, сэр. Но... Простите, что спрашиваю, сэр. А кому-нибудь приходило в голову, что с помощью кубов можно попытаться попасть не только в другие кубы? И — не только на другие планеты?

— Как вы сказали? Э-э... Нет, лейтенант. На сегодняшнем утреннем внеочередном заседании начальников Объединённых Штабов такие версии не рассматривались.

— Может, тогда стоит попробовать? Напроситься, так сказать, «в гости»?..

— Что вы, чёрт побери, имеете в...

Что ещё говорил полковник, Люмес не услышал.

Потому что топнул ногой и пожелал оказаться в том месте, где находятся сейчас те, кто построил и отвечает за работу кубов.

Ух ты!..

А как ещё сказать про огромное, неохватное взором, пространство, занятое титаническими механизмами и приборами непонятного назначения?!

Люмес поторопился покричать в трансляцию, вызывая полковника, генерала, и вообще — всех, кто мог бы его услышать.

Тишина в наушниках.

Никто из своих его не слышал.

Зато услышал кто-то из тех, кто «отвечал за постройку и бесперебойную работу» кубов. Да, похоже, и не только кубов...

К нему прямо по воздуху подлетело существо.

Вернее — не подлетело. Оно, оно... Словно возникло, сконденсировалось прямо перед его лицом, в двух гэввинах! Кажется, оно в... одежде?

Да, похоже. Но почему у него лишь две хожи (и язык-то не поворачивается нижние, странно вывернутые конечности, так назвать!), и два шупальца (?) для работы?

Пока Люмес рассматривал странное создание, то словно вздохнуло.

Он ощутил, что в его мозгу что-то происходит! Словно этот самый мозг — ящик с инструментами! И аккуратный и педантичный Мастер их внимательно перебирает и рассматривает — чтоб понять, для чего они служат, и как устроены...

Однако это ощущение не было неприятным!.. Скорее, он ощущал, что существо словно извиняется за... вынужденную меру — исследование его самого, и...

Всей их Цивилизации!

В мозгу Люмеса зазвучал тихий вкрадчивый голос:

— Приветствую тебя, исследователь Люмес. Однако не могу сказать, что мы тебе и твоим соратникам рады. Вы настроены... Слишком агрессивно и бескомпромиссно. А мы привыкли сами владеть и распоряжаться своей солнечной системой с её планетами. Да и всеми остальными системами, находящимися в нашей юрисдикции.

Поэтому мне сейчас придётся осуществить действие, несомненно, унижающее ваше достоинство как расы. Но — единственно возможное для того, чтоб она...

Осталась цела.

Хочу верить, что вы повзрослеете. Тогда, возможно, и встретимся.

Прощай.

Люмес застыл, словно блиппер, замороженный к Дню Приношения Даров.

О чём это он только что?.. Вот чёрт! Он не помнит.

Померещилась какая-то гадость? Или приснился кошмар? Почему он не понимает, и не помнит, где находится, и что только что делал?!

Хотя нет — где он находится, он отлично понимает: это — его каюта на вспомогательном эсминце Флота «Гордость Юмока», и они, они...

Только что вылетели в очередной рейд к очередной планетной системе. На разведку. И присоединение к Империи Орфота. Если там найдётся (а оно обязательно найдётся!) хоть что-то мало-мальски ценное...

Он — молодой и подающий надежды учёный. Только что закончивший Университет, но не имеющий средств продолжить учёбу и профессиональную карьеру. Потому, что у него не хватает денег. Поэтому-то он и завербовался в Армию на пять танов.

А что: он молод, здоров. А то, что им будут шпынять тупоумные армейские офицеры он как-нибудь... Перетерпит. «Да, сэр!», «Так точно, сэр!».

Но почему он не может вспомнить того момента, который был вот — буквально тридцать мюслей назад?! То есть — как он оказался на своей койке на эсминце?

Спал? Дремал перед вахтой?

Блинн...

Ладно — так или иначе, надо вставать, и приниматься за одевание — скоро в столовую. Потому что часы показывают, что до обеда пятнадцать минут. (Да, необычно уже то, что он оказался в постели именно в это время!)

В столовой было как всегда: младшие армейские чины двигались шумной толпой прямо сквозь поспешно расступающийся вспомогательный персонал, к которому принадлежал и он: чтобы без очереди взять свой поднос с уставным рационом, и сесть в офицерской половине — там и светлей и просторней.

Люмес терпеливо дождался очереди. Взял подносик. Прошёл на привычное место. Поздоровался с таким же как он, контрактником — Элизелом. Но не успели они начать поглощать пищу, ожила трансляция:

— Внимание, экипаж и вспомогательный персонал! Прослушайте Приказ Главкомандующего. Цель нашего полёта решением Штаба Флота изменена. Теперь это — система Яйшайяна. Полёт до неё займёт на полгода больше планировавшегося первоначально. За тот срок, что превысит ваш контракт на этот рейс, компенсацию все служащие-срочники, и завербованные, получают в полуторном размере. Конец объявления.

— Как думаешь, Люмес — что там... Стряслось?

— Не знаю, Элизел. Но боюсь, мы никогда и не узнаем.

— Э-э, ладно. У чурвиков головы большие — вот пусть и думают. А пока они платят денежки, мне лично плевать, куда мы летим. Разницы-то — нет!

Люмес, в душе которого происходила странная борьба, а в голове всплывали какие-то нечёткие обрывки не то — воспоминаний, не то — снов, был, в принципе, согласен, что для них-то разницы и правда — нет..

И хотел было добавить, что вряд ли причину разворота эскадры на сто восемьдесят градусов понимают и сами принявшие странное решение, Флотские начальники, но...

Передумал.

Об авторе

Всю жизнь живет Ташкенте. Родился в 1960-м. С 1978 по 1982 учился в Ташкентском Институте Иригации. С 1982г. работал в Среднеазиатском Научно-исследовательском Институте Иригации, Старшим Научным Сотрудником. В 1989-м закончил Аспирантуру. В 1992-м, после прекращения финансирования науки, работал Главным энергетиком на асфальто-бетонном заводе. В 1996-м пошел работать в ГАБТ им. А. Навои артистом хора, где и работает по настоящее время. Кроме этого, работал в экспедициях геодезистом, и в Ташкентском Зоопарке зоологом-орнитологом 2-й категории, и на Рекламном заводе, и в Городском Центре Технического творчества учащихся, педагогом автомоделлерования, и в других местах. Опубликованы: рассказ «Госпожа Нагайна» — Космопорт, рассказ «Другое Солнце» — Мир Фантастики, рассказ «Тоннельные» — Фантаскоп, рассказы в «Новозеландском вестнике». «Храбрость» и др. рассказы — в «Иерофанте», и десятки других рассказов в др. журналах, альманахах и фэнзинах фантастики. Рассказ «Занимательное почвоведение» занял 1 место в номинации «Фантастический рассказ» на 3-м Этапе Конкурса «Великое кольцо». В Издательстве ЭИ «Аэлита» в 2015 г. опубликован авторский сборник «Океан», и роман «Мерзения» (под псевдонимом Вениамин Хегай). 2015 г. в альманахе «Полдень 21 век» опубликована повесть «Доступная женщина», за нее Интерпресскон присудил звание Лауреата Премии «Полдня» за 2015 г. В 2016 г. ЭИ СамПуб выпустило 15 моих книг, и ЭИ «Ридеро» — 6. В 2017 г. Издательство Стрельбицкого выпустило 2 книги. К настоящему времени в ЭИ СамПуб опубликовано около 40 книг Андрея — романов, сборников рассказов, и тематических сборников фэнтези и сайнс-фихин.

Касандра Тарасова

Дорога на край Мира

Лента асфальта ползла вперёд. Тонкая мелодия свирели путалась в пушистых ветвях евгении. Казалось — вдали гудит завод, в сердце которого кипит металл. Цепочка следов от босых ног неровной тропинкой темнела на асфальте, усыпанном мелкой бетонной крошкой. Следы ходили от одного края пути к другому, то и дело забирались на вышербленный бордюр. Ножки осторожно скакали попеременно с жёлтой краски на белую, а потом — бетонные блоки закончились, и пришлось вернуться обратно на асфальт. В редкой траве блестели битые стёкла, сухие стебли словно были подёрнуты ржавчиной. Сегодня маленькой путнице совсем не хотелось бегать по кустам — без обуви там и делать нечего. Хотя весело прятаться в вечной зелени — наверное, кусты умрут последними.

— Я не хочу этого видеть! Пусть живут вечно! И никогда-никогда не завянут! — бойкий голос отозвался от ветвей. Перевёрнутая фигура быстро мелькнула в пустой баночке из-под джема, лежащей среди корней.

Лента асфальта обрывалась десять метров спустя. Свесив ноги, на краю сидел старик. Рукава коричневой рубашки подвёрнуты до локтей, на смуглой коже сквозь морщины видны вены. Видавший виды ремень, уже начавший рассыхаться от времени, поддерживал чёрные брюки, с заплатами на карманах. Серые кудрявые волосы непослушными прядями вылезали из-под выгоревшей на солнце шляпы.

— Дядюшка Том! — радостный оклик ребёнка прервал мелодию.

Старик опустил флейту и неторопливо обернулся. Высохшие губы расплылись в доброй улыбке.

— Привет-привет, малышка! И сегодня тоже пришла? — тёплый усталый голос задал вопрос.

— Конечно! Вот только угадайте — кто я сегодня?

Девочка восьми лет поставила плетёную корзину ровно на разделительную полосу и стала ждать ответа. Старик сразу же понял разгадку, но решил не спешить с ответом. Он деловито потёр подбородок, потом встал и подошёл поближе к девочке. Посмотрел на неё внимательно, поднял взгляд вверх, потёр затылок, а потом хлопнул себя по лбу.

— Ну, конечно же! Красная Шапочка! — произнёс он.

— Да! Да! Угадали! — торжествующе вскрикнула девочка.

— Рад, что ты сегодня весёлая, Мирра, — улыбнулся старик.

— А вам — весело?

— Ну, когда ко мне приходят гости — мне всегда весело!

Грустно вздохнув, он погладил девочку по волосам и сел обратно на край мира. Под поношенными ботинками зияла бездна. Это был край мира.

* * *

— Где же ты взяла этот костюмчик?

— Мама сшила!

— А где же она взяла ткань?

— Не знаю! — весело захихикала девочка и продолжила скакать по дорожке.

Дядя Том усмехнулся, потёр лоб и снова стал смотреть на бездну.

Завода не стало ночью — можно сказать, что жертв не было. Но у оставшихся здесь людей было своё мнение на этот счёт. Две массивные полые трубы тогда как подпрыгнули. Шесть бело-красных упали, как тонкие тополя. На несколько секунд раскрылся огненный зев на месте сердца этой колонии — и ничего не стало. Ни земли, ни неба.

Только край.

Край, который остался там, за защитным барьером, странное дело, включившимся вовремя. Никого не оказалось на месте взрыва — комендантский час был строг для всех. Может, из-за этой автоматике всё и случилось? Замкнуло где-то что-то? Или диверсия? Если подумать, этот завод поставлял добрую массу ресурсов — даром что был построен на месторождении, и таком богатом, что на Земле и не снилось.

«Земля...» — невольно дядя Том запрокидывал голову и вглядывался ввысь. Какая из этих точек над головой Земля — та самая, на которую был тут же послан сигнал бедствия? Когда с одной из этих точек прилетит подмога? Что они будут делать? Увезут всех обратно?

Да, это наиболее вероятно.

Ведь там, на Земле, когда на шахте истощался ресурс, городки живущие над ним умирали — быстро и беспробудно.

— Не помереть бы, дожидаясь вас, господа, — проворчал себе под нос старик, мусоля край воротника. Потом осёкся и оглянулся. Нет, слава богу, Мирра не услышала. Вон там она — плескается в луже на асфальте. Ох и влетит ей от матери за это дело!

— Я — подводная лодка! — детский смех разносился по дороге.

А, кто знает. Может, и восстанавливать всё будут? Может, как это делается — на буксир возьмут остаток этого трёклятого астероида, который на честном слове держится, на котором и остались те самые дома, те самые улицы, те самые люди...

«Бедная малышка. Один-единственный ребёнок здесь она... Как же ей скучно и грустно, небось...»

Красное платьице порхало туда-сюда, потом устало, остановилось и подсело к Тому под бок.

— А знаете что?

— Что же, сказочка моя?

— А мне площадку игровую сделали!

- Да, вот как?
- Правда-правда! — повторила она, словно сама пытаюсь поверить в свои слова. — Из куска трубы дяди рабочие мне сделали горку!
- О! Умно!
- Туда кусок лестницы приделали! Чтобы я залезть могла!
- Ну, это точно надо!
- А ещё я хочу песочницу! Но только её пока нельзя сделать — мне так сказали. Песка нет...
- Это жаль.
- Но ничего! Я буду караулить ночью — вот придёт Песочный человечек, как начнёт всех усыплять, а я его мешок с песком — раз! — и украду!
- А у тебя получится?
- Ещё как! Ты же мне сам рассказывал про эту сказку! Ночью приходит Песочный человечек и дарит людям сны своим волшебным песком! А вот я!..

Кто бы мог подумать. Весёлая судьба у останков этого завода. Был сердцем этого мира — пока оно билось. А после — стал кусками для детской площадки. Не такую себе ты участь видел, да, Разрушитель мира?

Где-то внизу ещё можно было рассмотреть зацепившийся кусок оплавленного рельса — раньше там ходили поезда. Вот присядешь бывало у окошка, едешь себе, смотришь на эту махину из окна. А она там — гудит себе и работает. О чём-то своём думаешь, и мысли такие приходят.. как в детстве. Как в детстве, что полетишь ты в космос, эту тёмную махину, что поселишься ты на какой-то неисследованной планете... или на худой конец, астероиде. Этом астероиде, одном из сотен тысяч, которые вращаются здесь за орбитой Красной планеты. Вот иногда и подумаешь — а стоило ли изобретать ракеты? И осваивать колонии так далеко? И всё это рухнуло как карточный домик — в бездну, в одночасье. Не выдержало жадного инородного сердца — слишком сильно впиалась игла завода в чрево этого куска камня.

Всё это произошло уже столько времени назад. Всё были просто уверены, что помощь придёт скоро, вот-вот. Но на сигнал бедствия не ответили ни на следующий день, ни через два дня. Всё было тихо, как будто их забыли на этом куске камня, летающем в большом пустом нигде. Месяца два как уже... Поначалу все носили защитные костюмы, а некоторые даже достали скафандры, но... Это прошло.

Первым в обычную одежду переоделся дядя Том — это так все всегда называли. Спустя неделю после взрыва, он первый переоделся в привычное и, поигрывая своей любимой ещё с юных лет свирелью в морщинистой руке, пошёл на край мира.

— Может, и словлю там что-нибудь? А? — пошутил он при этом.

Остальные посчитали, что старик спятил, но вскоре все решили присоединиться к нему. Из закров доставались земные одежды — платья, простые брюки, то, что было взято с собой на память и просто так. Все решили, что это, наверное, поможет справиться с большим горем, которое так внезапно на них обрушилось. Ведь если видишь, как по улице идёт люди в простой земной одежде, как в гости к тебе заходит не космонавт с далёкой

планеты, а простой сосед в рубашке и джинсах. С порога говорит — «Эй, смотри, я торт принёс! Заваривай чай!» — и дальше застолье до ночи.

Дядя Том оказался прав. Это и правда помогло, это и правда не допустило паники. О, если бы она победила — здесь бы уже никого не было. Мало ли что люди могут натворить под страхом! Страшно подумать.

О сигнале решили не говорить. Не напоминать об этом. Так что о нём помнил только дядя Том. Он сам вызвался на это. Он сам вставал с утра пораньше, плотно завтракал и шёл по длинной ленте асфальта туда, на край мира. И смотрел оттуда ввысь — может, всё же прилетит помощь? Может, сигнал всё-таки услышали?

А обед ему носила Мирра — так все договорились. И ей было весело — каждый день приключение и путешествие. Не всякий ребёнок может похвастаться тем, что ходит на край мира!

— Дядя Том? — раздался детский голос.

— Хм? — протянул старик, заглядывая в корзинку. О, пирожки и термос с чаем. Отлично.

— Слушайте, а...

Резкий гул прервал вопрос девочки. Дядя Том схватился за шляпу и чуть не выронил трубку изо рта. Потом поднял голову. К краю мира приближались несколько железных клиньев с ровными, как у птицы, вошедшей в пике, крыльями. Слегка прищурившись, он смог разглядеть на одном из них такой знакомый голубой шар с зелёными пятнами на нём.

— У нас гости! Летите сюда! У нас есть пирожки! — завизжала Мирра, пытаясь перекричать гул.

Дядя Том молчал. Но он уже понял главное — сигнал всё-таки услышали.

Пришла помощь. Она уже здесь.

Об авторе

Настоящее имя — Александра. Родилась в Москве в 1990 году. Выпускница Государственного университета управления (ГУУ) по специальности «Связи с общественностью». Всерьёз начала писать в 19 лет, состоит в Российском союзе писателей. Работает библиотекарем в Библиотеке № 95 (Библиотека дизайна) ГБУК г. Москвы «ЦБС ВАО». Некоторые из публикаций: — литературный журнал «Чешская звезда» № 48 — Skleneny Mustek, Karlovy Vary, 2017 г., «Проза 2016. Книга первая/Российский союз писателей». — Литературный клуб, 2016 г., сборник фантастики и фэнтези «Великий конвейер. Избранное» — Skleneny Mustek, Karlovy Vary, 2016 г., «Его имя — Время»: сборник рассказов, Москва: ООО «Тровант», 2016 г., — «В пространстве мыслей»: сборник рассказов, М.: Издательство «Спутник+», 2018 г.

Александр Марков

Затерянный остров

Перед нами высилась непроходимая стена зарослей, за которой наверняка прятались орды москитов или какая-нибудь другая гадость, способная за мгновение выпить всю кровь из человеческого тела до последней капли или сломать позвоночник своими объятиями.

Этими мыслями и была занята моя голова, а вовсе не тем, что солдатам никак не удаётся вкопать в прибрежный песок трехметровый крест. Он никак не хотел вставать ровно, заваливался то на один бок, то на другой, точно остров этот не хотел его принимать, точно боги, которые правили здесь до нашего прихода, не желали расставаться со своей властью и всячески противились христианству. Священник, закрыв глаза, молился. Он припал на колени, положил руку на открытую Библию и точно впал в экстаз, какой бывает после того, как попробуешь коки.

Три каравеллы покачивалась на волнах. Несколько лодок приближались к острову с парой десятков солдат, облачённых в железные шлемы и кирасы, как крабы. На такой жаре они уже видимо сварились в собственном соку и сейчас, наверное, хотели сбросить с себя весь этот ненужный металл, срыгнуть в воду, смыть грязь и пот, накопившиеся за время долгого плавания. От них несло так, будто они купались в сточных канавах Лиссабона. Но и мой запах был ничем не лучше. Хорошо, что нос давно перестал воспринимать эту вонь.

— Мне здесь нравится, — Арчимбольдо вытащил из ножен саблю, повертел ее в руках, рассматривая, как лучи солнца играют на стали клинка. — Как думаешь, тёплый нас прием здесь ожидает или не очень?

«Да куда уж теплее? Жарко до смерти», — подумал я.

За стеной зарослей нас ждала тень и прохлада.

Арчимбольдо щурился. У него проступили морщинки вокруг глаз. Из-под шлема вытекала тонкая струйка пота и, скатившись по щеке, пропитывала бороду.

— А чёрт его знает, — сказал я, улыбнувшись.

— Богохульник, — засмеялся Арчимбольдо, покосился на священника, который все никак не мог закончить свою молитву. — Он чего-то долго возится. Все свои заклинания, что ли забыл? Или для того, чтобы присоединить этот остров к истинной вере, надо побольше усилий, чем обычно?

— Спроси у него.

— Не буду пока. Помещаю, еще проклянет или, когда вернемся, расскажет о моих грехах другим церковникам. У меня ведь их столько, что хватит на костер.

— За ним тоже грехов прилично водится, — сказал я, — не бойся. Всем грехи по возвращению простят. Мы ведь за истинную веру боремся по всему миру, не жалея своих жизней. Вот бы было чудно, если бы и ростовщики нам все долги после таких подвигов прощали, — добавил я после паузы.

— Не поминай этих тварей всеу, беду накликаешь, — засмеялся Арчимбольдо и отчего-то посмотрел на стену зарослей, будто оттуда могла выбежать толпа ростовщиков и требовать с него все долги, — но нет ничего истиннее, чем золото и женщины.

— Вот видишь, несмотря на свой возраст, ты все уже постиг, а наш отец Сирано понял это ещё раньше.

Тем временем, солдаты разбили на берегу некое подобие лагеря. Нас прикрывали пушки каравелл. Знать, что они у тебя за спиной — всегда приятно, с ними начинаешь ощущать себя почти богом, в особенности на таком острове, как этот. Вот только когда мы двинемся через заросли, пушки уже не будут нас защищать.

Мы немного отдохнули. Заросли так и не расступились. Из них не появились ползущие на коленях туземцы, которые не смели отвести взгляд от прибрежного песка, будто наш вид мог превратить их в камень. Нам не привели женщин, по обществу которых мы очень соскучились, и не принесли изысканных даров. На таких островах, впрочем, в цене ракушки и прочий хлам, но женщины попадаются красивые, стройные и гибкие. Мы их пробовали. Но кто сказал, что этот остров обитаем?

Глаза Арчимбольдо горели, когда он смотрел на заросли. Рот его наполнился слюнями. Он мечтал о том, как впивается в мясистые фрукты, сок льется по его подбородку и капает на кирасу. От таких мыслей и у меня появились слюни. В последний месяц я ел мясо с привкусом тухлятины. Но если уж выбирать между крысами, населявшими трюмы наших каравелл, и тухлым мясом, я все-таки отдавал предпочтение последнему.

Я отправил в заросли поисковую команду, приказав им разведать обстановку. Они ушли, гремя доспехами, как сковородками и столовыми приборами. Мы были на многих островах и привыкли к тому, что туземцы отчего-то повадились нападать на нас прежде, чем мы успевали объяснить, что пришли с миром, и расстреливать отравленными стрелами из луков или духовых трубок. Все наши слова, конечно, вранье, как и слова отца Сирано, который готов, чтобы увеличить свою паству, рассказывать любые небылицы.

Спустя минут пятнадцать до нас донесли одиночные выстрелы. Звук этот вспугнул птиц, поднявшихся над зарослями.

— Интересно, на кого они там охотятся, — сказал Арчимбольдо. Проверая, исправность своего пистолета, он демонстративно заглянул в дуло.

— Глаз себе не выбей, — предупредил я, — как ты без глаза?

— С такой близости вместе с глазом и мозги вышибешь.

— Без мозгов обходиться можно. Я знаю много таких людей, — сказал я. — Без глаза — сложнее.

— Не переживай, — Арчимбольдо прыснул со смеху. — Я еще не зарядил пистолет. И порох у меня промок.

— Это плохо. Чем будешь отбиваться от туземцев?

— Найду чем, — Арчимбольдо показал мне свою саблю, будто я ее никогда не видел, — знаешь, даже хочется немного помахать этой штукой.

Мне еще предстояло придумать название этому острову. Ничего запоминающегося в голову не лезло. К тому же, под бурные восклицания остальной команды, вернулся поисковый отряд. Солдаты тащили на двух жердях туши животных, похожих на антилоп.

— Мясо! Свежее мясо! — несло повсюду.

С сытыми животами махать тесаками, пробиваясь сквозь заросли, было не сподручно. Пришлось немного подождать, пока мясо уляжется в желудках. Отец Сирано с нами не пошёл. Он стал причитать, что в его сутане в зарослях будет для нас только обузой. Хитрец. Он ведь обязан повсюду сопровождать нас. Вдруг кто задумает испустить дух? Тогда священник должен отпустить грехи умирающему, чтобы душа его нашла верную дорогу в загробном мире. Но нам все равно придется тащить мертвеца до побережья, чтобы не оставлять его туземцам, а потом, когда каравелла отойдет подальше от берега, сбросить его в воду на корм рыбам. Вот тогда-то отец Сирано и выполнит свой долг перед усопшим.

Туземцев священник не боялся. Он вообще не боялся ни дьявола, ни бога. Не знаю, как с последним, служителем которого он считался, но с первым или вернее с его слугами, он виделся, когда нашу каравеллу, отбившуюся в шторм от каравана, попробовал взять на бордаж пиратский корабль. Отец Сирано не читал молитвы за наше спасение, превосходно зная, что толку от них, как от парусов в штиль, а схватил мушкет мертвого солдата, валявшегося на палубе, и принялся палить по пиратам. Нам тогда повезло. Дело уж дошло до рукопашной на нашей палубе, когда появился галеон, идущий к нам на выручку. Пираты поспешили убраться, мы их подбодрили парочкой залпов, но ко дну пустить не смогли.

Заросли были наполнены жизнью. С нашим приближением она затихала, а вот мы так шумели, что нас услышал бы и глухой.

Были ли здесь люди?

Вскоре сомнения разрешились.

Первый солдат упал носом в густую траву, да не так, как могло случиться, зацепившись он за какую-нибудь корягу, а столбом, почти не сгибаясь, точно тело его тут же одеревенело.

— К бою! — истошно заорал я, так что, похоже, меня могли услышать и на берегу.

Мы ошетинились саблями, пиками и прочим железным хламом, заводили из стороны в сторону мушкетами и пистолетами, выискивая среди зарослей хоть какое-то движение.

Я подбежал к мертвому солдату, перевернул его. Из шеи у него торчал дротик. Яд был очень сильным. Действие его распространялось мгновенно, парализуя нервную систему, мышцы и дыхание, иначе солдат хоть вскрикнуть успел, хоть шаг еще ступить, но ведь нет — упал тут же, даже не осознав, что с ним такое стряслось. Он и боли не почувствовал. Только укус.

— Нет никого, — прошептал Арчимбольдо.

Поспешил он с этим утверждением. Ой, как поспешил. Но может он так специально поступил, провоцируя местных духов. Они ведь знали, что мы несём другую веру. Если мы утвердимся здесь — обитатели острова перестанут поклоняться старым идолам, приносить им жертвы и начнут приносить жертвы новому богу. Если они не захотят этого делать, ждет их только смерть. Арчимбольдо ко всему прочему ещё и перекрестился. Веры в нем не больше, чем в каменном истукане, а в храмы он ходит, чтобы не дразнить священников. С большим удовольствием он пошел бы в таверну, чтобы причаститься кружкой рома.

Хитрец этот Арчимбольдо. Накликает он когда-нибудь на себя беду.

На побережье, выстроившись в несколько рядов и поочередно делая залпы, мы сможем остановить и сотню, и две, и даже гораздо больше туземцев. Обычно их обращал в бегство уже первый залп, потому что он казался громом небесным, а мы — богами или демонами, несущими смерть. Кто же будет сражаться с демонами? Только очень глупые или очень смелые люди.

Но здесь в зарослях у нас почти не было преимущества. Открытого пространства между нами нет, туземцы прячутся, а мы видны, как на ладони, и нам остаётся лишь создавать как можно больше шума, чтобы туземцы испугались нашего гнева. Что мы и делали, стреляя во все стороны, потому что чудилось, будто за каждой корягой прячется туземец. Так потом и оказалось.

В одно мгновение наш строй поредел, солдаты валились, как сбитые фигурки. Я слышал, как дротики бьются о доспехи, как насекомые в оконное стекло. Один застрял в плотной ткани на моём рукаве. Осторожно, чтобы не дай бог не коснуться наконечника, я выдернул его за оперение и отбросил в сторону. У меня появилось желание растоптать его каблуком, как очень опасное всё ещё не умершее насекомое. Но это опасно. Наконечник дротика густо смазали какой-то вязкой жидкостью.

Наши пули сносили листву, ломали ветки, точно ураган проходя по зарослям. Но нам уже никто не отвечал.

Я поднял вверх руку, приказывая прекратить стрельбу. Самым лучшим в этой ситуации — развернуться и, пока нас вновь не атаковали, отправиться под прикрытие пушек, но во мне вдруг проснулся охотничий азарт. Повсюду было много крови: нашей и чужой, но трупы были только наши. Туземцы унесли своих мертвецов. Мне было интересно выяснить, скольких мы уложили. Была и ещё одна причина, почему, хоть многие от страха, наверное, наложили в штаны, все-таки бросились следом за туземцами. Дело в том, что если ты хоть раз дашь слабину, хоть раз дрогнешь, покажешь, что боишься, никогда уже этого не исправить. Какие бы чудеса доблести ты потом не показывал, туземцы всё равно будут знать, что перед ним всего лишь человек.

Он боится.

Его можно убить.

Его надо убить.

Я не испытывал желание возвращаться на этот пока ещё безымянный остров. Глаза бы мои его больше не видели, но вдруг занесёт суда нелегкая какого-нибудь мореплавателя. Я не хочу, чтобы его уже на побережье встретили стрелами, а потом поволокли выяснять каков он на вкус.

Бежать в доспехах было настоящей мукой. Туземцам — проще. Тягаться с ними в скорости, всё равно, что слону соревноваться с антилопой. Туземцы быстрее. Они знают здесь каждую корягу. Не дай бог ещё угодить в яму, вырытую для какого-нибудь зверя. Зато мы, как таран, проламывались своими тушами через заросли. Туземцам такое не под силу. Впрочем, нагнать их мы могли лишь в том случае, если они нас подождут.

Вдруг заросли расступились и мы вывалились на небольшую поляну. Нас ждали. В те короткие мгновения, пока туземцы дули в свои трубки, выпуская в нас свои отравленные дротики, я наконец-то их рассмотрел: низкорослые, с большими плюмажами из разноцветных перьев на головах, которые делали их примерно одного с нами роста, с разукрашенными белым лицами, точно с них содрали кожу, обнажив кости черепов. Из-за этой окраски лица у всех казались одинаковыми. Туземцы и так, обычно, кажутся мне на одно лицо, а мы для них, наверное, тоже неотличимы друг от друга.

Они закричали что-то воинственное и бросились на нас. Ничего кроме смеха их вопль у нас не вызвал. Они что ж думали, что испугают нас своими криками и своим потешным видом? Я уж и не знаю, что может испугать нас, потому что, хоть с нами и мотался по морям-океанам, да по далеким неведомым землям священник, в бога мы не верили, а дьявола — не боялись. Да и видели мы уже немало в этой жизни такого, что может придумать только самый извращенный ум, который есть лишь у человека, а дьявол им, к счастью, не обладает.

Расстояние было невелико. Мы сомкнули ряды, выставили сабли, пики и алебарды и, гремя своими сковородками, сделали первый шаг. Эти туземцы должны были нас испугаться и разбежаться, но они не испугались. Может только выражение на лицах изменилось. Но разве разберешь это за толстым слоем белой краски?

Мне показалось, что между тем, как кто-то упал рядом со мной, будто споткнувшись, и тем, как я стою, пробуя отдышаться посреди нагромождения мертвецов, сжимая в руке саблю, с которой капает кровь, прошло несколько секунд.

Туземцы остались здесь все. Все.

Они не побежали от нас.

Теперь они совсем не походили друг на друга. Смерть придала им индивидуальность, но, рассматривая их, я вновь пришел к мысли, которая проскользнула у меня, когда я их только увидел. Тогда задумываться было некогда. Теперь времени было полно.

— Слушай, — сказал я Арчимбольдо, кивнув на мертвецов, — тебе они не кажутся странными?

— Нет, — сказал Арчимбольдо. Чуть сдвинув каску, он утирал ладонью лоб.

— Они одинаковые, — пояснил я.

— Ой, да для меня все эти обезьяны на одно лицо всегда были.

— Присмотришься к ним. Они одного роста. У них одинаковое телосложение.

— Ну, согласен, — сказал Арчимбольдо, после небольшого раздумья, — думаешь и лицами они похожи? Сейчас-то они такими кажутся из-за своей раскраски.

— Хочешь проверить?

— Нет. Столько близнецов быть не может. Их же здесь не меньше трех десятков. Хотя, хотя... в мире так много всего необычного, чего мы не видели и о чём не подозреваем, — он улыбнулся.

— Философ. Не замечал в тебе такого.

Жаль, что никто из них не убежал. Тогда мы смогли бы найти их селение. Я поднял руки. Со стороны могло показаться, что я спрашиваю совета у небес, но мои люди знали, как я отношусь к тем, кто, по рассказам священников, там обитает. К их земным слугам я отношусь еще хуже. Многие из них сеют смерть, а мы им помогаем. Но те, кто ходит в походы с нами, хотя бы рискуют собственной шкурой. Они заслуживают прощения. А вот тех, кто сидит у себя в приходах, рассказывает небылицы прихожанам и толстеет на их дарах, становясь похожим на жирных свиней, я преподнес бы в дар обитателям этого острова. В этих местах сплошь и рядом попадаются каннибалы.

Арчимбольдо нетерпеливо переступал с ноги на ногу рядом со мной, поглядывал на меня, но не мешал.

— Ну? — спросил я, заметив его нетерпение.

— Чего ждем? Пора дальше идти.

— Думаешь, стоит? Чего мы там найдем? Еду можно и самим добыть. Мы заблудимся. Зря проплутаем. Зря потратим время.

— Мы его и так тратим всё время зря, — улыбнулся Арчимбольдо, — ты же знаешь, почему ребята так хотят отыскать поселение.

Я, конечно, знал.

— Пошли, — махнул я своему отряду.

И мы сунули голову в пасть льва.

К счастью, здесь почти не оказалось мошкары, которая впивается в кожу под панцирем, так что как не извивайся, все равно её не достанешь. Крупных хищников, кроме человека, на таких островах обычно не попадается.

Трава была густой, мягкой и неестественно зеленой, точно искрящейся. Ступать на неё было приятно. Она скоро распрямлялась, стирая отпечатки ног.

«И откуда они понагнали столько народу», — подумал я, протерев на всякий случай глаза, точно всё, что я увидел перед собой, могло от этого исчезнуть как мираж.

Бронзовые тела туземцев мелькали за бронзовыми стволами деревьев. Их не могло быть так много. Им здесь не прокормиться. Казалось, что деревья превращаются в людей. Весь этот лес восстает против нас. Я почувствовал безысходность.

— Хей-хо, — закричал Арчимбольдо.

Уворачиваясь от стрел, он извивался, как выброшенная на берег рыба. Вперед он помчался вовсе не из-за того, чтобы всем продемонстрировать свою храбрость, а чтобы туземцы не успели перезарядить свои трубки и не нашиповали его иглами, как ежа колючками.

Каким-то чудесным образом я оказался на полкорпуса впереди него. Ноги сами несли меня. Позади гремел железом весь отряд. У нас не было иного выхода, кроме как демонстрировать геройство, потому что поверни мы вспять, нас перебили бы ещё быстрее. Я подумал сперва, что на каждого из нас приходится не больше десятка туземцев, но когда я расправился со своим первым десятком, вокруг туземцев вертелось ещё больше, точно вместо одного убитого

появлялось двое. Я даже разрубил одного пополам, чтобы проверить — не поднимутся ли с земли две половинки, превращаясь в двух воинов. Вот тогда бы я точно испугался. Может, саблю и не бросил, с ней-то спокойнее, но уж точно попятился. К счастью, половинки валялись на земле, не думая вставать, и лишь чуть вздрагивали, когда их покидали остатки жизни.

Кортес покорил целую страну, а людей в его отряде было немногим больше, чем экипажи наших трех каравелл. Разве мы не сможем покорить этот остров? Мы ведь встретили всего лишь людей. Нам повезло. Иногда про неведомые земли рассказывают такие истории, что волосы дыбом от страха встают. Хорошо, что их закрывает шлем, и никто твоего страха не замечает. Впрочем, все эти рассказы на поверку оказываются небылицами, такими же, какими развлекал своих почитателей Гомер, выдумывая циклопов, сирен и прочих обитателей Средиземного моря.

Я и не заметил — вырвали у меня саблю из рук или она застряла в чьем-то теле, а я не успел её вытащить. Какое-то время я дрался кулаками, а потом меня сбили с ног, навалились сверху, придавили к земле. Я ощущал запах пота, противный едкий запах краски.

Меня колотили по всем частям тела. Но пока каска смягчала эти удары, у туземцев не выходило отправить меня в беспамятство. Я в свою очередь лягался, кусался, брыкался, пробуя подняться, стряхнуть с себя туземцев, как виноградины с ветки, ведь каждый из них по массе уступал мне, но их было слишком много.

Их ногти царапали мои доспехи. Туземцы не пытались меня разоблачать, стаскивать каску и кирасу, видимо вообразив, что это части моего тела, как панцирь у жука или черепахи. Когда у каски порвался ремешок, она сначала съехала на бок, а потом и вовсе отлетела. На секунду туземцев это повергло в недоумение. Они впервые видели, что кусок головы можно снять и она у меня двухслойная. Потом кто-то лишил меня сознания, ударив босой ногой в висок.

Голова раскалывалась, в висках стучалась кровь, точно хотела пробить дырку и вылиться наружу. Я не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Открыв глаза, и ничего не увидев, я подумал, что стоит темная и безлунная ночь, глазам надо немного привыкнуть, чтобы начать что-то разбирать. Рядом слышалось чуть хрипловатое дыхание.

— Эй, кто тут? — слова эти мне удалось произнести почти правильно и довольно громко.

— Это я капитан, Арчимбольдо.

— Рад тебя слышать.

Судя по тому, что больше никто мне не ответил, мы были одни.

Глаза различили стену напротив, сделанную из плотно прилегающих друг к другу веток. Её сплели как корзину, обмазали глиной и настелили сверху соломы. Свет в хижину совсем не проникал.

— Где остальные? — спросил я.

— Не знаю. Кто-то еще дрался, когда меня свалили. Ты капитан тогда еще дрался. Тебе виднее, кто остался.

— Я не помню. Всю память отшибло.

— В скверную историю мы попали? Да?

— Да, — кивнул я, хотя вряд ли этот жест Арчимбольдо различил, — давай-ка попробуем выбраться отсюда.

С нас сняли все доспехи и почти всю одежду.

Я прислушался. Где-то вдалеке раздавался ритмичный гул барабанов. Этот звук мне не понравился. Он навевал мысли о каннибалах, которые готовятся к трапезе. Нетрудно предположить — кого они подадут на главное угощение. Мы пленники знатные, сильные, положили множество местных воинов, так что и почет нам будет оказан соответствующий. Откусить по кусочку наших сердец, чтобы стать столь же смелым и храбрым, захочет каждый.

Мои руки и ноги стянули прочными лианами. Как я не вертелся, мне не удалось их даже чуточку ослабить. Мышцы затекли.

— Зубами давай, — сказал я Арчимбольдо, — иначе не выпутаться. Сможешь?

— Попробую.

Я повернулся к Арчимбольдо спиной, завалился на живот, чтобы ему было удобнее. Он начал грызть лианы, при этом несколько раз куснув меня. Я промолчал. Зубы у него были крепкими, многим на зависть, особенно тем, у кого во рту остались одни гнилые пеньки. Но сколько ему понадобится времени, чтобы перегрызть эти лианы?

Неожиданно хижину залило тусклым светом костров. В проёме появился туземец. Плюмаж из перьев делал его силуэт не совсем человеческим. Арчимбольдо откатился от меня, чтобы вошедший не заметил, чем мы занимались. Он не заподозрил, что мы готовим побег и не проверил, насколько сильно меня стягивают лианы. Следом вошли еще пять туземцев, подхватили меня и Арчимбольдо на руки, и поволокли из хижины.

Я не делал попыток вырваться. Какой в этом толк? Извивайся я точно червяк в клюве у птицы, в лучшем случае упал бы на землю и отбил себе бока. И дальше что? Всё равно не убежишь. Так что я пока берег силы. Вдруг пригодятся.

Я видел небеса и звезды на них. Они чуть колыхались и чуть колыхались несущие меня туземцы. Тело мое точно одеревенело, осталось только сознание, которому никак не удастся выбраться из мертвой оболочки и унести в небеса. Скоро, скоро это произойдет, а пока мне казалось, что я плыву лицом вверх по океану.

Тамтамы стали громче, но в песне, которую пели туземцы, слов я все равно не разбирал, и поэтому казалось, что они завывают. Они, наверняка, обнажат длинные, как у вампиров, клыки, если я на них посмотрю. Ох, дали бы мне мою саблю. Я бы сделал их улыбки еще шире — от уха до уха. Вот только кровь тогда им придется пить не мою, а свою.

Нас опустили на землю. Мне никто не мешал подняться, но и не помогал. Я смог встать только на колени. Безобразная, унижительная поза. Но затекшие мышцы ног никак не хотели толкнуть тело вверх.

Меня окружали туземцы, обряженные в плюмажи из ярких перьев, в набедренные повязки, а из остальной одежды на них была лишь белая краска, густо намазанная на тела. Из-за этого они были еще блее, чем я сам в ту пору, когда

юнцом лишь мечтал о морских путешествиях. Сейчас моя кожа светло-коричневая, точно у мулата. Она загрубела и стала напоминать парусину.

И вдруг я увидел странное сооружение: дисковидное, метра три в высоту и около пяти в диаметре. Оно стояло на покосившейся треноге, точно росло из земли. Казалось, что оно сделано не иначе, как из серебра — так сверкали ее бока и светились разноцветными огнями, точно в её стенки были вставлены драгоценные камни. По ним пробегал свет, отражаясь на гранях.

На корабль, положим, мы его погрузим, но как его протаскать через заросли? Впрочем, зачем так мучиться? Серебро не очень ценится на рынке. Разве что отковырнуть все эти драгоценные камни.

В сооружении зияла идеально круглая пробоина. Явно не от ядра. Ядро вырывает куски корпуса грубо, как акула, которая оставляет после своих зубов рваные раны. Да и сомневался я, что ядро пробьет этот серебряный корпус, скорее только вмятину на нём оставит, а то и вовсе отлетит, как мячик от каменной стены. К пробоине поднималась лестница с крохотными ступенями.

Перед сооружением валялась груда мертвецов.

«Хм, мы их много положили», — злорадно подумал я, а потом решил, что это подношение богам, ведь туземцы частенько удивляли нас, поклоняясь своим артефактам, будто и вправду их сотворили не предки, а пришельцы со звезд. Глупые, глупые туземцы. И тут же я подумал, что нас тоже принесут в жертву, потому что такому подношению туземные боги должны обрадоваться гораздо больше, чем местным мертвецам. Местные мертвецы им наскучило, и они хотят разнообразия.

Перед глазами всё мутилось: от дыма или от чудовищной усталости, а может от голода, но о какой еде говорить, когда тебя самого в любую минуту могли съесть.

Туземцы поднимали мертвецов по лестнице и бросали в пробоину. Проходила минута-другая, мертвецы вываливались обратно, будто боги не принимали их, но... да как поверишь в такое, они вставали на ноги и, покачиваясь, брели к своим соплеменникам.

— Черт возьми, Арчимбольдо, они воскресают! — зашептал я.

— Верь я в бога, молиться бы стал, — прошептал Арчимбольдо.

Я оглох от барабанов и уже плохо слышал, что он лопочет, а потом он закричал, и этот крик я различил. Он прорезал мои барабанные перепонки кинжалом, вонзился иглами в мозг, и из-за этого на какое-то мгновение моё зрение прояснилось.

Из липкой темноты, которую прожигали костры, наплывала человеческая фигура с нарисованными на теле костями и черепом на лице. Но может это и был скелет, ведь всё остальное — то, что должно быть у живого человека, я не увидел. Все расплывалось в темноте и только кости с черепом светились фосфором, да ещё безумные огромные глаза.

Я поежился, напрягая мышцы. Лианы не поддавались, хотя я и чувствовал, что они трещат.

Живой скелет подошел к Арчимбольдо, протянул к нему кости рук. Они прошли сквозь тело моего приятеля, казалось, не встретив никакой преграды. Похоже, это удивило и Арчимбольдо, потому что он вдруг посмотрел вниз.

Когда клешни скелета появились вновь, окрашенные кровью, в них пульсировало вырванное сердце.

У Арчимбольдо пошла изо рта кровь. Он захрипел, глаза его стали закатываться. Скелет, подняв сердце над своим черепом, понес его к этому странному серебряному сооружению.

«Сердце, сердце, — вместе с кровью пульсировало у меня в висках, — они вырвали у него сердце, посчитав его самым смелым из нас двоих, а что же они вырвут у меня? Я ведь тоже им зачем-то нужен, иначе они не стали бы брать меня в плен».

«Мозг, мозг. Вот что они у меня возьмут, — сам собой пришел ответ. — Расколуют череп, как орех, и вытащат мой мозг».

Скелет поднялся по лестнице, положил сердце в пробоину, спустился и присел на колени.

Так и есть, приносят жертву своему божеству. Всё так просто. Не будут они нас есть.

Но я ошибся. Я и сейчас не понимаю, что произошло, а тогда тем более ничего не понимал. Пробина тускло осветилась. И из неё посыпались... человеческие сердца. Многократно воспроизведенное сердце Арчимбольдо, чтобы его хватило наесться всем, кто пришел сюда.

Скелет подставил корзинку. Она быстро наполнилась сердцами, а потом, прежде чем поток иссяк, заполнил ими ещё две корзинки. Он затанцевал, извиваясь в дьявольском танце, принялся выхватывать из корзинок сердца и бросать их своим соплеменником, а те, тоже войдя в транс, танцевали, ловили сердца и впивались в них зубами. По губам текла кровь.

Я не понимаю, почему не сошел с ума, видя все это.

У меня появилось странное чувство. Оно кажется мне странным сейчас, но тогда показалось мне вполне естественным. Мне тоже захотелось выпиться в одно из этих сердец, трепещущее в руках, словно только что пойманная рыба. Не в сердце Арчимбольдо. В сердце кого-нибудь из этих людей.

И тут я понял, что руки мои свободны, лианы, которые раньше стягивали их, порвались. Не отрывая взгляда от танцующих людей, я медленно отползал в заросли. Когда меня уже укрывали тени деревьев, встал на ноги, сделал несколько шагов, раскачиваясь от того, что отвык ходить. Но я быстро приходил в себя. Я смотрел в небеса, пробуя понять по ним, куда же мне бежать.

«Где, черт возьми, моя команда? Та, что осталась на корабле. Они что, решили бросить нас на произвол судьбы? Да я бы, захвати туземцы кого из моих людей, сжег бы к чертям все эти заросли вместе с их обитателями».

Колючки оставляли на моей голой коже неглубокие порезы. Хорошо, что туземцы не стянули мои сапоги. Без них мне пришлось бы очень плохо. Пробираться по зарослям и при дневном свете было задачей трудной, а в темноте это и вовсе стало почти невозможно.

Я куда-то проваливался, наступал на что-то скользкое и податливое, молясь, чтобы это оказалось всего лишь гнилое дерево или мертвое животное, но никак не живое, а то я и понять не успею, что темнота, которая меня окружает — это уже желудок какого-нибудь монстра.

Впереди что-то блеснуло, но еще раньше я услышал такой сладкий звук трущегося друг о друга металла. Он звенел приятнее колоколов на башнях соборов, возвещающих о празднестве.

Свет Луны, отражающийся на панцирях. Я не думал, что это может быть так красиво.

— Эй, это я, ваш капитан! — закричал я, чтобы солдаты не стали стрелять раньше, чем разберутся, кто перед ними.

Заметив, что я исчез, в погоню за мной пустились десяток туземцев. Они догнали меня слишком поздно. Кого-то мы насадили на пики, других зарубили ножами и саблями. Они не успели даже закричать. Мы оставили изуродованные тела на мокрой от крови траве. Запах крови пропитывал воздух. Сюда скоро придут звери и всё за нами приберут.

Я махнул своим людям, приказывая следовать за собой.

Мне очень хотелось вернуться и всаживать пулю за пулей в извивающиеся тела. Вот только если мы начнем делать это прямо сейчас, вспугнем более крупную добычу, а ещё в голове у меня зародилась безумная мысль воскресить Арчимбольдо.

Первые наши залпы туземцы, пожалуй, и не услышали. Оглушенные собственными тамтамами, они не понимали, почему вдруг кто-то рядом с ними вскрикивает, валится на землю, обливаясь кровью. Мы смели с десяток туземцев дружным залпом, прежде чем они наконец-то бросились на нас, сблизившись настолько, что мы уже не успевали перезаряжать мушкеты, и тогда мы прошли по их рядам железом, пробиваясь к серебристому сверкающему сооружению. Возле него валялся бездыханный Арчимбольдо.

Солдаты смотрели на меня как на безумца, когда я выхватил из рук мертвого туземца недоеденное им сердце, запихнул в развороченную, будто сюда угодило ядро, грудь Арчимбольдо, схватил его и поволок к сооружению.

— Помогите мне! — закричал я, когда понял, что не сумею поднять Арчимбольдо, не сумею забросить его в пробоину.

Солдаты ничего не спрашивали. Они и сами, перепачканные чужой и своей кровью, были чуть безумны в эти минуты.

Просветы между деревьями заполняли туземцы. Они просачивались между ними как потоки воды, точно где-то прорвало плотину. Какое-то время они разбивались о наши ряды. Но постепенно начали нас теснить.

— Держать строй! Держать строй! — кричал я, уже охрипнув так, что едва слышал себя.

Я рубил саблей по этим белым маскам, превращая их в настоящих мертвецов.

Мы стояли возле сооружения, будто это наша последняя цитадель, которую надо обязательно удержать. Я не знал, удастся ли моя затея, да и сможем ли мы вообще выстоять или нас завалят с ног до головы трупами.

Позади меня что-то шлепнулось на землю. Глухо. Так должно падать человеческое тело.

Я обернулся.

Арчимбольдо приподнялся. Опираясь на руки, он мотал головой, точно отряхивающаяся собака, и смотрел мутным взглядом на сражение.

Я подбежал к нему, помог встать на ноги.

— Ни черта не помню. Где я? — спросил он меня.

Хорошо, что он не спросил: «кто ты?».

— Ты как? Идти можешь?

— Да, — сказал он.

— А оружие держать можешь?

— Да, — опять повторил он. Его взгляд приобретал осмысленность.

— Отлично. На, — я поднял с земли саблю, протянул Арчимбольдо. — Отходим!

И все мы, не размыкая строй, как стальной многорукий и многоногий зверь, помчались сквозь заросли, сметая всё на своем пути.

Рука моя едва держала саблю, когда над моей головой, противно завывая, пронеслось ядро и ударилось в гущу туземцев, сбивая их с ног. В разные стороны полетели оторванные руки, ноги, головы, ошметки тел.

— Ха, ха, ха! — смеялся я.

Мы получили небольшую передышку.

Но вместо погибших из глубин джунглей появились новые туземцы. Их тоже смело ядрами. Теперь их прилетело несколько. Каравелла развернулась бортом и сделала залп всеми орудиями.

— О, — у меня мурашки страха пробежали по спине, когда я подумал, что канониры могли не рассчитать, промахнуться на несколько десятков метров, и тогда эта стена меди и огня угодила бы прямо в нас.

Мы выбрались на побережье, погрузились в лодки и поплыли к кораблю. Следом за нами выбежали туземцы. Канониры попробовали загнать их обратно в заросли, благо теперь они стреляли не наугад. Вмиг побережье стало похоже на свежевспаханное поле. Вот только посадили в него не семена растений, а куски человеческой плоти.

Весла пенили воду.

— Что со мной было? — спросил Арчимбольдо.

— Что ты помнишь?

— Как человек с нарисованным на лице черепом вырывает у меня сердце.

— Ого, — засмеялся я, — ну и воображение у тебя. Ты ведь после этого умер бы.

— Ага, — улыбнулся Арчимбольдо, раздвинул рубашку у себя на груди, посмотрел — нет ли там раны. Над сердцем виднелся большой старый шрам. Арчимбольдо удивленно посмотрел на меня и сказал. — Хм, у меня этого не было.

— Тебе виднее. Но откуда он, по-твоему, взялся? Значит, был. Тебя по голове приложили сильно, ты сознание потерял. Вот и забыл всё. Хоть помнишь, как тебя звать?

— Да, — нерешительно сказал Арчимбольдо.

— Вот и хорошо. Наши подошли вовремя, — сказал я, — ещё немного, и нас точно принесли бы в жертву.

— Хм, — только и смог выдать Арчимбольдо.

Мы взобрались на палубу. Она сотрясалась от новых залпов. Ядра подожгли деревья, и теперь всё побережье заливало зарево пожаров. Канониры перенесли обстрел вглубь острова, но вряд ли мы могли добить до серебряного сооружения. Мне очень хотелось разрушить его, но пока мы подготовим новый удар, пока высадимся, туземцы сумеют воскресить своих мертвецов, и мы вновь встретимся с ордой, превосходящей нас численно в десятки раз. Нам их не одолеть. Может, стоит вернуться сюда в другой раз с более мощной армадой? Но расскажи я о том, что видел, меня в лучшем случае на смех поднимут, а в худшем... впрочем, вряд ли меня сожгут на костре за распростра-

нение ереси. Скорее повесят за другие прегрешения, которых накопилось так много, что хватит отправить на эшафот с десяток человек.

Я отдал команду поднимать якорь.

На глаза мне попался отец Сирано. Похоже, он был недоволен тем, что мы так быстро уходим, и он не успел обратить в свою веру ещё десяток-другой туземцев, которые всё равно забудут о своих клятвах, как только за горизонтом исчезнут наши паруса. Впрочем, скорее недовольство его вызвано тем, что ему не дали поразвлечься с хорошенькими туземками. Признаться, и я не прочь был этим заняться.

— Что это мы бежим, как зайцы? — спросил священник.

— Я могу оставить вас на острове для миссионерской деятельности, святой отец, — предложил я. — Поверьте, вы встретите там очень много интересного... если вас оставят в живых.

Он промолчал, только презрительно глянул на меня и отошел прочь. Перспектива стать святым мучеником, погибшим за веру, его явно не прельщала.

«Откуда у них эта штука? — задавался я вопросом. — Откуда? Кто её привез сюда? Кто её сделал?»

Я не мог ответить на эти вопросы. На ум приходили легенды о людях, явившихся с небес, которые я слышал от индейцев.

Остров постепенно растворялся в воздухе.

Небо было темным, поэтому на нём почти не ощущалось приближение урагана, только звезды потускнели, будто запылились, и чуть усилился ветер.

Трюм каравеллы сочился.

«Ох, не знаю, выдержат ли доски сильный шторм», — размышлял я, с тревогой поглядывая на небеса.

Об авторе

Родился в Москве в 1971 году. Закончил Московский инженерно-строительный университет по специальности инженер-эколог, но с той поры работал в основном на телевидении, сперва как корреспондент, а затем как ведущий информационных программ. Объехал множество стран в разнообразных командировках. Сейчас комментатор в программе Постскриптум на канале ТВЦ. Писать начал еще в середине 80-х, но первая публикация состоялась в 2002 году. В издательстве «Вече» вышел роман «Там, где бродит смерть», который с той поры многократно переиздавался. Автор десяти романов, среди которых «Сотри все метки», «Пирровы победы», «Прелюдия к большой войне». За роман «Гроза над Цхинвалом», написанный в соавторстве с Виталием Пищенко, Александр Марков получил премию Союза Писателей РФ «Во славу Отечества». Рассказы и повести выходили отдельными книгами, печатались в сборниках и журналах, таких как «Юность», «Смена», «Уральский следопыт» и многих других. В «Знание-сила. Фантастика», № 1/2015 была напечатана повесть «Мой первый космический корабль», а в № 1/2016 — рассказ «Спасительное неведение».

Александр Филичкин

Долгожданный контакт

В середине двадцать первого века за орбитой Плутона появился неизвестный объект. Он был настолько огромным, что сначала все наблюдатели приняли его за большой астероид, прилетевший из Облака Оорта. Спустя несколько дней стало известно, что небесное тело летит прямо к той точке орбиты, где через полгода окажется планета Земля.

Узнав о данном открытии, досужие журналисты предположили, что к нам летит таинственная звезда Немезида. Ещё её называют: Полюнь, Урусвати, Нибиру и Мара. Как говорят астрономы, она находится на расстоянии одного светового года от Солнца. Связана с ним гравитационными силами и составляет пару светил, кружащихся в медленном танце вокруг общей оси.

По расчётам учёных, этот коричневый карлик сближается с нашим светилом каждые двадцать шесть миллионов лет. Проходит в непосредственной близости от планетной системы и своим мощным воздействием вызывает вымирание большинства биологических видов Земли.

Все радио и телевизионные станции, интернет и газеты подхватили эту жуткую новость и завопили на все голоса. Появилось великое множество различных пророков. Все делали большие глаза и громко вещали, что это кара Господня за грехи человечества. Так что следует ждать второго пришествия Иисуса Христа.

Приводились даже соответствующие цитаты из Библии и всевозможных апокрифов. Все единодушно сходились во мнении, что очень скоро наступит конец всему человечеству, а ждать осталось немного.

Учёные лихорадочно считали траекторию движения неизвестного небесного тела. Военные готовили к запуску все ракеты, способные выйти из зоны притяжения Земли и принести к астероиду водородные бомбы.

Обычные люди закупали продукты и воду, а те, кто имел хоть какие-то лишние средства, строили всевозможные бункеры. Начиная с надёжных бетонных убежищ, находящихся в шахтах на глубине тысячи и более метров, и кончая обычными ямами, закрытыми сверху дощатым настилом.

Скорость объекта оказалась настолько огромной, что спустя пять с половиной месяцев он миновал орбиту четвертой планеты от Солнца и стал ближе к Земле, чем маленький безжизненный Марс.

Лишь после этого учёным удалось разглядеть в телескопы поверхность небесного тела. Оказалось, что это не астероид, как думали астро-

номы, и не звезда Немезида, как пугали всех журналисты. Это был гигантский шарообразный предмет, построенный какой-то неведомой космической расой.

Он был диаметром более одного километра. Имел множество разнообразных надстроек, стоящих на гладкой поверхности, и большое число необычных антенн, повернутых в разные стороны.

Фотографии инопланетной конструкции сразу попали во все информационные агентства Земли, а оттуда дошли до людей разными способами: через экраны телевизионных приёмников, через мониторы компьютеров, подключённых к сети, или через страницы газет и таблоидов.

Люди долго мечтали о встрече с «инопланетными братьями». Сильно хотели увидеть пришельцев из космоса. Принять их с почётом на своей территории и получить в подарок невероятные знания. В первую очередь те, что позволят землянам летать на десятки парсеков вокруг. Помогут добраться до ближайших звёздных систем и влиться в семью галактических разумных существ.

Такие мечты будоражили человечество многие годы, и вот, наконец, «чужие» прилетели к Земле. Все радиостанции мира попытались вступить в радиоконтакт с кораблём и, как ни странно, все получили ответы. Причём, на том языке, на котором был задан вопрос.

Мало того, это была не речь бездушной машины, как ожидали учёные, а ответ живого создания, заинтересованного в своём собеседнике. По крайней мере, у каждого человека, сидевшего у передатчика, создавалось подобное мнение.

Операторы, общавшиеся с «чужими», не удержались от искушения и поделились своим впечатлением с теми, кто находился поблизости. Те передали новость друзьям и знакомым, и скоро тысячи восторженных отзывов появились в печати, в сетях, на радио и телеканалах.

Напрасно осторожные скептики вспоминали пророчества древних времён. В первую очередь, так называемые, «Письма Махатм», «пришедшие» из таинственной Шабалы в 80-х годах позапрошлого века.

В них говорилось: «...Когда ваша раса, пятая по общему счёту, достигнет зенита физического и умственного развития и разовьёт наивысшую цивилизацию и окажется не в состоянии подняться значительно выше, её прогресс будет тотчас остановлен.

Вас постигнет печальная участь, так же, как тех, что жили здесь раньше, до вас — Лемурийцев, Атлантов, Гиперборейцев, а так же людей четвёртой расы. Всех их остановили по повелению сил всемирного зла...»

Корабль ещё не добрался до орбиты Луны, а на Земле уже появились «чужие». Они не прилетели в космических «шатлах», как ожидали земляне, а соткались прямо из воздуха. Причём, почти во всех крупных странах нашей планеты.

Сначала над площадями больших мегаполисов разгорелось сияние, возникшее на высоте нескольких метров от уровня почвы. Сгустки энергии опустились на землю и превратились в долгожданных пришельцев.

Как потом подсчитали учёные, их приходилось по два существа на один миллион человек, проживающих в тех городах, что «чужие» избрали для тор-

жественной встречи с людьми. Таких оказалось ровно пять сотен. Так что всего прибывших братьев по разуму оказалось около полутора тысяч.

К счастью возбуждённых землян, это были не те «зелёные человечки», что рисуют художники в фантастических комиксах. «Чужие» не имели непропорционально больших черепов, ни чёрных непроницаемых глаз, ни тоненьких ручек и ножек.

Наоборот, они ничем не отличались от обычных людей, но выглядели настолько прекрасными, что походили на античных богов. Густые длинные волосы вились крупными кольцами. Внимательные большие глаза оттеняли густые ресницы. Черты тонких лиц, были невероятно красивы, словно вышли из-под резца гениального скульптора.

Цвет шевелюры и кожи у них не был единым и чуть-чуть отличался от особи к особи. Причём, в каждом месте оказались такие пришельцы, чей облик слегка приближался к виду среднего жителя данного города.

Все «чужие» разговаривали на тех языках, что были самыми ходовыми в ближайших окрестностях. Их манера общения с простыми людьми вызывала не столько доверие, сколько более высокие чувства. Нечто сродни уважению, глубокому почтению, а то и благоговению.

Несмотря на своё телесное совершенство, они говорили очень простым и доходчивым языком. Умело и к месту шутили, и скоро всё население в них просто влюбилось без памяти.

Дня через два новости о братьях по разуму добрались до каждого человека планеты. Те люди, что не могли общаться с пришельцами лично, приникли к экранам своих телевизоров. Так все узнали, что они из себя представляют и зачем прилетели на Землю?

Оказалось, что пришельцы относятся к расе, живущей в самом центре галактики. Их цивилизация достаточно древняя, и её представители достигли высокого уровня в своём духовном и телесном развитии.

Настолько высокого, что могли силой мысли создавать всё, что только угодно. От кислорода, воды и прочих первичных веществ до пищи, одежды и различных, самых сложных машин.

Причём, как показали анализы, всё созданные ими вещества ничем не уступали естественным. Пища получалась красивой, полезной и вкусной. Предметы существовали столько же, сколько и те, что были изготовлены, привычным нам способом. А если пришельцы хотели того, то и значительно больше. При желании, все вещи, «возникшие прямо из воздуха», могли служить нескончаемо долго.

Кроме того, пришельцы могли без технических средств передвигаться в пространстве на любом расстоянии. Лишь одной силой мысли. Благодаря такому умению, они покинули свой ковчег и появились на планете Земля ещё до того, как корабль достиг орбиты Луны.

Из пояснений «чужих» все люди узнали, что пришельцам под силу перенестись так далеко, насколько это можно представить. Например, добраться до любой отдалённой звезды. Мало того, принести с собой большой шар из полей неизвестной землянам природы, наполненной привычной им атмосферой. Хотя «чужим» это не очень и нужно. Они могут перестроить свой организм под любые условия.

Слушая такие рассказы, люди потрясённо кивали. Просили пришельцев показать чудеса, которые под силу только великим волшебникам древних времён. А увидев их своими глазами, радовались как малые дети.

«Чужие» охотно исполняли любые желания. Переносились в соседние страны и «возили» с собой всех желающих туда и обратно. Народ лишь удивлялся подобным умениям пришельцев и только.

Зато все учёные вели себя по-другому. Они не принимали за истину чужие слова, не доверяли глазам и своим ощущениям, а ставили научные опыты. Как ни странно, всё подтвердилось.

Передатчики радиоволн и другие предметы, вроде огромных машин, мостов и домов, исчезали с привычного места и оказывались на другой территории, а затем и на поверхности нашей Луны.

Вслед за большими вещами, которые можно разглядеть в телескопы, отправлялись исследователи паранормальных явлений. Они сами везде побывали без каких-либо скафандров и, ошеломлённые, вернулись назад. Вместе с постройками, весящими тысячи тонн.

После столь доказательных демонстраций люди, неверующие в могущество прибывших существ, изменили своё нелестное мнение и стали поклонниками старших братьев по разуму.

Лишь несколько упёртых упрямцев продолжили наседать на пришельцев: «Если вы можете перемещаться в пространстве от звезды до звезды, — спросили они, — то зачем вам огромный корабль?»

Те ничуть не смутились, и прямо ответили: «Он нужен не нам, а землянам. Для чего, вы поймёте чуть позже, а для начала мы предлагаем всем, кто только желает, обучиться, как пишут в ваших газетах, умению творить чудеса.

Создание веществ и предметов, достаточно просто освоить. Путешествие по вашей Земле и на поверхность Луны тоже не составит труда. А вот перемещение к прочим планетам уже дастся вам весьма тяжело. О том, чтобы достичь соседних систем, и говорить не приходится. На освоение этой методики могут уйти многие месяцы, а то и долгие годы.

Мы не хотим рисковать вашими драгоценными жизнями. Поэтому появились в вашей системе за орбитой Плутона. Объединив усилия, создали там прекрасный корабль. Убедились, что он отлично работает, и пригнали сюда.

По вашим понятиям, это простой тренажёр. Машина создаёт особое поле, которое имитирует сопротивление огромных пространств, размером в десятки парсеков. Если вы научитесь проникать внутрь корабля, значит, вы сможете «долететь» до соседней звёзды. От неё прыгнуть дальше, и так, шаг за шагом, двигаться к центру Галактики. Туда, где живут существа, достигшие нашего ментального уровня.»

Доводы скептиков оказались разбиты. Люди уверились в искренности и доброте старших братьев по разуму и стали их уважать больше, чем прежде. Пришельцы предложили землянам программы, нужные для их обучения. А так же генераторы особого поля, которое позволяет развить те части мозга, что находятся в спячке.

Учёные испытали аппарат на себе и с радостью убедились, что их ментальные силы стали быстро расти. Сначала они двигали небольшие пред-

меты: спички, бумажки и скрепки. Потом те, что побольше. Ну, а затем взялись телепортировать всё, что угодно, вплоть до больших и тяжёлых контейнеров. После чего научились создавать предметы, одежду и пищу из воздуха.

Убедившись в том, что облучение таинственным полем не приносит вреда организму, учёные разрешили распространить обучение на всех прочих людей. Заводы наладили производство нужных устройств и выбросили их на прилавки. Скоро каждый землянин мог купить такой генератор и заниматься по специальной методике столько, сколько захочется.

Спустя пару месяцев выяснилось, что развитие ментальных способностей у всех протекает по-разному. Так же, как и во всех других областях науки и спорта. Как ни печально, но всё зависит от способности мозга и тела к развитию.

Молодёжь усваивает всё значительно лучше, чем взрослые, а старики, вообще не могут ничему научиться. Мало того, даже среди лиц схожего возраста всё носило индивидуальный характер. Одним хватало пару недель на то, чтобы освоить курс телепортации, другим нужно месяц, а третьим более года.

Несмотря на большие различия в развитии ментальных способностей, большая часть землян двигалась вперёд очень быстрыми темпами. Многие люди освоили производство тех многих вещей, что им были необходимы в быту.

Спустя двадцать лет заводы и фабрики стали сокращать производство, и промышленные предприятия закрывались одно за другим. Транспортные системы уменьшали количество рейсов, а затем и вовсе распались.

В одно мгновение ока люди могли переместиться куда только угодно. Так что скоро отпала необходимость иметь жильё в больших городах. Население создало «просто из воздуха» большие коттеджи там, где оно хотело бы жить, и равномерно распределилось по лику планеты.

Школьное и прочее образование тихо угасло. Вся информация, накопленная людьми за минувшие эры, при помощи всё тех же учёных перенеслась в ноосферу, которая окружала планету.

Любой индивид, способный «работать» с ментальным пространством, мог напрямую подключиться к всеобщему банку человеческих знаний. Сделать это, когда пожелает, и найти там всё, что только захочется. Это было значительно лучше, чем былой интернет.

Пришельцы отметили, что часть землян уже достигла Луны и прочих планет. Причём без всяких скафандров. «Чужие» порадовались успехам людей и заявили, что покидают планету. Мол, всё у вас идёт чин-чинарём. Осталось только освоить воспроизведение живых организмов, да перелёты к соседним звёздным системам. А у нас есть другие дела. Нужно помочь иным технологическим расам.

Братья по разуму удалились с Земли так же эффектно, как появились полвека назад. Только всё происходило в обратном порядке. Сначала они поднялись над землей. Потом, вспыхнул яркий ослепительный свет, и пришельцы исчезли в неведомой дали.

Их огромный корабль, остался на месте. Продолжил висеть на орбите Луны и ждать тех телепортантов, которые смогут проникнуть сквозь защитное поле.

За минувшие годы промышленное производство и огромные агрофирмы исчезли бесследно. Множество зданий и свалки отходов были рассеяны в мелкую безвредную пыль, а чистую землю покрыли травы, кусты и леса.

Правительства стран лишились почти всех своих полномочий, остались лишь две главные функции: полиция и социальная служба, которая снабжала едой и одеждой тех, что оказались ментально неразвиты. Большею частью это были пожилые и старые люди. Жизнь неизбежно забирала своё, и таких бедолаг, оставалось всё меньше и меньше.

В отличие от «неудачников», неспособных к освоению ментальной энергии, все остальные ничем не болели, были красивы, крепки и подвижны. Мало того, достигнув тридцатилетнего возраста, они прекращали меняться физически и оставались в таком состоянии на протяжении всего минувшего срока.

Они развивали способности мозга и тела. Могли путешествовать в границах нашей планетарной системы, но им не удавалось проникнуть в корабль «чужих». Значит, и путь к другим звёздам им был пока что заказан.

Так прошло ещё несколько лет, и корабль, висевший в небе так долго, что стал привычным, словно Луна, внезапно исчез. Куда он делся, никто не мог точно сказать. То ли ушёл в подпространство, как это делали телепортанты? То ли рассыпался в пыль, уничтоженный каким-то маньяком? То ли улетел от Земли?

На планете ещё оставалось несколько тех астрономов, что работали полвека назад в крупных обсерваториях. Тогда они были ещё молодыми людьми и легко освоили все чудеса, что позволяла творить техника управления ментальной энергией. После этого они уже не работали. Жили в своё удовольствие и не думали наблюдать за коловращением звёзд. Зачем, если скоро люди сами до них доберутся?

Заметив, что корабль пропал, кто-то из бывших учёных всерьёз озадачился. Секунду подумал, решил посмотреть, куда подевался ковчег братьев по разуму и попытался взлететь на орбиту.

Однако, к своему удивлению, мужчина не отправился в космос, а остался стоять на земле. Он попробовал снова, но его постиг полный провал. И сколько он не прикладывал сил, так и не мог переместиться в пространстве хотя бы на шаг.

Мужчина хотел посмотреть в бездонное небо вооружённым глазом. Вспомнил, как устроен небольшой телескоп и приказал ментальным полям создать новый прибор вместо тех, что были разрушены очень давно. И опять неудача.

Не на шутку встревоженный таким положением дел, он представил себе, как держит в руке кусок свежего хлеба, но вместо него увидел лишь свою пустую ладонь.

В то же самое время многие люди попытались создать то, что они пожелали. Никто из них ничего не добился, и миллиарды землян оказались без всяких средств к продлению жизни.

У большей части людей имелись коттеджи, набитые ненужными больше предметами роскоши. Зато у них не имелось ни каких-либо орудий для добычи пищи, ни семян для посевов, ни прирученных к неволе животных.

К тому же те, кто знал, как что-то создать своими руками, уже благополучно почили, а те, кто хотя бы видел, как это делают, всё позабыли многие годы назад. Они попытались войти в информационное поле. Связаться с друзьями, живущими за многие километры от них. Узнать, что им делать и как добыть пропитание? Однако и здесь их ждало поражение.

Своих прочных знаний у них давно не имелось. Зачем, если всевозможные сведения из памяти всего человечества находятся в свободном информационном пространстве? Стоит лишь пожелать о чём-то узнать, и к вашим услугам полная справка, висящая перед мысленным взором. Её даже не нужно читать. Дай команду теще, и приятный механический голос всё тебе растолкует.

Но после того, как пропал инопланетный корабль, ноосфера стала никому недоступна. А вместе с прекращением доступа исчезла и связь, и все знания всего человечества. Транспорта нет, продовольствия нет. Выживайте люди, как сможете. Так вся человеческая цивилизация была мгновенно отброшена на сотню тысяч лет назад, прямо в каменный век.

Выжили лишь очень немного счастливицков. Те, кто находился в субтропическом климате, в поясе, где много диких плодовых деревьев и рек, наполненных рыбой. Там было тепло и имелось много ягод и фруктов. Это дало им какое-то время на то, чтобы приспособиться к новым условиям.

Но и они уцелели не в полном составе. Во-первых, люди вновь стали стареть, а медицина исчезла. Во-вторых, не все растения оказались съедобными. В-третьих, было мало чистой воды, зато вокруг обитало множество вредных микробов.

К тому же, комары и мухи, переносчики опасных болезней. Плюс ко всему, ядовитые змеи и хищники. Так что, всему человечеству грозила скорая и бесславная гибель. В лучшем случае, длинная дорога наверх, к уровню двадцать первого века.

Незадолго до последних событий в самом центре Галактики шла своя обычная жизнь. Один из мелких чиновников огромной империи решил заняться работой. Вошёл в информационное поле своей «скромной конторы», отвечающей за общение с низшими расами. Просмотрел последние новости по департаменту и запросил нужную справку:

— Как там эксперимент на Земле?

— Всё проходит по плану. — ответил искусственный интеллект, занимавшийся названной темой: — Полвека назад наш инвентарный зонд вышел на орбиту данной планеты. Прибывшие в нём андрониды провели обработку всего населения и запустили процесс пробуждения их спящих возможностей.

Благодаря усилителю ментальных способностей, аборигены вышли на уровень наших подростков. Стали путешествовать в космосе, но дальше

своей планетарной системы они не продвинулись. На этом обучение резко застопорилось. Более десяти лет они топчутся на месте и не могут войти в последнюю стадию развития разумных существ.

Искусственный помощник умолк и спросил секунду спустя:

— Что делать дальше?

— Насколько я помню, это не первая наша попытка? — задал вопрос рептилоид, похожий на хищного раптора.

— Пятая. — услужливо ответил искин.

— Мы сделали для них всё, что только возможно. — задумчиво пробурчал гуманоид: — Снимайте усилитель ментального поля и переводите его к ближайшей населённой планете. Пусть попробуют там.

— Хорошо, а что делать с землянами? — поинтересовался искин.

— А что с ними такое? — удивился чиновник.

— Впав в эйфорию от своих возросших ментальных способностей они, как и в прошлые четыре раза, уничтожили всю систему производства продуктов питания и остальную промышленность. Если мы отведём усилитель ментального поля, они останутся без еды, одежды и прочих вещей.

— Ну, если они настолько глупы, что не смогли ничему научиться за прошлые четыре попытки, то пусть делают, что пожелают, — сказал недовольный чиновник и занялся другими делами.

К концу рабочего дня рептилоид решил, что хватит работать. Отключился от ментального поля конторы. Зевнул и собрался телепортироваться в свой родной дом, расположенный на другой планете, что вращалась у соседней звезды. Вдруг возле него возник гуманоид, похожий на тех, что он видел на картинках с Земли.

— Так вот, кто устроил нам катастрофу! — прозвучала в голове рептилоида раздражённая реплика: — Сейчас ты ответишь за это!

Чиновник попытался проникнуть в мысли пришельца и понял, что не может этого сделать. Он хотел вызвать соратников по департаменту и ощутил, что связь с ментальной охраной отсутствует. Испугавшись такого бессилия, он решил, что стоит исчезнуть отсюда как можно скорее. Предпринял попытку и почувствовал, что несмотря на все усилия, даже не сдвинулся с места.

— Кто вы такой? — прохрипел рептилоид. Плянул в глаза пришельца и вдруг догадался кто он и откуда: — Вы хотите, чтоб я вернул назад усилитель ментальной энергии? — спросил он жалобным голосом.

— Это я сделал без вас, — сказал человек и добавил, — Мы хотим, чтобы ваша хладнокровная раса не трогала нас какое-то время. Когда мы будем готовы к контакту, я сам навещу эту контору и расскажу вам об этом.

А если вы решите на нас надавить, то должен вам сообщить — я знаю, где находится ваша родная планета. Я отправлюсь в то далёкое время, когда вы находились в каменном веке, и сброшу на головы ваших чешуйчатых предков аннигиляционную бомбу. Запомните это и передайте другим. А в честь нашей коротенькой встречи примите мой скромный подарок.

Человек мгновенно исчез, а рептилоид со страхом подумал: «Раз они овладели телепротацией не только в пространстве, как мы, но и во времени, то лучше с ними не ссориться...»

В тот же миг перед ним возникла небольшая коробка из дерева. Она повисла перед испуганной мордой «чужого». Раздался отчётливый треск. Крышка внезапно открылась и появилась фигурка клоуна с ухмылкой от уха до уха. Игрушка махала руками. Раскачивалась из стороны в сторону и громко, противно смеялась.

Об авторе

Родился в 1955 году в г. Баку Азербайджанской ССР. В 1978 г. окончил инженерно-строительный институт. Живёт в Самаре. Работает архитектором. В 2015 и 2017 г. вышел роман о войне «Разведчик, штрафник, смертник» ЭКСМО. В 2017 г. вышел роман о войне «Пылающий 42-й. От Демянска до Сталинграда» ЭКСМО. В 2018 г. вышел роман о войне «На подступах к Сталинграду» ЭКСМО. Начиная с 2014 г., издана армейская повесть «На Дальнем Востоке», криминальная повесть «Поездка в Индию», военная повесть «Бои за город вождя», детективная повесть «Сыщик Роман Комаров». Напечатано в общей сложности, более шестидесяти рассказов «на бумаге» (проза, война, фантастика, детские истории, юмор).

Елена Кушнир

Про уродов и людей

повесть

*Людей, только людей — вот кого надо бояться. Всегда.
Луи-Фердинанд Селин. Путешествие на край ночи*

Вертолетный гул забивал голову едва ли не сутки после того, как Дрейк спрыгивал на землю.

На базе вертушки постоянно улетали-прилетали, подбрасывая вверх тучи пылевой перхоти и лохмотья травы. Но Дрейк всегда старался держаться подальше от тех мест, где железные лопасти ставили на дыбы воздух, и шумы, звучашие в отдалении, все-таки переносил лучше.

В перелетах же ему иногда становилось так дурно, что наизнанку выворачивало, и пару раз приходилось стирать кровь, натекшую из ушей. Все его проклятая обостренная чувствительность, полученная от природы с довеском. Она обостряла все! Способность распознать шум неприятельских шагов за мили — штука, полезная на войне, но когда его уши брали звуковым тараном, он на что угодно был готов, лишь бы обладать обычным человеческим слухом.

Радд, со свойственной ему деликатностью парового катка, не упускал возможности поглумиться над братом.

— Что, малыш, опять поплохело? Может, таблеточки от укачивания начнешь принимать? Знаешь, такие детишкам в самолетах дают.

— Заткнись, придурок, — вяло огрызнулся Дрейк, вдавливая из последних сил кислую слюну обратно в глотку. — И без тебя тошно.

Это, конечно, Радда заводило еще сильнее, и он принимался упражняться в остроумии на тему тошноты. В качестве отместки Дрейк однажды прицельно наблевал ему на ботинки, но подколки с того случая только умножились и стали злее.

Раззадорить или разозлить Радда и раньше ничего не стоило, а с годами ему и поводы перестали требоваться. Дрейк иногда буквально шкурой ощущал его звериную ярость, которую больше не сдерживала в границах дозволенного, а наоборот, все сильнее распяляла война.

Две вещи горели во Вьетнаме ярче и смертоноснее всего.

Радд и напалм.

Они сошли с вертолета вместе с Воллмером, но тот в душевые не пошел, а направился сразу к баракам, молча махнув Дрейку на прощание.

Воллмер вообще разговаривал так редко, что странно, как у него голос не отсох за ненадобностью. Был он высокий и прозрачно-худой, с бледными глазами, за которыми варилось непонятно что. Выражения лица у него не было. Солнце, полировавшее остальных людей загаром, его почему-то не трогало, кожа оставалась цвета костей, почти серой. В черных волосах высвечивалась одна белоснежно-седая прядь, будто он специально выкрасил шевелюру. Задумчивая тишина всегда ходила за ним следом. В рейдах он стрелял неохотно и чаще промазывал, чем попадал в цель. Дрейк подозревал, что Воллмер поступает так нарочно. Не хочет ни в кого стрелять, и все тут.

Стрелять не хотел, но почему-то не дезертировал, как поступили, если верить слухам, уже двадцать тысяч человек, уставших от муравьев в трусах, песчаных блох в волосах, кормежки из жестянок и удобрений из крови для спаленных рисовых полей.

— Чудной он мужик, — заметил как-то Дрейк. — Я никогда толком понять не могу, чем от него пахнет.

Запахи людей Дрейк распознавал не хуже, чем звуки. Правда, не всякие, а лишь самые сильные — страх, волнение, радость, гнев или похоть. Ничем из этого от Воллмера не пахло. Точно дистиллированная вода в человеческой упаковке.

— Немым кретином от него пахнет, — презрительно фыркнул Радд. — От этого слабоумного никакого толку ни на земле, ни над землей. Может, под землей бы было.

И расхохотался, придя в восторг от своей шутки.

Его бы воля, он бы лично под землю весь их взвод уложил просто ради развлечения, и плевать, что воюют на одной стороне. В недавней увольнительной едва не выпустил своими когтями кишки одному морпеху, брякнувшему в сайгонском баре про «зверушек из зоопарка», думая, что сквозь надрывавшееся радио и звон стаканов с другого конца помещения его не услышат. Радд услышал, и Дрейк едва оттащил брата от человека. С трудом удерживая, принялся увещевать, мол, ты полегче со своими, это же не Чарли, которых можно мочить сколько душе угодно.

Радд, отбушевав, немного успокоился и сказал:

— Мне вообще по барабану, кто в этой вонючей дыре будет заправлять — Чарли, американцы или русские. Нет у нас с тобой никаких «своих», братишка. Никогда не было и не будет. Не понял еще?

Но Дрейк и сам давно это понял.

Русские, вьетнамцы и американцы были людьми.

Они с братом — уроды.

И за всю жизнь, как ни менялись времена, люди не давали им об этом забыть. Воллмер, если уж на то пошло, хоть какую-то доброжелательность демонстрировал и смотрел без отвращения. Дрейк приучился такое ценить.

Душевые на базе были — одно название. Иногда и вовсе воды не давали, и приходилось обливаться из ведер. Дрейк уже подумывал, не завести ли щетку, чтобы чистить шерсть, но пока не решался. Это сделало бы его еще более странным в глазах окружающих. Да и стеснялся, чего уж там.

Сегодня насадки плевались теплыми желтоватыми струйками, и Дрейк ностальгически вспоминал огромную базу с кондиционерами и прочими

мелкобуржуазными удобствами, на которой они размещались в свой первый вьетнамский срок. Там из душа выходить не хотелось, как в хорошем отеле. Они и в Мире-то не жили в таких условиях.

Текущей из шланга мочой было непросто отмывать оставшиеся после джунглей струпя грязи, дохлых moskitov и затвердевшие комки пота. Больше его ругательств, чем воды, попадало на шкуру.

По соседству сочно матерился Радд, пытавшийся оттереть от шерсти у рта присохшую кровь. В последние месяцы во время стычек, поначалу вволю настрелявшись, он бросался на людей со своим главным оружием — самим собой, пропарывал когтями животы и перегрызал глотки, выдирая клыками из шей куски мяса.

На прошлой войне такого не было, и Дрейк наблюдал с возрастающей тревогой, как все сильнее размываются в его брате контуры человеческого поведения, как рвется на волю заключенный в его огромном мощном теле зверь, которого он больше не может или не хочет держать на цепи. Еще сильнее ворошился страх, что со временем с ним самим случится то же самое, и однажды разум окончательно помутится, как тускнел сейчас только в горячке схваток. А дальше останутся лишь животные инстинкты, над которыми он пока одерживал верх.

Радд был старше, пусть разница в годах между братьями почти стерлась за долгую жизнь. Может быть, из-за этого уродство добралось до него раньше? Или такова была его натура, буйство и несдержанность отличали его даже в ранней юности, задолго до их первой войны.

Дрейк иногда поражался, как мало им известно о самих себе. О том, кто они вообще такие. Но исследования их особенностей никто не проводил, государство делало морду кирпичом во всем, что касалось уродов. Власти только ставили их на учет и запрещали голосовать на выборах, в остальном предпочитая делать вид, что никаких «граждан с искажениями», как их официально именовали, в стране не существует. Возможно, где-то были частные лица, секретные лаборатории и подпольные научные центры, которые спонсируют миллионеры, заинтересованные в феномене «искаженцев», но о них Дрейк ничего не знал. Да и откуда ему было знать? Он был простым солдатом, в Мире селился в мелких городках или в лесной глуши. А в прессе про уродов не писали, по телевизору не упоминали, подходящих книжек ему никогда не попадалось, хотя читал он много и жадно, выучился в свое время грамоте сам, впервые слепил упрямо расплывшиеся буквы во что-то единое и цельное, растер между губами, почувствовав во рту вкус чужого слова, и больше не останавливался.

Ревматически заскрипела дверь, и в душевую вошли двое совсем зеленых новобранцев, оживленно сталкивающих голоса.

— На второе письмо не отвечает! — возмущался один. — Шалава! Я тут страну защищаю, а она, небось, уже с кем-то шуры-муры закрутила.

— Напишет еще, не переживай. Моя девчонка тоже...

— Вернись и шею сверну..

— Так вот, говорю, моя девчонка...

— И ее хахалю яйца отрежу,— кипятился юный петушок.— Я как раз отличным боевым ножичком разжился...

Увидели Дрейка с братом и мгновенно прихлопнули разговор, как муху. Начинается, раздраженно подумал Дрейк.

И верно. Опавшие руки. Раззявленные рты. Моргание, потоотделение, сердцебиение. Все признаки внезапного столкновения с уродами налицо. Получите, распишитесь.

Отойдя от столбняка, мальчишки, как по команде, попятились спинами к выходу, развернулись и, будто получив хороший пинок под зад, припустили из дверей, грохоча ботинками.

Выглядело это откровенно по-идиотски.

— Дебилы, — хмыкнул Дрейк. — Живьем их тут съедят, ага.

Бывало, что реакция людей его забавляла.

Радд проводил мальчишек недобрым взглядом прищуренных желтых глаз, распиленных пополам узкими кошачьими зрачками, и слегка согнул позвоночник, как будто уже собрался опуститься на четвереньки и кинуться вслед. Вдруг переменялся. Блеснул выпущенными клыками в хищной улыбке.

— Детишки нас боятся, — проурчал он. — Хорошо.

Ничего хорошего, считал Дрейк, в этом не было. Когда-то людской страх чуть не затравил двух мелких зверенышей насмерть. Сколько пришлось им прятаться от охотников, их собак и ружей... Мать умерла, отец надрался своим дешевым пойлом и в который раз полез с воплями и кулаками:

— Дьяволы! Отродье сатаны! Надо было обоих утопить, как родились, я ей говорил... Это вы, проклятые твари, ее в могилу свели!

Замахнулся и ударил Дрейка по голове.

Тогда Радд с рычанием бросился на старика, выставив недавно удлинившиеся когти, и, наверное, убил бы, если бы Дрейк не ринулся наперерез.

— Брат, не надо! Он наш отец!

Остановил.

Но никакой жизни в той жалкой лачуге лесника, ветшающей на опушке леса, у них больше быть не могло. Сбежали, не оглядываясь на мелко трясущегося в рыданиях папашу, забившегося в угол и вонявшего чем-то гадким, кислым и тухлым одновременно.

Они отыскиали нору у подножья дерева, забились меж узловатых корней, закутались в опавшие листья и продрожали всю ночь.

А отец пришел за ними. И не один.

Ту пору Дрейк вспоминать не любил. Голод, холод, вечный озноб, истлевшие лохмотья, трещащие на быстро раздающихся плечах, склизкая соленая мякоть на языке, нет огня, братишка, ешь сырое, я не могу, Радд, не могу, мне от него дурно, а я говорю, ешь, не то помрешь...

Ударили морозы, такие лютые, что пробивали шкуру насквозь. Лес вымер, весь. Стоял, как белое кладбище, никакой живности, последнюю тощую белку отловили, разодрали и проглотили едва не со шкурой, так и не насытив голода, казалось, навек поселившегося в желудке. Делать нечего, перебрались в соседний городок, где строилась железная дорога. Ошивались по помойкам, жрали из мусорных баков, спали по угольным подвалам, воровали все, что могли.

Первого человека Радд убил случайно, это Дрейк точно знал. Тот просто вырывался слишком сильно, не желая отдавать кошелек, и насадился груд-

ной клеткой на выползшие когти, захрипел, брызнул красной слюной и обмяк. О следующих жертвах Дрейку думать не хотелось — откуда старший брат берет то или это, на какие деньги они сняли комнатушку в мансарде, на какие одежда, на какие еда...

До сих пор запикивал те воспоминания в самый глубокий и темный подпол в своей голове, стараясь начать отсчет жизни с того времени, как пошли работать на железную дорогу, где таскали тяжести больше, чем взрослые мужики. Дрейк был еще совсем ребенком, но нечеловеческая сила в нем уже проявлялась.

На строительстве сначала было хорошо: все мысли прямые, как шпалы, шли в неизвестность, но куда-то вперед. Впервые что-то вылуплялось из будущего, кроме страха. Платили, и больше не требовалось ни воровать, ни грабить, ни разлучать души с телами. Малина!

А потом он узнал, что затравить можно не только собаками. В лицо о них говорить боялись, особенно подростку Радду, но голоса гуляли за спиной, лопаясь от издевательского хохота.

Он слушал, слушал и однажды вечером, придя домой, попытался снять с себя шкуру когтями. Выл от боли и скоблил. Залил все кровью, успел подумать о том, какой невозможно яркой она кажется, будто ослепительно алое солнце обжигает ему глаза...

Пришел в себя от того, что вернувшийся со смены брат испуганно на него орал и тащил в постель.

— Ты что наделал? Свихнулся, что ли? Где болит? Где?!

Нигде не болело.

Все заросло, как ничего не было. Новенький, с иголки Дрейк.

Он думал иногда — сколько бы на его шкуре имелось шрамов, если бы они оставались?

Но они не оставались. Его уродство — не только звериная внешность, но и организм, исправно латающий сам себя. Какие-то повреждения быстрее, какие-то медленнее. И Радд такой же, как они после выяснили в милом французском местечке под названием Аргонский лес, когда их батальон прорывался за передовую германскую линию и оказался в ловушке под огнем собственной артиллерии, палящей по ним из-за ошибочных сведений. Снаряд разворотил Радду полтуловища, и он два дня так стонал и рычал, что окружившие их немцы слышали и вопили майнготтами, крича, что из жалости лучше пристрелить. А на третий день Радд взял и поднялся без единого следа от ран, потребовал пожрать, выпить и немцев:

— Дайте мне этих Гансов побольше, всех в фарш погромсаю!

Дрейк от счастья чуть с ума не сошел. Даже командир обрадовался, у них каждый боец был на счету. С чувством затряс Радду руку:

— Это настоящее чудо! Жаль, немцы не видели. Это бы здорово подкосило их боевой дух. — Просиял из-под слоев окопной грязи. — Знаете, вас надо на пропагандистских плакатах размещать! Как символ непобедимости нашей страны.

И снова пожал когтистую руку.

Другие солдаты, правда, только крестились, шептались про Антихриста и на воскресшего уroda старались не глядеть. Но в этом ничего необычного

не было. Их с Раддом не раньше середины двадцатого столетия перестали за демонов с дьяволами принимать, да и то...

Ту войну называли последней. Говорили, что она закончит все войны.

Ни черта она не закончила.

Ранений Дрейк и Радд пережили столько, что наконец поняли: убить их можно, наверное, только если головы снести. Хотя кто знает, вдруг тоже отрастут. За все войны это, пожалуй, единственное, чего они еще не проверяли.

Следующий день после возвращения из джунглей выдался свободный.

Радд отправился гулять по базе и пугать «свежее мясо», порцию которого должны были сегодня привезти. Ему доставляло удовольствие смотреть на то, как вылезавшие из вертолетов новые мальчишки, неуверенно потоптавшись, ищут направление, а находят его — расслабленно прислонившегося к стенке на самом солнцепеке, растягивающего рот в медленной улыбке, обнажающей острые выступы клыков — подпрыгивают на месте и мочат себе штаны.

В принципе, практика неплохая. Новобранцам лучше с самого начала усвоить непреложную истину Вьетнама: здесь очень опасно.

Но Дрейк с братом не пошел, ему это развлечение не нравилось. Просто растянулся на койке в бараке и дремал, пока его обтекали чужие разговоры, в которых урода никогда не приглашали принять участие, но тут он ничуть не возражал.

— Ни одной здоровой шлюхи, у одних сифилис, у других туберкулез...

— Стали мы ему пальцы резать, тут приходит лейтенант и давай орать: «Совсем долбанулись? Корреспондент рядом ходит, хотите, чтобы фоток наделал? Подождите, пока улетит».

— В Сайгоне каждый раз кошелек воруют. Узкоглазые вообще работать не хотят, гнойная нация...

— Он говорит: «Сосчитать надо», и пошел трупы пинать. Пинает по кочанам и считает: «Один, два, три...» Пнул четвертого, у того башка отвалилась и запрыгала по земле, меня такой смех пробил, стою, ржу, обновиться не могу...

— Нормально мы им там вломили. Чарли больше народу за три дня потеряли, чем мы за две недели...

— Слышь, давай дернем, расслабимся хоть...

В какой-то момент все ушли, и Дрейк наслаждался редкими на войне фрагментами тишины, разбавленной только выкриками за стенами барака и приглушенным журчанием радио:

— На втором месте в нашем хит-параде композиция «Восход ущербной луны» группы Creedence Clearwater Revival. Образовавшаяся два года назад американская рок-группа успела добиться...

Музыка ему не мешала. Большим поклонником он не был, а годах в двадцатых и вовсе изнемогал, когда из каждого угла на него набрасывались истеричные завывания джазовых саксофонов. Но в целом против музыки ничего не имел, поэтому не стал выключать оставленный кем-то из парней приемник.

Порывшись в своих вещах, он достал книгу, отыскал страницу, на которой остановился в прошлый раз, и отправился бродить по лабиринту строк. Книжка была самой странной из всех, что он читал. Дрейк мог бы

предположить, что ее автор — урод, только его уродство никак не отразилось на внешности, а засело внутри и раздирало его на части, заставляя извергать слова, опухшие от отчаяния, безумия и боли: «Все похоже на наркоманов», «Параноя ранней стадии соскока», «Плоть мертва, одутловата, тускла...»

Книга напоминала ему Вьетнам. Здесь все примерно так и было, тлело, разлагалось и гнило в зеленой преисподней джунглей и на бурых заплатках земли, выжженной напалмом и тошнотворно сладким рыжим дымом. Марихуану курили, как сигареты. Многие баловались героином и кислотой. Воздух в бараках коробился от химии вместе с запахом застарелого пота и прелых ног. По вечерам солдаты иногда веселились, как в последний день жизни, но чаще беспорядочно шатались по лагерю, будто сами не понимали, чего хотят и куда идут. Медленно тянулись изможденные лица, бессильные руки и едва тащившиеся ноги. Каждый третий звучал так, как будто его душили. У всех в глазах — выстрелы, взрывы, огонь...

— Крыша здесь едет, — сказал один солдат. — Не всегда понимаю, когда сплю, а когда нет. И долбаные гуки! Их так много... Когда же мы их перебьем?

Время на войне идет или слишком медленно или слишком быстро. Во Вьетнаме оно стояло полузастывшим киселем даже во время боевых действий, чуть-чуть оживая лишь в паре шагов от взрыва. Непрекращающаяся жара выедала мысли. От местного климата тянуло к насилию или в сон. Другого состояния не было.

Физически Дрейк уставал редко, но ни одна война ему с таким трудом не давалась. Может, уже переел чужой смерти.

Радд наоборот вошел в такой раж, что говорил:

— Я надеюсь, это никогда не кончится.

И потянул его вернуться на второй срок, о чем Дрейк жалел. Но поехал, чтобы присматривать за братом, не дать ему надеть опасных глупостей. Остаться в Мире Радд не мог. Он теперь полгода не убивает — уже на стенку лезет.

Дрейк тягостно вздохнул, и тут в дверной проем робко влезла голова. Померцала, скрылась и показалась снова.

— Здравьете, — сказала голова. — Я вот тут... э... пришел.

По запаху Дрейк опознал вчерашнего новобранца из душевой. Того, который говорил про свою девчонку.

«И чего он тут забыл?» — удивился Дрейк, но сделал приглашающий жест:

— Ну, заходи, раз пришел.

Новобранец помялся на пороге, потом зашел. Остановился, нервно теребя жетон на длинной цепочке. Опустил лицо с розовыми пятнами, которые успело нарисовать на его бледной коже солнце. С длинными конечностями и тощий, униформа со всем снаряжением весит больше, чем он. Такой зеленый, что брось его в джунгли — с ними сольется. Страхом от него пахивало, но и чем-то другим, что сложнее было определить.

Дрейк остался на кровати, не меняя позы. Лень было шевелиться. Откинулся на худосочную подушку и ждал, когда заговорят.

Паренек, решившись, наконец отодрал взгляд от мысков своих ботинок и выпалил скороговоркой:

— Насчет вчерашнего, глупо себя повел, усталился, как дурак, сбежал, как трус, извините. — Перевел дух и прибавил взволнованно, но ровнее и с обнаженной искренностью: — Просто я таких, как вы, никогда не видел.

За это перед Дрейком еще не извинялись. Если подумать, перед ним вообще никто и ни за что не извинялся.

От новизны впечатлений он и сам теперь не знал, как реагировать.

Кивнул головой:

— Ясно. — Оглядел еще раз взопревшего от смущения паренька. Спустил ноги на пол и протянул ему руку: — Дрейк.

Тот в ужасе так расширил глаза, что они чуть с лица не соскочили:

— Что?

— Мое имя, — терпеливо пояснил Дрейк. — Тебя, пацан, как звать?

Несколько секунд залошного молчания.

— «Дом не покидай,

Ты жизнь свою спасай —

Светит ущербная луна», — меланхолично вывели по радио, повысив на изломе песни голоса, и паренек вздрогнул.

Тряхнув головой, подошел ближе и вложил свою преодоленную трусость Дрейку в ладонь.

— Я Шон, — сказал он. — Шон Эллисон.

Рукопожатие торжественно свершилось и немного затянулось, поскольку пацан тарасился, как загипнотизированный, пришлось его прервать.

Дрейк закинул ноги обратно на койку и взялся за книгу, давая понять, что встреча окончена. Он все равно не знал, о чем говорить.

Мальчишка, увидев книгу, оживился и почти перестал бояться.

— Что вы читаете? — спросил он.

Дрейк показал обложку, и Шон Эллисон, прилежно артикулируя, как первоклассник, зачитал вслух:

— Уильям Берроуз «Обед нагишом». — Неуверенная улыбка мазнула его по губам. — Интересно?

Не то слово, которое Дрейк бы употребил, но он решил согласиться:

— Очень.

— Про что?

— Хороший вопрос, — задумчиво сказал Дрейк, — но так просто на него не ответишь. Самому надо читать.

— А можно мне?.. — начал было Шон Эллисон, но замолчал, остолбенев от собственной смелости, и втянул покусанные солнцем щеки, чтобы еще чего-нибудь не ляпнуть.

Господи, совсем ребенок. Как его такого сюда кинули, и сколько он здесь протянет? Дом не покидай, жизнь свою спасай...

— Можно, — ответил Дрейк, — дам, когда закончу.

Разговор на этом естественно завершился.

В дверь мальчишка выскочил так же быстро, как накануне из душевой, но запах за ним тянулся другой, не кислый и не тухлый.

Через пару дней Дрейк снова чуял смрад его страха, стократно усиленный, но винить за это парня не мог. Впервые очутившись в джунглях, так пахли все, включая тех, кто превращался позже в маньяков-убийц, снимаю-

щих с пленных вьетнамцев кожу и стреляющих во все, что движется, с шальным блеском в глазах. Джунгли вначале умирляли даже таких, сдавливая в тесных объятиях духоты и насылая на непрошенных гостей, вторгшихся на территорию зарослей, все мыслимые и немыслимые божьи кары: лягушек и змей, крокодилов и москитов, тигров и глистов, клещей и пауков, малярию и лихорадку... Мелкие твари были опаснее крупных. Они ползали по телам, как у себя дома, настоящими стадами. У всех людей красные отпечатки разбухали на коже. Дрейк с братом не страдали от последствий, но кусали уродов точно так же, как и людей. После укусов часто появлялась какая-то фантомная чесотка, из-за которой хотелось содрать с себя шкуру.

Тени смерти мерещились из-за каждого ствола, мелькали в бамбуковых рощах, проглядывали сквозь переплетения лиан. Начиненные минами и фугасами ловушки, ямы с деревянными кольями и железными штырями на дне таились под листьями и песком, прикрыв до поры жадные рты, но стоило только ступить...

Дрейк свалился однажды в ловушку с «бамбуковой бомбой». Такой боли, которую он испытал, вытаскивая из себя опилки, не помнил со светлых времен своего детства, когда отрывал самого себя от самого себя, шкуру от мяса. Человек бы, конечно, умер или сгнил бы заживо, ведь как эти бамбуковые иглы из тела извлечь, когда их даже на рентгене не видно?

Новая прогулка не отличалась от старых. Парило так, что хотелось самого себя выжать. Небо пучилось, стягивалось, собираясь к следующему дождю. Из-за пухлых фиолетовых туч медленно моргало слепое бельмо солнца. Земля под ногами чавкала, трава хлюпала от сырости. Начало осени во Вьетнаме хуже всего: жара пока не спала, а влага пропитывает каждый миллиметр пространства. От стоячего мокрого воздуха приходится отрывать куски, он проталкивается в легкие так неохотно, как будто саботирует и работает на вьетконговцев.

Дрейк с братом, Воллмером и Шоном Эллисоном пробирались сквозь зеленую пургу тропического леса. Радд шел впереди и срубал мачете самые настырные ветки, колотя по каждой с силой, которой хватило бы, чтобы свалить целое дерево. Дрейк принюхивался, чтобы не потерять след, и приглушенно матерился, сбрасывая со шкуры присосавшихся насекомых. Воллмер молчал. Шон Эллисон трепался не переставая.

Сначала, сверившись с компасом, он спросил, почему они изменили направление и идут на север, а не на северо-восток, как велел командир.

— Мы с братом лучше знаем, куда идти, — ответил Дрейк. — У нас сведения точнее.

— А как вы их добываете?

— Носом.

Некоторое время ушло у паренька на осмысление информации и закрытие рта. Потом он опять его открыл и не мог захлопнуть, вознамерившись поведать о важнейших событиях его маленькой жизни.

— Втюрился в нее еще в первом классе. Она, конечно, ноль внимания. Ну, ясное дело, я не Пол Ньюман, и со спортом у меня было неважно, в общем, звезд с неба не хватал. А вокруг нее всегда парни вились. Билли Эндрюс, капитан нашей школьной команды, и Рей Финниган, который в рекламе

детского питания снялся, когда еще пеленки пачкал, и с тех пор ходит весь такой гордый, и Эдди Смолл, полный придурок, зато отец у него...

— Заткнись, пацан! — взвился Дрейк, которому надоело слушать этот треп.

Он понимал, почему парень тарыхтит без перерыва, но они постепенно приближались к цели, и двигаться надо было тихо.

Радд обернулся и бросил через плечо клыкастую усмешку:

— Нервничаешь, малыш?

Шон Эллисон крупно слотнул и храбро соврал:

— Н-нет, я в порядке.

— Что-то не похоже, что ты в порядке. — Радд сокрушенно цокнул языком. Остановился, шагнул к парню и произнес издевательски заботливым тоном: — Вспотел, бедняжка. Температуры нет?

— Здесь очень жарко, — промямлил паренек. По его спине прокатилась дрожь, шея дернулась в сторону. Он пытался не отшатнуться от горы силы с клыками и когтями, надвинувшейся на него: — Но я в порядке, правда.

Воллмер прислонился к стволу дерева и сложил руки на груди, источая свое кататоническое молчание.

— И домой к мамочке не хочешь? — продолжал веселиться Радд.

— Н-нет, я...

— В уютную сухую постельку вместо противных мокрых джунглей?

— Я не...

— Где водятся злые гуки? Ты, кстати, в курсе, что они любят уши отрезать?

На парня было жалко смотреть.

— Отвяжись от него, — рыкнул Дрейк брату. — И хорош трепаться, оба! Лагерь гуков совсем близко.

Радд сверкнул на него желтыми глазами с искоркой гнева за то, что преврал его любимую игру со «свежим мясом», вздыбил мускулы, но сдержался и сместил угол плеч в сторону расслабления.

— И то верно, братишка, — ухмыльнулся он. — Главное веселье впереди.

Почти все «веселье» досталось уродам.

Воллмер выстрелил несколько раз с ближнего расстояния и убрался с дороги, зная по опыту, что лучше не путаться у них под ногами, особенно у Радда, который мог случайно или намеренно перепутать его с врагом.

Единственная пуля, которую ухитрился выпустить Шон Эллисон, угодила Дрейку под лопатку, и он не сдержал вырвавшийся вскрик.

Радд, заметив это, зарычал на оглушенного шоком паренька, и в желтых глазах поднялось во весь рост убийство.

— Нет! — заорал Дрейк, хватая его за ворот рубахи. — Не трогай, он случайно!

Не полагаясь на слова, практически швырнул брата на ближайшего вьетнамца, чтобы Радд направил свой гнев на него.

Успел заметить, как человеческое тело валится под тяжестью, словно срубленная мачете ветка, как входят в плоть клыки и когти, как льются из пробитых артерий и вен лучи ослепительно красного солнца...

Чужое солнце плавало его рассудок.

Он плохо помнил, когда застрелил последнего вьетнамца, но они с братом работали быстро, и вскоре все было кончено.

Воллмер снова прилепился к дереву, достал свой «Кабар» и принялся ковыряться в ногтях. Шон Эллисон пытался поймать взгляд Дрейка огромными благодарными глазами, но Дрейк отвернулся. Говорить тут было не о чем, а ему нужно было заняться раной. Пустяковая, конечно, но пули всегда надо вытаскивать, иначе ходить бы ему с такой коллекцией в организме, что к шкуре бы магниты притягивались.

Сбросив снаряжение и камуфляж, посмотрел на брата, широко ухмылявшегося ему окровавленным ртом.

Настроение после бойни у Радда становилось превосходное, желтые глаза подтаивали в сытом блеске.

— Помочь, братишка? — спросил он ласково.

Дрейк кивнул и принял вторжение чужих когтей в свое тело, изрыгая отборный мат, пока брат копался в его ране. Затем запил пережитую боль глотком воды из фляги, оделся и, сделав остальным знак выдвигаться, пошел первым.

После работы назад он никогда не оглядывался. Чего он там не видел? Груды мяса на земле?

Вылинявший свет, размытый дождевой моросью, постепенно гас. Не прошло и часа, как полог сумерек сомкнулся над головами, и джунгли спрятали свои обманки и ловушки в непроницаемой черноте.

Дрейк объявил размещение на ночевку, и они занялись поисками какого-нибудь лоскута земли, еще не превратившегося в жидкую грязь. Предсказуемо ничего не нашли. В сезон дождей во Вьетнаме вымокало все, включая брезент, под которым спасались от небесных хлябей.

— Вся страна, мать ее, жидкая грязь, — зло прорычал Дрейк. — Сраный Вьетнам...

Брат выразительно на него посмотрел, Дрейк ответил таким же красно-речивым взглядом: «Ты нас сюда притащил. Я не хотел».

Он устроился на куске гнилого дерева, скинув с него лиственный мусор и ползучую дрянь, которая через минуту вернулась, или это была другая ползучая дрянь, джунгли исправно снабжали ползучей дрянью, жидкой грязью и сопротивляющимися вьетнамцами, которые ни черта не собирались сдаваться, и Дрейк подумал, что желание его брата, наверное, сбудется — эта война, мать ее, будет длиться вечно, а он устал, просто устал...

— Огонь не будем разводить? — подал голос Шон Эллисон, соревновавшийся до этого с Воллмером в том, кто кого перемолчит.

Первая увиденная бойня застыла в его расширенных зрачках. Слова постукивали между зубов. Он дрожал, как в ознобе, хотя жара к ночи почти не спала. Дрейк невольно сморщил нос, чужая все тот же смрад.

— Дерево слишком сырое, — охотно ответил Радд, включаясь обратно в игру. — Боишься оставаться в темноте, малыш?

Паренька хватило только на то, чтобы судорожно мотнуть головой.

— Правильно, — одобрил Радд, похлопав его по острой коленке. — Бояться нечего. Все самое страшное тут, с тобой.

Здоровенный откормленный котяра гоняет крошечную пищущую мышку.

Мальчишка до такой степени растерял мозги, что улыбнулся, да так и остался сидеть с примерзшей к губам улыбкой, когда Дрейк поднял брата

с места и сказал, что они будут караулить первыми, пойдём-ка глянем, нет ли чего в округе.

— Долго будешь над ним издеваться? — накинулся он на брата, когда увел его подальше в заросли.

— Пока не надоест, — лениво проговорил Радд. — Тебе-то что?

— Он еще ребенок.

— Тем веселее.

— И не жалко?

— С чего бы?

Дрейк начал закипать:

— Слушай, чего ты ведешь себя, как последний ублюдок?

Его брат оскалился, сбросив вальяжность:

— Он один из них!

— Из кого?

— Ты знаешь, — прорычал Радд. Гнев забурлил в нем, от огромного тела пахло жаром: — Не жди от меня жалости ни к одному из людей после того, что было. Забыл нашего папашу и его дружков?

— Они не все такие, — возразил Дрейк. — Знаешь, пацан ко мне приходил извиняться на следующий день после того, как в душевой нас увидел. Ему стыдно стало.

— Сейчас разрыдаюсь от умиления, — скривился Радд. — Ты что-то расслапился и размяк, братишка. Такими темпами скоро забудешь, кто мы такие.

— А кто мы такие?

Дрейк действительно не знал ответа.

Радд шевельнулся и поднял руку в плавном движении оживающей тени. Вытянувшиеся когти коснулись плеча. Дрейк замер. Ему показалось, что брат сейчас нападет на него, как на человека, чтобы убить. Случалось, они дрались во время ссор, но пока никогда не схватывались по-настоящему...

Неужели к этому идет?

Неужели мы настолько уроды?

Кто мы?

— Звери, — в пророкотавшем человеческом слове не было ничего человеческого. — Мы звери, они — мясо.

Чернота, сливавшаяся с чернотой, полыхнула двумя кусками желтого огня с бритвенными разрезами зрачков. Еще несколько мгновений воспаленной тишины. Горящая, как напалм, ярость.

Потом когти втянулись обратно до обычной длины.

Дрейк осторожно выдохнул.

— Значит, это то, что ты выбрал о себе думать? — медленно произнес он. — Что ты — зверь?

— Это не то, что я выбрал, а то, что я есть, — рявкнула живая чернота. — И ты тоже.

В траве зашипела змея, на ветке залопотала ночная пичуга, в отдалении хрустнул под оленьим копытом сучок.

Вокруг жили на все голоса бессонные джунгли, в которых было много страшных существ. Радд, возможно, прав, что самые страшные собрались здесь.

Дрейк покачал головой.

— Это не обязательно так. И такие, как мы, бывают разными. Помнишь девчонку во Франции?

— Какую девчонку? — равнодушно спросил Радд. — Девочек там хватало. Ноги за еду раздвигали даже перед нами. И в семнадцатом году, и в сорок четвертом.

— Девчонку в том городишке... Как он назывался? Валанс. Мы еще сначала подумали, что она в бинтах, а потом оказалось...

— Что это не бинты, — закончил Радд. — Но она совсем не такая, как мы, просто тоже урод.

Дрейк не хотел сдаваться:

— Но ты помнишь?..

— Да помню я все, — Радд небрежно махнул рукой, и когти расцарапали воздух. — Ну, пела она как-то по-особому. Ну, красиво. Убивать после ее пения не хотелось, хотелось венки из ромашек плести и переводить старушек через дорогу, чтоб под танки не попали. Через пару часов прошло, и очень вовремя — как бы мы фрицев иначе мочили?

— Ее мать говорила, что она своим пением утишает боль.

— Да, — обронил Радд с невеселым смешком, который странно было от него слышать. — Только утихло ненадолго.

Разговаривать больше не тянуло.

Они вернулись назад к Шону Эллисону, притворявшемуся спящим, и Воллмеру, который теперь грыз губы, изучая пустоту у себя внутри. Он кивнул Дрейку и вернулся к своим занятиям. На Радда даже не посмотрел.

Ночь перевернулась на другой бок, и сжавшийся в ком дрожащих конечностей Шон Эллисон тоненько засопел. Радд вольготно разлегся на подстилке из сырости, заложил руки за голову и отключился, периодически потягивая носом. Даже во сне вынюхивал врагов и мясо, на которое мог законно охотиться, избегая уголовного наказания. Долго ли оно будет оставаться порывы?

Дрейк слепил веки ближе к рассвету, и, как ему показалось, через секунду его разбудил гул.

Он подумал о вертолете и сонно удивился, потому что к месту высадки они еще не вернулись. Чей-то чужой пролетает?

Задрал голову и увидел, как стрела «Фантома» разрезала небо на две не склеивающиеся синие ленты.

Это было очень красиво: стремительный белоснежный палубник, безбрежное васильковое море в вышине и пышное золото рассвета.

А потом мир исчез, скрывшись за пеленой текучего жара.

Такое случалось и не раз. Все знали, что на Камбоджу и Лаос часто валят остатки напалма, не израсходованного в миссиях. «Б-52» вообще, не сбросив груз, сесть не сможет, надо от него в любом случае избавляться.

А может, техника дала сбой, такое тоже бывало, как в нашумевшем случае с бомбами, рухнувшими на собственный полк. А может, пилот свихнулся прямо в кабине, отдав Вьетнаму свой надтреснутый разум, и решил посмотреть, как распускаются посреди влажной зелени гигантские ало-золотые цветы.

А может, вообще никакой логики и смысла в этом не было.

Дрейк рванул вперед, куда погнало его инстинкты, и бросился на огонь, выпустив когти, словно мог его побороть.

Глупо, подумал он, но не мог ничего поделать со своим телом. Оно всегда хотело жить, даже когда он сам не хотел.

Он услышал жуткие вопли, но откуда-то издалека. Увидел падение и упал сам, тяжело рухнув на колени.

Пламя облизало его рот нежно, как возлюбленная.

Дальше — темнота.

Когда он очнулся, влажная зелень уже исчезла. Только черный, коричневый и серый.

Огрызки деревьев, пепел, зола и смерть.

Доброе утро, Вьетнам.

Он смотрел в обожженное небо, чувствуя, как срастается на нем шкура. Кричать сначала было нечем, потом незачем. Паленая шерсть воняла непереносимо, и пищевод выгнуло дугой рвоты. Подавить ее не удалось, и он выблевал из себя клочок собственной плоти в подтеках желчи. Откатился подальше от мерзости в сторону и глубоко вдохнул, но тут же нахватался носом золы и расчихался.

Чихание прочистило мозги, и Дрейк, шатаясь, поднялся на ноги. Поискал глазами брата. Тот пришел в себя с тем же набором ощущений, и его скрутило в приступе тошноты. Отплевавшись, Радд потряс головой и сел на землю, осоловело моргая. Его форму усеяли черные прорехи. Металлический жетон с именем и номером на цепочке тускло поблескивал под слоем гари. У Дрейка он оплавился по краям. Надо будет получать новый.

Дрейк подошел к брату и помог встать. Спросил:

— В порядке?

Эхо отгремевших взрывов еще раздирало ему уши, и он слышал собственный голос, как из-под завала.

Радд бодренько усмехнулся.

— Лучше не бывает. Так мы еще не подышали, да? Даже прикольно.

— Прикольно, — сказал Дрейк и отправился узнавать, что случилось с остальными.

Воллмер — на удивление, живой и невредимый — стоял на четвереньках, выкашливая дым. Немой сукин сын пока успешно выживал во Вьетнаме, похоже, его тоже трудновато было убить. Молодец, Воллмер, дай пять.

А вот Шон Эллисон так и не проснулся.

— Теплый или уже спекся? — нехорошо ухмыльнулся подошедший Радд. — Жаль, жаль, думал с ним ближе подружиться. Как ты, малыш.

Дрейк его проигнорировал. Присел рядом с трупом на корточки, стараясь не вдыхать запах паленого мяса. Черты стерлись под черно-красной коркой, и лицо походило на растрескавшуюся маску какого-то древнего идола.

Дом не покидай, жизнь свою спасай...

Оставалось сделать только одно, и Дрейк взялся за второй жетон на короткой цепочке, чтобы сорвать его и отдать командиру для отчетности. Тащить тело к вертолету он не собирался, не настолько привязался к пацану для таких подвигов.

— «Свежее мясо» здесь долго не сохраняется. — Радд нетерпеливо пнул ботинком пепел, взметнув ворох серых снежинок. — Ну, пошли?

— Стой, — вдруг сказал Воллмер.

Заржавевший от неиспользования и дыма голос. Дрейк и не помнил, когда в последний раз его слышал, и изумленно воззрился на обесцвеченное лицо с бледными глазами, налившимся лихорадочным блеском.

— Оно разговаривает, — обрадовался Радд. — Интересно, что еще оно умеет делать?

— Кое-что умею, — ответил Воллмер, коротко полоснув по нему отвращением. Подошел к мертвому телу и опустился на колени напротив Дрейка. — Могу вернуть его к жизни.

— Да ну? — скучливо протянул Радд. — Умеешь оказывать первую помощь? Поздравляю, но поздновато. «Свежее мясо» прокоптелось.

Воллмер его словно не слышал, теперь он смотрел только на второго брата, который начал о чем-то догадываться.

— Как ты можешь это сделать? — спросил Дрейк.

— Я умру, он будет жить, — просто ответил Воллмер и рассеянным жестом дотронулся до белой пряди в своих черных, поседевших от пепла волосах. — Я надеюсь...

Радд громко расхохотался.

— Волшебная сила желания? — Он покрутил пальцем у виска. — Всегда знал, что ты чокнутый, не знал, что настолько.

— Брат, заткнись, а? — зарычал Дрейк. — Ты что, не понимаешь, он один из нас.

— Один из психов в дурке. Как его в армию-то приняли со справкой?

— Я один из вас, тоже урод, — подтвердил Воллмер и бережно коснулся кончиками пальцев мертвого паренька. — Сильно обгорел. Но я могу, могу хотя бы попробовать...

— Сдохнуть? — Радд разошелся всерьез. Его обычно безличная злоба обрела объект. Он пошевелил пальцами с вытянутыми когтями и поманил Воллмера к себе: — Не волнуйся, надежно и гарантировано. Хоть сейчас доставлю себе такое удовольствие.

— Не ты, говна кусок. — Обгрызенный рот Воллмера скривился в омерзении. — Дрейк.

— Ах, ты сейчас так задел мои чувства. — Радд приложил к сердцу руку с пародией на расстройство, и узкие зрачки в его желтых глазах обнулились от ярости: — Что, братишка, исполнишь суицидальное желание убогого? А то меня, признаюсь, переполняет небывалый энтузиазм.

Воллмер плюнул на землю:

— Я лучше сортир буду языком чистить, чем позволю такой твари, как ты, наложить на меня лапы.

— Эй, полегче, — нахмурился Дрейк. — Он мой брат, помнишь?

Воллмер не ответил, но посмотрел ему в глаза.

— Сделаешь это? — Его шепот был невесом, как пепел. — Не хочу от пули...

Дрейк неопределенно качнул подбородком.

— А умереть хочешь?

— Не знаю. Наверное. — Воллмер криво улыбнулся, желваки вздулись на его напряженной челюсти. — Не в этом дело.

— А в чем?

— Может быть, это что-то искупит, — ответил Воллмер. Он снова провалился в себя: — Такой молодой... Он еще найдет, зачем жить...

Дрейк провел по человеку оценивающим взглядом. Он узнал запах, который иногда чувствовал от самого себя и, наконец, понял, что это такое. Вина.

— Ладно, — сказал он. — Пусть будет так, как ты хочешь. Встанешь?

— Нет. — Воллмер пошарил по телу мальчишки рукой, и под его пальцами отслаивалась кожа. Распластал ладонь на груди рядом с почерневшим солдатским жетоном: — Я должен дотрагиваться до него.

— Скажешь что-нибудь?

— Последние слова? — С обгрызенных губ свалился на мертвую землю смешок, за пустотой прозрачных глаз звенел плач или крик: — Все уже сказал. Давай...

Тело покачнулось от удара и обвалилось, но Дрейк, вытащив когти из яремной вены Воллмера, подхватил его и осторожно уложил рядом с обгоревшим трупом, стараясь на всякий случай сохранять между ними контакт.

Помедлив, опустил ему веки, надеясь, что Воллмер теперь будет смотреть на что-то еще, кроме бесконечности своего личного ада.

Он вытер кровь о дырявые отрепья штанов и стал ждать.

Где-то минуту ничего не происходило.

— Ясенько, — сказал Радд. — Пожалуй, я пойду. А ты, если хочешь, оставайся со своими лучшими друзьями — жмуром номер один и жмуром номер два. Проголодаешься, один поджаренный у тебя есть.

— Вот как, — спокойно произнес Дрейк. — Пойдешь, значит?

— Ну, раз уж тебе так тяжело расставаться с мясом...

— Я скорее расстанусь с тобой.

— Вот как, — повторил за ним Радд. — Очень мило, братишка, очень мило.

— Поскольку ты действительно дерьма кусок.

— Только сейчас так решил?

— Уже некоторое время приходит в голову.

Желтые глаза превратились в две узкие щели злобы, и позвоночник выгнулся для прыжка. Все острые углы заточились, мускулы напряглись. В горле забурился рык, смявший человеческую речь в монолитный грохот:

— Неблагодарная тварь! И это после всего, что я для тебя...

И тут Радд ошеломленно поперхнулся.

По запорошенным пеплом темным волосам Воллмера, будто иней по стеклу, расплзалась седина, и через несколько мгновений побелели все его пряди, а не только одна, как было до этого. Кожа окончательно посерела и натянулась на костях, превратившись в сковавший тело жесткий цементный саван. В нем не осталось никаких красок, напоминающих о жизни.

Шон Эллисон слабо застонал.

Никаких внешних чудес с ним не произошло — обгорелая корка не исчезла, не залаталось мясо, не стерлась кровь. Исторгнув стон, запекшиеся створки губ больше не двигались. Но он определенно был жив.

«Сработало», — подумал Дрейк с ощущением, похожим на радость.

Он склонился над парнем, колеблясь между двух решений. Попытаться его разбудить и заставить говорить или нет? Любой медик знает: пока человек ворочает языком — дышит. Но если придет в себя, может опять помереть от болевого шока. Пусть лучше остается без сознания, больше шансов, что дотянет до базы.

Большая тень нависла над ними.

— Впечатляющее шоу. Воллмеру надо было в цирке выступать.

— Смотрю, ты недалеко ушел, — сказал Дрейк.

— Ты мой брат.

— Вдруг вспомнил об этом?

— Заткнись.

Даже если Радд был настоящим зверем, зверям нужна стая.

— Я медленно пойду, — предупредил Дрейк.

— Понял уже.

Яростный порыв схлынул, и Дрейку не хотелось думать о том, что будет, когда эти периоды относительного затишья в душе его брата сократятся сильнее и, возможно, однажды совсем исчезнут.

Указав на Шона Эллисона, он спросил Радда без насмешки:

— Ты, правда, видишь тут только мясо?

— Я вижу тебя, — глухо ответил ему брат. — Как ты валялся тогда на полу, в крови и в ошметках своей шкуры. Я думал, ты умер. Никогда не забуду и никогда не прощу тех, из-за кого ты это сделал.

— Пацана в то время даже в проекте не было.

— Какая разница? — Радд пожал мощными плечами. — Все люди нас боятся и ненавидят. Или смотрят, как на пустое место. Только в резервации не загоняют, да и то потому, что толпой собирать не хотят, опять же — боятся. И не сомневайся, они готовы нас уничтожить при любом удобном случае.

— Они и друг друга неплохо уничтожают, — хмыкнул Дрейк. — Скоро путаться начну, какая по счету война.

Помолчали.

У спаленных джунглей тоже отнялся язык — вся живность сгорела в напалме.

Радд принялся, скривившись от бензинного духа.

— Из-за этого дерьма ничего не учуять. Тут, конечно, весело и все такое, но как же во Вьетнаме погано воняет... Ладно, пора к вертушке двигать, пока гуки не набежали. Давай, не копайся, — резко поторопил он Дрейка, — я тебя жду.

Небо тяжело заворчалось, и начался дождь. Мелкие капли застучали по черной земле, прибывая к ней хлопья пепла, заблестели на горелых стволах и сучьях, покатались по коже и шкурам, теплые, как свежая кровь.

Дрейк сорвал с шеи Воллмера жетон и сунул в карман. Взглянул в последний раз на серое тело и сплющенное смертью лицо.

— Может, эта война будет последней, — пробормотал он, но сам себе не поверил.

Потом взвалил на спину Шона Эллисона и пошел вперед.

Об авторе

Родилась в 1975 году в Москве. Училась на юридическом факультете МГУ. Профессиональный журналист, писатель, литературный редактор. Журнальные статьи пишет о культуре и кино. Прозу пишет с 2008 года. Рассказы и повести публиковались в журналах: «Полдень. XXI век» Бориса Стругацкого, возрожденный «Полдень», «Млечный путь», «Уральский следопыт», «Эдита» и Cosmopolitan. В 2016 году опубликован сборник рассказов и повестей «Реальные сказки», номинированный на две литературные премии: «Новая Слоvesность» (НОС) и «Интерпресскон». Журнал «Мир фантастики» назвал книгу в числе лучших авторских сборников года. В 2018 году вышел второй сборник «Сказки о смерти», также названный «Миром фантастики» среди лучших фантастических книг года.

Сергей Бугримов

Все на площадь!

Липиус Зоряный очнулся от волшебных сновидений, навеянных самовнушением в концентрации с психосоматической таблеткой, сладко потянулся, и уселся на кровати, спустив ноги на холодный деревянный пол. Через мгновение его сознание уже ясно представляло, в какой реальности находится и какое задание стоит на повестке дня; этого дня, или одного из ближайших — покажет время.

Вот уже неделю, по местному исчислению, Липиус Зоряный маялся в этой гостинице... в этом городе... в этом мире...

С улицы доносилось повышенное оживление. Он подбежал к крохотному окошку, забыв даже впрыгнуть в старенькие стоптанные тапочки, послужившие за свой век не одному десятку клиентов, и вперился взглядом в мутное засаленное стекло. Качество видимого оставляло желать лучшего, и Липиус не менее засаленным рукавом протер кусочек окошка (иметь чистый опрятный вид в данном обществе представлялось делом подозрительным, а потому рискованным; могли принять за шпиона, или того хуже — за проповедника). В открывшемся сквозь протертое стекло обзоре Липиус Зоряный наблюдал за массовым движением граждан в строго определенном направлении. Скрип двери заставил его оторваться от окошка и оглянуться. Несколько смущенное выражение на лице хозяйки, застигнувшей клиента, в полусогнутом положении пытающегося разглядеть, что творится на улице, и при этом пританцовывающего босиком на холодном полу, на пару секунд застыло, подчеркивая удивление слегка приподнятыми бровями, после чего, как ни в чем не бывало, добродушный мелодичный женский голос вопросительно пропел, хорошо ли отдохнул господин и не желает ли он чего-либо? В ответ Липиус поинтересовался, кивнув на окошко, куда направляются все эти люди? Оказалось, что все они спешат на городскую площадь, где сегодня состоится казнь. Будет обезглавлен опасный преступник, посмевавшийся пробраться в королевский сад и осквернить посредством справления малой нужды священный дуб, символ могущества и мудрости местного правителя.

Внешне Липиус остался совершенно спокоен, услышав сие известие, и лишь равнодушно пожал плечами, однако внутри он весь возликовал, ведь именно этого события он с таким нетерпением дожидался.

Хозяйка продолжала взахлёб тараторить по поводу предстоящего мероприятия, расписывая, какое это феерическое зрелище, и что она никоим

образом не пропустит его, пока Липиус не прервал романтические излияния женщины и не попросил принести ему завтрак.

Хозяйка чуть-чуть надула губки, как бы намекая, что не совсем понимает отсутствие интереса со стороны молодого человека к столь значимому действию, коим является сегодняшняя казнь, однако не слишком акцентируя на этом, потому как перед ней находился не кто-нибудь, а клиент — потенциал доходов, и пошла выполнять заказ.

Липиус с огромным аппетитом принялся уплетать всё, что ему подали на завтрак, что само по себе уже говорило о моральном и духовном подъеме; раньше он просто-таки заставлял себя есть всю эту чересчур жирную, чересчур тяжелую, чересчур вредную для его организма пищу, и если бы не конкретная подготовка в этом плане перед забросом сюда, то наверняка он давно бы уже загнулся.

Покончив с трапезой, Зоряный облачился в одеяние среднезажиточного господина, к которому успел уже порядком привыкнуть, и вышел на улицу. Слился с толпой, и она понесла его к городской площади, куда непрерывным потоком стекались горожане со всех закоулков. Прислушиваясь к жужжащим вокруг разговорам, Липиус лишь удивлялся: практически каждый жалел приговоренного, и в то же время с вожделием предвкушал яркое наслаждение от данного зрелища.

Предрасветный полумрак, струившийся через крохотное зарешеченное оконце под потолком, вальяжно разгуливал по сырым стенам тюремной камеры, медленно, но уверенно приобретая все более четкие зрительные образы, вступая в права нового зарождающегося дня.

Перикл дрожащей рукой открыл маленькую жестяную баночку, взял на палец немножко густого бесцветного крема и осторожно принялся намазывать им свою шею. Крем быстро впитывался в кожу, оставляя лишь еле ощутимый приятный цветочный запах.

Баночка опустела, и Перикл спрятал ее в одном из потайных карманов. Теперь осталось только ждать. Он сидел, уставившись в одну точку немигающим взглядом, в то время как мысли в его голове хаотически метались в полном беспорядке.

Испробовать на себе свое гениальное изобретение молодой ученый решил, практически не задумываясь. Да и разве могло быть иначе?! Вопрос стоял только в том, как это сделать. Ассистента у него не было, а в одиночку произвести задуманный опыт представлялось делом очень даже рискованным. Однако рассусоливать было нечего, и спустя несколько дней приспособление для эксперимента стояло готовым, дожидаясь назначенного часа.

Перикл устроился поудобнее, сунул голову в предназначенное для этого отверстие, нащупал кнопку, и собрался было уже нажать ее, при этом крепко зажмурившись, но вдруг высвободился из объятий приспособления, встал, и на какое-то мгновение застыл в нерешительности. Впрочем, понятие «застыл» не совсем подходило в данном случае. Его трясло, как в лихорадке; уж слишком существенным было нервное напряжение. Он решил пройтись, подышать ночным прохладным воздухом и успокоиться.

Пребывая в полной прострации, Перикл неторопливо прогуливался по пустым городским улочкам.

Почувствовав желание организма слегка опорожниться, ученый в срочном порядке стал искать подходящее место. Будучи чрезмерно воспитанным, Перикл не мог позволить себе сие действие на людях, даже если эти люди в данный момент спят без задних ног и на улице ни души. Перемахнув через первую попавшуюся ограду, Перикл очутился в каких-то зарослях, где с удовольствием и сделал свое дело. Тут-то охрана и застала его на месте преступления. В чем заключалось преступление, и чья охрана нарисовалась неожиданно-негаданно, об этом уже упоминалось несколько выше.

Приговор был вынесен однозначный, окончательный, и обжалованию не подлежал.

Можно было сказать, что судебное заседание прошло в обычной стандартной атмосфере, если бы не один маленький нюанс: как правило, осужденный, в зависимости от жесткости приговора, после его оглашения впадает в ту или иную степень истерики, здесь же присутствующие в зале были, мягко говоря, несколько шокированы. Осужденный, выслушав вердикт присяжных, повел себя более чем странно. Он с благодушной улыбкой на устах сердечно поблагодарил всех присутствующих, категорически отверг предложение адвоката подавать какую бы то ни было апелляцию, и вообще, выглядел не в тему счастливым, будто бы его оправдали и отпустили на все четыре стороны.

Лязг засова оторвал Перикла от размышлений, возвратив его сознание в камеру смертников. Дверь со скрипом отворилась, и на пороге появился священник в сопровождении двух стражников. Пробубнив короткую молитву, служитель церкви удалился восвояси; свою обязанность он совершил скорее с видом обреченной вынужденности, чем как духовный утешитель. Возможно, его сбило с толку, а может даже и в некотором роде оскорбило то, что осужденный, вопреки всякой логике, пребывал в прекрасном расположении духа, и даже насвистывал какую-то веселую мелодию, пока тот усиленно старался привлечь к своей особе хоть какое-то внимание со стороны заблудшего грешника. Перикл не то, что бы полностью игнорировал духовное лицо, он просто всем своим видом дал понять, что совершенно не нуждается в услугах священника; и на прощание бросил тому короткую реплику, мол: негоже прощаться с жизнью, когда та только начинается.

После того, как священнослужитель покинул камеру, один из стражников довел до сведения осужденному, что, как это ни прискорбно, однако, пора.

Площадь была до отказа забита зрителями, как сочувствующими внешне, но ликующими внутри, так и просто ликующими, не скрывающими своего природного цинизма.

Монотонный гул толпы разрядился взрывом эмоций, когда появился Перикл, ведомый стражниками, несколько смущенный таким количеством собравшихся, и в то же время возбужденный тем обстоятельством, что триумф науки, его триумф, смогут засвидетельствовать столько зрителей.

Глашатай, больше смахивающий на скомороха, развернул папирус и во всеуслышание огласил приговор. Затем обратился к Периклу, не желает ли тот напоследок что-нибудь сказать? Виновник сего массового собрания если и имел желание выступить с речью, то вид палача с огромным топором в руках, спокойно ожидающего, пока очередной его клиент не покончит со всеми делами в этой своей жизни и не соизволит принять соответствующее положение для экзекуции, а точнее, для обезглавливания, напрочь охладило его от этого. Вновь, как и в прошлый раз, в самый последний момент перед решающим шагом Перикла охватила паническая дрожь. На какое-то мгновение он застыл в нерешительности; ноги будто налились свинцом. Глашатай, видя, что осужденный не собирается что-либо говорить, в темпе ретировался с помоста, дабы не задерживать ожидаемое с таким нетерпением действие.

Стражник подошел к подопечному и слегка подтолкнул его, побуждая поторапливаться. Перикл приблизился к означенному месту, бросил рассеянный взгляд на притихшую толпу, глубоко вдохнул, собрался с духом, опустил на колени и положил голову на деревянную колоду. Над площадью воцарилась абсолютная тишина. Лезвие топора сверкнуло в лучах восходящего солнца, на долю секунды зависло в воздухе, а затем резко понеслось вниз. Вся площадь взорвалась оглушительным возгласом... Отрубленная голова упала на помост, несколько раз перекатилась, с глухим звуком скатилась по ступенькам, и остановилась у ног средних лет домохозяйки с полуторагодовалым ребенком на руках. Стеклообразные серые глаза Перикла смотрели в чистое голубое небо. Женщина вскрикнула и в обморочном состоянии повалилась на землю. Кто-то успел подхватить у нее ребенка, а кто-то занялся приведением ее в чувство.

Обезглавленное тело Перикла продолжало дергаться в конвульсиях, извергая фонтаны крови. Наконец конвульсии прекратились, кровавые фонтаны иссякли, и можно было считать, что представление окончено. Однако, не тут-то было! Первой жертвой шока стал палач. Он в ужасе отпрянул назад, выронил топор, и, не найдя опоры для ноги, полетел с помоста в толпу. Сначала никто особо не обратил внимания на сей казус, разве только по площади пронесся раскатистый смех, но спустя мгновение другое все взоры в полном онемении устали на только что казненного. Тот стоял во весь свой рост. Да, именно во весь рост, то бишь с головой, живой и здоровый. На иссиня-бледном лице начал проступать румянец.

Липиус Зоряный отдал ребенка почти уже пришедшей в себя женщине (ибо это как раз он и был тем, кто успел подхватить младенца, когда та падала), как бы между прочим оглянулся вокруг и, пользуясь всеобщим недоумением толпы, раскрывшей рот от увиденного на помосте, быстро подобрал валявшуюся рядом отрубленную голову и завернул ее в приготовленную для этого тряпку. Затем, стараясь не привлекать к себе внимание, что, впрочем, не составило особого труда, он покинул площадь, унося с собой то, ради чего, собственно, ему и пришлось прибыть в этот мир.

Возвратившись в гостиничный номер, Липиус Зоряный развернул на столе принесенный сверток, выудил из кармана крохотный титановый шарик и положил рядом. Слегка надавил на шарик пальцем, тот сканиро-

вал его отпечаток и тут же преобразился в небольшой компактный чемоданчик. Липиус поднял крышку, и чемоданчик замигал множеством разноцветных огоньков. Каждый огонек представлял собой что-то вроде кнопки. Липиус набрал необходимую комбинацию, и когда прозвучал мелодический мягкий сигнал, поместил в чемоданчик голову Перикла. Датчики провели полный анализ мозга, заблокировали естественный разрушающий процесс, восстановили то, что уже успело разрушиться, после чего микропроцессор телепатически информировал Липиуса, что мозг клиента в абсолютном порядке, и что все ячейки памяти в целости и сохранности; а стало быть, изобретение гениального ученого готово перебраться в более цивилизованный мир и послужить более достойному обществу.

Липиус набрал очередную комбинацию, закрыл чемоданчик, и через мгновение вместе с ним бесследно исчез. Командировка успешно завершилась.

Перикл удивленным взором окинул находящуюся вокруг него толпу, совершенно не понимая, что это за люди и почему они уставились на него в немом изумлении. Он так же не в состоянии был припомнить, как попал сюда, и вообще, что здесь делает. Мало того, он понятия не имел, кто он сам, собственно, такой; впрочем, в данный момент это его не особенно-то и волновало. Сознание его было насыщено каким-то огромным необъятным чувством счастья. Именно чувством, а не счастьем, как таковым. Негативные воспоминания отсутствовали напрочь в той же мере, что и положительные. Не было ни тех, ни других. Мозг начинал свой путь с чистого листа.

Перикл спустился с помоста и медленно направился в толпу. Та, продолжая пребывать в состоянии шока, молча расступалась перед ним по мере того, как он в нее углублялся.

Покинув площадь, Перикл побрел по безлюдным кривым улочкам, двигаясь без какой-либо определенной цели, просто куда глаза глядят. А глаза его глядели всюю! Ведь они заново открывали весь этот мир.

Выйдя за городские ворота, он с искренним восторгом, на который, как правило, способны лишь дети, воскликнул что-то невразумительное, вдыхая полной грудью пьянящий ароматный воздух. Раскинувшиеся вокруг бескрайние просторы поражали своим величием, вдохновляли своей неопикуемой красотой и манили его в свои объятия. И он в ответ раскрыл просторам свои объятия и побежал, сливаясь с природой в единое целое, чистое и непорочное.

Об авторе

Родился в Киеве в 1964 году. Служил в военном оркестре. Занимался шоу-бизнесом. Сейчас работает в сфере книжной продукции. Издавался в журналах: «Знание-сила», «Шалтай-болтай», «Очевидное и невероятное», «Техника молодежи», «Супер триллер». Вышли в свет следующие книги: «Вальс под дождем». «Слезы ангелов», «Мой любимый прокурор», «Добро пожаловать на Землю!», «Фархандор», «Концепция жизни доктора Барри».

Вадим Ларин

Джек Тибби и его Атлантида

повесть

*Сюжет и герои рассказа вымышлены,
все возможные совпадения с реальными
действующими лицами и событиями
отвечают идее рассказа.*

Часть I Самая скучная

Я — не писатель. Но теперь я пишу, наверное, свой первый и последний рассказ в жизни. Как жаль, если он будет хорош! Меня зовут Джек Тибби, мне скоро стукнет 60. Теперь, стоя на берегу Великого океана, я вспоминаю себя — мальчишку, конечно, такого же, как наш Том Сойер, этот знакомый образ американского пацана, выросшего в не очень богатом квартале, в серой кепке букле и таком же куцем пальтишке. Тот, кто живет на берегу океана, мечтает о морских странствиях, как мечтал и я. Почему пришла пора сказать об этом? Просто пришла, как накатывает волна на каменистый берег и шуршит, шуршит и шуршит галькой. И если ты стоишь далеко, тебе хочется подойти поближе, чтобы разобрать этот шепот, этот недремлющий зов лазоревой дали и бездонных глубин, расставаний, встреч и губительных или счастливых тайн.

Ползет, подобно буксиру, 39-й год нашего, не очень уютного XX века. Он тащит за собой корабль нашей истории, с ее победами, поражениями, радостями и горестями, встречами и расставаниями. Мысли мои скачут, когда я пишу эти строки, точно обломок старого весла на мелкой волне, и я не знаю, с чего начать... Это было время, когда еще не утонул бедный «Титаник» и когда я мог стать отважным моряком, и в конце концов стал-таки. Однако трудно мне досталась тельняшка, боялся я, что не стану ни матросом, ни капитаном, потому как довелось таскать сумку почтальона.

Но начну я вот с чего, я скажу о том, как море плюнуло в лицо Тиму Морстону. Вы знаете, он подошел к морю, волна шлепнула по камню и плюнула ему в просоленную и заржавленную солнцем физиономию. А Тим Морстон, меж тем, был старым капитаном, таким, каких рисуют всегда на картинках, в старом поношенном черном бушлате и черной мятой фуражке с крабом над козырьком.

— Что ты крутишься тут. — Он отер лицо заскорузлой пятерней. — Читал бы букварь или пел бы в церковном хоре. Денек-то сегодня, выгнулся

и шипит, точно кот на баке... Штормит! Давай ка, тикай в свою адмиральскую каюту!

Наверное, с ним не случалось такого никогда, и я нечаянно стал свидетелем этого позора, бегая как-то по берегу и собирая диковинные камни. Совсем немного времени понадобилось мне, чтобы понять, почему это произошло. А произошло это потому, что Тим Морстон был капитаном шхуны «Гроза морей», потрепанной в штормах и доживавшей свой век вблизи берегов, в каботажных рейсах. В один злополучный день у шхуны заклинило руль, и она протаранила корабль, носивший имя «Циклоп». Хотя слово корабль, это уж будет слишком для такой посуды. Однако это тоже было старинное, водолазное судно, какие носят одинаковое название по всему миру. Или, может быть, это одно и то же судно? Вот это — вопрос из вопросов, на который за всю жизнь я так и не нашел ответа. «Циклоп», не долго думая, пошел ко дну, хотя бы и был водолазным судном, или, того гляди, как раз по этой причине. По счастью никто из его команды, включая и капитана Дика Раскина, не погиб. Все знали, что Дик вбухал все свои деньги в это предприятие, но очутился вдруг на суше, будто бы рыба, выброшенная на берег. Вот за это море и плюнуло в лицо Тиму, другого объяснения я не нахожу.

Итак, мы втроем, пока речь зашла только о нас, живем, вернее жили тогда в городке Кейп Мэй. В самом что ни на есть океанском месте, где сушу глубоко прорезает залив и река Делавэр, куда заходят и откуда уходят в мировые плавания корабли разных стран. Жизнь тогда заставила Дика заняться торговлей курами, яйцами и прочей не слишком крупной беспокойной живностью, он развозил их по магазинам на маленькой телеге, которую, подобно буксиру, тянула лошадка Пинни. Все они беспорядочно орала и разбрасывали вокруг пух и перья, словно пар из чайника. Не в лошадке, конечно же, было дело этой истории, но она тоже приняла в нем свое участие, потому что Дик возил в корзинке, набитой когда соломой, когда стружками с лесопилки, заодно с другой снедью и гусиные яйца тоже. Случалось, разобьется одно, другое яйцо, так и однажды яйцо расколосось, и Дик, к своему громадному удивлению, нашел в битой скорлупе и яичной жиже золотую монету. Я мог бы сказать, что он нашел ее в своей яичнице, но тогда я погрешил бы против истины. Господи, спасибо! О, это была необычайная монета! На ней была изображена голова какого-то царя, вокруг которой светилась надпись на неведомом языке, а на реверсе высилась пирамида, подобная египетским. Черт его знает, что тащат эти птицы в клюв, должно быть, гусыня проглотила монету, снесла яйцо, а потом отправилась на угощение морякам в таверну или на домашний стол тетушке Мэгги, о том мы не узнаем уже никогда.

Несмотря на убогость нашего существования, семья наша была приличной, главное — у нас хватало книг. Особенным достоянием была книга Игнасиуса Донелли «Атлантида. Мир до потопа»... И почему же я, сидя стуле, т.е. на этой самой книге, чтобы достать до тарелки, и помечтать не мог, как стать моряком? Однако отец-то ведь погиб в море, когда мне стукнул всего один год. Понятное дело, что означала бы моя героическая гибель в битве с кашалотом. Но эта самая загадочная из самых загадочных земель мира, лежащая на дне океана, была где-то рядом и принесла нам

вдруг свое свидетельство, шепнув о том, что она — не выдумка, что океан хранит невообразимо несметные богатства.

Жизнь обычных людей текла мерно, не быстрее, чем один год следует за другим. Эта история началась, когда мне исполнилось уже десять лет, и наступил 1892 г., и книга вышла в свет как раз десять лет тому назад. И, хотя отец сгинул в пучине, служил он обычным коком, а не рулевым и не водолазом. Я уж не говорю о военных моряхах, которыми усеяна вся грубь морская. Эту книгу, нужно думать, читал не он один, а посему по городу поползли всякие слухи, и кто-то начал всерьез думать о том, чтобы отправиться на поиски целого, затонувшего десять тысяч лет назад, континента. А что тут удивляться, когда шестью годами раньше окончил свой великий поход по мировым океанским просторам паровой корвет «Челленджер»? Можно сказать, что он трижды обошел Земной шар по экватору! Каких только открытий он не привез! Он стал гордостью нашей страны на века.

Как видите, так уж получилось, что Дик нашел монету, когда мне уже исполнилось десять лет. Мама, мою маму зовут Полли Тоби, готовила рыбу, а мои карманы были набиты ирисками. Я знал, что они знали друг друга — Дик, Тим и мой отец Том. Дик и Тим, случалось, заходили к нам. Вот почему все читали эту книгу. И так, гусыня пообещала целое богатство Дику, который смекнул, что пора сниматься с якоря. Однако его «Циклоп» обрастал водорослями на дне, а у Дика не было денег, чтобы поднять его. Но в его телеге среди корзинок всегда лежала книга «Труженики моря» Виктора Гюго... Суд постановил, что у «Грозы морей» на самом деле сломался руль, а страховка была слишком малой для Нептуна выручкой, чтобы он отдал Дику хотя бы водолазные скафандры. Да... они были похожи на древних рыцарей! И я тысячи раз представлял себе, как иду по дну моря в таком скафандре и нахожу развалины галиона и сундуки с драгоценностями. Что там говорить, мне казалось, что эти железные люди могли двигаться даже сами по себе, верно силой одной фантазии.

И все же Дику повезло. У наших берегов никто и никогда не находил затонувших кладов. Вы понимаете, к чему я клоню... И поэтому некоторые, послушав да послушав сказку об Атлантиде, собрались решить разом это дело. Ведь такое случается раз в жизни. Том, продав-таки свою «Грозу», и кое-кто еще помогли собрать Дику денег, к которым он добавил весь свой торговый капитал. Ох, как воссиял он, словно царь на монете! Но на сборы потребовалась куча времени. Наступил 1896 год, и скафандр должен бы стать мне в самую пору. Как мне хотелось попасть на борт «Циклопа», о том ведал лишь Господь. Корабль отремонтировали, он засиял медью и зазеленел своей бронзовой рындой, как именинник. А кругом кричали чайки, души живых и погибших моряков, и им только не хватало в клювах писем с обратными адресами.

*Уходит корабль в поход,
Кто знает, что он обретет?
О том знает один только Бог.
Вернется ли он домой,
Ведомый попутной волной,*

*Иль в бездне найдет покой?
Не знаю и я о том,
Моряк по имени Том,
Но мы Атлантиду найдем!*

Вот такое стихотворение написал мой отец изнутри обложки книги Донелли. То было ужасное место... там, где искали Атлантиду. Такая молва ходила тогда по всему западному побережью и возле Кубы. Что-то вроде «Великого пожирателя морей» — мелей Гудвина в Ламанше. Вот так то!

Мама прятала от меня книгу из-за стихотворения, ведь получалось, что отец напророчил себе погибель. Но все-таки однажды Господь послал мне эту книгу. Она упала мне на голову именно в тот срок, когда я выучился читать и писать, и гонял босиком по всему городку, разнося письма и газеты. Если бы я нашел книгу раньше, то ничего бы все равно не уразумел, а тут в корявое дерево возле нашего дома вдарил молния! Дерево сгорело и из него выпала эта большущая книга. Да, должно стать, это скворец-забияка жил в том дупле, где она хранилась до того самого рокового дня... Но как она оказалась там? Конечно, это Дик спрятал ее, догадался я. И начал все сильнее и сильнее мечтать забраться на «Марс». Воистину, это было провидение. Кто помог мне? Изю дня в день я принялся досажать маме своим, разреши, разреши мне отправиться в плавание! Она тоже прочла книгу и, думаю, не считала «Циклоп» ковчегом или ящиком Девкалиона. Ее «виноградная лоза» оборвалась с гибелью отца, и городской маяк беспомощно светил в море уже много лет.

Вопрос о том, где же живет Бог, занимает нас всех. Если для матроса Бог — это капитан, то для капитана — это всецело адмирал, а кто же тогда — для адмирала? Но я еще не был матросом, и Бог предстал передо мной в ее лице каждый день. И никто, кроме мамы, не мог запретить мне уйти искать отца, даже сам Бог. Так я оставался и оставался почтальоном, доставляя известия Дику на «Циклоп», прикованный терпением к берегу крепче, чем волосятым манильским канатом. Упрямец Дик вымачивал якоря.

Вы, конечно, думаете, что Тим пошел на «Циклоп» старпомом? Нет. И было очень жаль, когда он отвалил в Нью-Йорк. О... там теперь на 400 метров с гаком высится Эмпайр-стейт-билдинг! Я говорю об этом великане, потому что он на целую половину возвышался бы над морем, если бы стоял там, где покоится Атлантида. Не знаю, почему Тим не пошел с нами. Но на прощанье он надел мне на голову свою выдавшую виды фуражку, которую я ношу и по сию пору. Думаю, он догадывался, что старина Джэк пойдет в бездну не в фуражке, а в тяжелом шлеме и доспехах. Теперь изобрели такие, что облаченный в них водолаз может покорить и 350 метров глубины. А тогда под нами было лишь только 200. Но я немного опередил события... Здесь дозволительно, а при возвращении из глубин морских — даже очень и очень губительно.

Вы уже увидели, что я — совсем не писатель, подобно тому, как кактус в Техасе не может шелестеть листвой, словно клен нашего края, самого воздушного уголка на Земле. То есть я хочу сказать, что, прочитав Джека Лондона и Марка Твена, мог бы научиться писать гораздо лучше. Но все же

это — мой первый рассказ. Когда нужно скоротать время, вы всегда берете в дорогу книгу. Не так ли, друзья? И я тогда положил в свой рундук аж целых три, вы уже догадались, какие... Другая была умещавшаяся в карман Библия. А третья? Есть такая детская шутка:

Give one! Go down!

Give two. On seabed you!

Но что-то я упустил в этом рассказе... Ах, да. Обмолвлюсь парой, тройкой слов. Какое это имеет значение, судите сами. Кажется, мы не слишком задумываемся над такими вещами в силу своей неумемной практичности. Не улыбайтесь! Даже в море американец найдет, где заработать цент. Другое дело русский, это я к тому, что есть во мне капля русской крови, которая циркулирует по всем венам и не дает покоя то по ночам, то светлым днем. Был какой-то родственник у нас, вроде, перебравшийся в наши места из Форта-Росс. Построили эту крепость русские в начале того еще века. Так вот, мой предок как будто примыкал там к революционерам, в России, полной деспотизма и тирании, и дерзнул участвовать в большом бунте в начале века. А уж потом перебрался, значит, убежал от царя и полиции к нам. Но больше всего меня поразила его фраза, доставшаяся от бабки. Сказал он будто: «Мы — русские всегда готовы положить жизни за други своя и за Отечество... А посему наши вечные герои встают монументами на площадях своих имен». Так-то вот. И я не знаю, как всегда, что с этим делать. Хотя и я, вроде, писателем был бы не прочь сделаться. Вот у нас в семье не было ковбоев, а они и есть соль нашей земли. И от того я не стал ковбоем, а стал почтальоном и моряком, и говорят, у русских флот в почете, может, и поэтому.

Но так или этак, а Дик собрался в путь, и не понятно было, откуда он знает, куда плыть. Буревестник или фрегат ему сообщил, или бутылку — «Мертвую морячку»* с запиской он выловил в море. А вышло все просто, у Дика были друзья, те, что шепнули ему по секрету, где искать Атлантиду. Какой-то приятель с «Челленджера». Неужто наш славный фрегат, сделав несчетное число промеров глубин, обнаружил ее, подумал я. Это, само собой, было государственным секретом, не более. И как тут было не догадаться про богатства, которые она таит? Охотников до золота у нас — пруд пруди, еще с Клондайка не перевелись! И потому скажу, если вы думаете, что своим несметным чудесным богатством Америка обязана золоту Атлантиды, то ничуть не ошибетесь!

Что мы найдем под водой, то ведал один Бог, то доставалось нашему воображению. Как и собственная погибель. Но я спросил себя тогда, что мы обретем на дне морском, плененную зелеными водорослями белую мраморную статую или какой-нибудь диковинный бронзовый измерительный прибор, странное чудо человеческой мысли? Да, совсем не это самое золото! Ведь каждый удар скульптора о мрамор, каждый из тысяч и тысяч ударов, родивших «Давида», был ударом гения, каждый его удар.

* «Dead marine» - пустая бутылка (морск. сленг)

Часть 2 Самая глупая

Вы удивитесь, но в нашем тихом, самом приветливом городке жил индеец Джо. Быть может, он сменил имя, когда выбрался из пещеры, однакостряпня его была самой-самой вкусной, тортильи были просто пальчики оближешь. Он очень напоминал собой кактус, своей торчащей щетиной, и весь был такой весь иссохший и довольно мрачный тип. А иногда и веселый, когда я приносил ему письмо, что, мол, в Мексике все отлично, что, мол, немало воды утекло с тех пор, как основные перипетии политической борьбы вокруг принятия республиканской конституции 1824 года выявили глубокий раскол в высшем эшелоне мексиканского общества, размежевание наиболее активных его сегментов на консерваторов и либералов. Да, хорошо сказал кто-то. Однако он, должно быть, сильно грустил, потому что в 1845 году Штаты, как тому стало быть, прихватили себе Техас, и в отместку за это мексиканцы разорвали с нами дипломатические отношения. В 1846 году началась двухлетняя война с Мексикой, которая была просто слабаком и потому потерпела поражение, и все ее кактусы перекочевали вдруг к нам... Вот черт, может, они умеют ходить?!

Так или этак, но мне перепали иной раз эти вкуснейшие тортильи. Был прекрасный жаркий денек, когда у меня ни с того, ни с сего вдруг заныл зуб. И вот со страдальческой гримасой и весь в слезах я очутился на пороге дома Джо, настоящее имя которого было Педро. Видя такое дело, Педро звал меня в дом и усадил на старый стул, внизу похожий на корзину или покосившийся штaketник, а сверху разрисованный рисунками зеленых колючих кактусов. Что-то принес он, что-то таится у него в руке? — подумал я. Но он спросил, пробовал ли я когда вина — «Рома» или, скажем, «Виски»? Я не пробовал еще ни того, ни другого... Да и закусить я мог разве что губу от боли, так ныл зуб. — «На-ка, пожуй...» — Педро протянул мне какую-то синюю дольку. «А... о...», — такой горечи, такой полыни я еще не тасил в рот никогда. Но через минуту я стал забывать о зубе, глаза затуманились, и перед ними поплыли индеец Джо, открытое окно комнаты, какая-то лохматая собака, лай которой еле-еле доносился до меня, будто она говорила человеческим языком: «Не ныряй в воду гав, гав, за железным ящиком, гав, гав...!». Потом она потянула меня за штанину, я наклонился вперед, и меня вывернуло наизнанку, будто медузу. Завтрак — кукурузные хлопья и ириски — вылились на пол. ...Точно из тумана вынырнул хозяин. Он улыбнулся коричневыми зубами и воскликнул: «Ты видел, ты... ты видел духа?!» Зуб уже не болел, я засунул палец в рот и потрогал: «Неш... я не видел никакого духа, а видел только говорящую собаку!»

Ни за что не догадаетесь, что прошел целый час. «Ничего, парень, твоя собака и есть дух! Если он сказал что-то важное, постарайся не забыть. Бывает, и мудрецы превращаются в других существ». Напоследок он подарил мне свою синюю отраву. Он завернул кактус в бумажку на тот случай, если зуб даст себя знать снова. Потом я узнал, что есть такой кактус Пейот, который помогает индейцам разговаривать с духами. Он велел мне не пробовать это зелье часто, разве что, когда опять разболится зуб. Оказывается, их индейский шаман, случается, даже охотится на Пейота, будто на оленя,

и стреляет в него из лука! Другими словами, индейцы просто, просто кайфуют, как вот ковбой от сигары, а лоцман от трубки.

Мир в тот злополучный день расцвел для меня наподобие павлиньего хвоста. И даже наступивший вечер не сразу потушил яркие краски, которые обрела природа и сам наш городок. Чайки над морем в лучах заката стали розовыми, стоило закрыть глаза, как появились большущие синие капли воды, внутри которых качались разные буквы. Вот только прочесть, что буквы говорили, я не сумел. Кажется, там было мое имя. Это — все равно, как мы верим в Христа, так индейцы верят в Татевари — Великого Шамана этого кактуса. По совету Педро, я взял его и засушил.

А тем временем Дик готовился к походу. Нам предстояло пройти вдоль побережья тысячу, с большим гаком, морских миль. Это заняло бы от силы дней десять, не было бы ремонта. Но до него дело дошло после... Наш парусно-паровой «Циклоп» мог делать 8 узлов в час и глотать уголек в свой бункер почти по всему побережью. Будут ли шторма? Этого мы не знали. До сентября 1900 года оставалось еще четыре года. Тогда жестокий ураган обрушился на Галвестон. От стихии погибли тысячи человек. Наводнение погубило жену главы Галвестона и одного сотрудника метеослужбы с супругой. Кто знает, может, это Бог наказал нас за то, что мы отняли Техас у Мексики.

Наш капитан надеялся избежать шторма, Бюро погоды в те годы работало все лучше. Одного бюро не могло сказать, где искать золото. Найдем ли мы его вообще, думал каждый из нашей команды в 15 человек. Ах, если бы об этом сказала моя почта! Через год после того ужасного наводнения начальник бюро погоды Уиллис Мур сказал, что почтовый департамент начал доставлять гражданам вместе с почтой листки бумаги с ежедневными прогнозами, предупреждениями о заморозках и похолоданиях. Единственным недостатком этой системы было то, что почтальоны начинали свой обход около 7 часов утра, а прогноз на этот день издавался не ранее 10 часов утра, поэтому в разноску попадали прогнозы, составленные накануне вечером. Но я тогда уже не был почтальоном и не был в этом виноват.

Как не был виноват и в том, что мой русский предок был бунтовщик. Может даже это он мутил воду? Я тогда уже кумекал кой-чего... О, эта мрачная далекая и холодная Россия! Неужели погода не влияет на наши характеры? Какой-то деспот просыпался во мне иной раз, но не находил выхода. Это было похоже на кессонку, когда из-за быстрого подъема закипает кровь. Фамилия предка была Годяев, видно, от слова год. Он примыкал там к какому-то южному обществу бунтовщиков. И язык мой с годами все более становился мятежником. Это теперь полегчало, а то, бывало, морские соленые словечки сыпались, как рыбешка из ведра, которое ты случайно ногой опрокинул на палубу, когда она трепещится, точно язык сплетницы-веселушки.

Наша старая посуда была похожа на известный всякому «Сириус», только поменьше в два раза. Тот, что первым без парусов пересек Атлантику век тому назад. Но и его судьба была горькой, точно морская вода. В 1847 году он налетел в тумане на скалы в ирландском заливе Балликоттон и затонул. А, может статься, наш отважный, хлебнувший воды старик был даже сродни «Дюранде» Виктора Гюго. Так-то вот.

Меня не ждала моя Дерюшета, и я спокойно предавался учебе опасному водолазному делу. Узнавал страшные истории и воображал свою историю, удачную, будто попутный ветер. Минул год, как я стал учеником, он тянулся долго, но пролетел быстро, как петля каната, которую забрасывают на кнехт. Об этом можно сказать словами одного стихотворения:

*Я — якорь тяжкий чугунный,
Помазанный миром волн океанских,
На бреге тяжело лежал,
Их тяжкою ласкою счастлив,
Лишь тяжкий песок был ложем моим.
Должно быть, был царь океана взволнован,
Все выше и выше валы катил он сюда.
Когда-то корабль был хозяином мне,
Но зверь океанский его поглотил,
Гордыней великой смущенный,
И вот оказался я здесь, беспечный.
Но помню, как бездну морскую я покорял
И видел, что никто никогда не узрит.
Там каменный город в освещеньи
Мильонов медуз жив жизнь своею,
Атлантов он тайны хранит беззаветно,
Гирляндой кораллов красных украсил меня.
Но это ли чудо, коль птица,
Крылами взмахнув из бездны поднялась,
Чтоб небо морское пронзить.
Там в вышине, надо мной парила зорко она.
Но это ли чудо, когда ее глас из-под Солнца
Сказал мне, из золота плавлен,
Смотри же клеймо есть на лапе твоей,
Прочтящий его покорит все моря,
Лишь тайну одну никогда не узнает.
И, это сказав, птица словно перышко
Меня подняла к небесам
И в дальнюю даль унесла,
Чтоб тысячи обручальных колец
Отлить из тела моего и из тяжких
Об одиночестве дум вековых.*

Итак, мы отчалили в один прекрасный день, мечтая набить свои рундуки и карманы серебром и золотом инков. На дне моего рундучка лежали две путеводные книги, готовые превратиться в пиастры и дублоны. Третьей книгой был, само собой, «Остров сокровищ» Стивенсона. Я прочел его еще задолго до «Атлантиды», тогда из-под потертого переплета то и дело выпадал, мешая чтению, какой-то сложенный вчетверо пожелтевший листок бумаги, наверное, он служил закладкой, и я аккуратно задвигал его пальцем обратно. Я так и не удосужился развернуть его хотя бы просто из любопытства, вплоть до того, как отправился в это плавание.

Мысли мои витали в небе вместе с чайками, летали с ними наперегонки и просились быть записанными в тетрадку. Вот одна такая, диковинная, мысль. Все знают, сколь отважными были флибустьеры, атаковавшие испанские галеоны, топившие их и прятавшие золото повсюду вокруг на островах, куда устремлялся мой мысленный взгляд, будь то Тортуга или Ямайка... Однако ж, смекнул я, испанцы, верно, тоже были не такими уж простаками. Зачем везти все эти груды рубинов, изумрудов и монет для того, чтобы украсить Испанскую корону, когда можно причислить исчезновение сокровищ злым пиратам, а самим взять да и закопать их не хуже пиратов, до поры до времени?

Однако на дне покоятся не только клады. Что ни день на «Циклопе» бывалые водолазы травили эти свои жуткие истории. Вот вскоре после окончания Крымской войны, произошедшей в середине прошлого века в России, у развалин севастопольского форта «Павел» работал водолаз. На дне реки он обнаружил батарею полевой артиллерии. Скелеты людей и лошадей громоздились в виде огромных куч. Один скелет солдата в обрывках мундира все еще сидел на лошадином хребте, охваченном остатками сбруи, а его ноги стояли в стременах.

Мы прошли до заветного места без всяких приключений, шторма не случилось. Унылая морская рябь катилась навстречу носу корабля, словно морщины от тяжелых раздумий о смысле жизни на лбу древнего старика или пережившего вулканическое извержение страдальца. Я то драил палубу, то чистил рынду, то мыл посуду на камбузе, одним словом выполнял самые обычные скучные обязанности. Наша команда состояла из довольно-таки бывалых моряков. Особенно мне приглянулись верзила Стэн и коротышка Бак. Уж вы, конечно, представляете таких персонажей, которые совсем не в новинку для искушенного читателя. В городке такие парочки встретишь не часто, что же сказать об углу суденышке, откуда им взяться здесь, кроме как из воображения писателя? Особенным доброжелательством они не отличались, хотя на лицах обоих никогда не исчезала, одна на двоих, веселая улыбка и то пристальный, то упавший внутрь себя взгляд. Что они там разыскивали, внутри своих тел, я не знал.

Об этом я узнал однажды ночью, когда решил прочитать тот самый листок, хранившийся в книге. На палубе, возле мачты стояла бочка с яблоками, где и можно было скоротать время. Это была ночь яркой Луны, так что узнать содержимое листка я мог, как белым днем. Глянув внутрь бочки, я обнаружил, что от яблок осталось только одно, для чего мне пришлось забраться в бочку и не медля откусить довольно приличный кусок, пока другой рукой я силился достать из кармана брюк злополучную записку. Это никак не удавалось, потому что локоть уперся в бочку, рука скрючилась и мне пришлось корчиться то так, то сяк, пока я не вытащил ее. Другим занятием стало развернуть ее при помощи руки и губ, мокрых и сладких от душистого яблока. И вот... мне удалось наконец-то прочитать:

«Дорогой, Дик! Хочу сказать тебе, что я узнал, где найти клад! Стивенсон указал место, потому как координаты в его книге не значат ничего ничегошеньки. Однако он говорит в этих координатах об алфавите, ведь в нашем алфавите 6 гласных и 21 согласная буква. Ведь так? И это есть шифр и ключ. Теперь

я думаю, что пиратские сокровища спрятаны на одном из островов близ Кубы. Моя толстушка жена, да простит меня Господь, подсказала мне это. Должно быть, клад зарыт на острове «Веджин Горда», на самой вершине той высокой горы. Я приготовлю самую лучшую рыбу в жизни, когда вернусь из плавания».

Это было письмо моего отца, которое он не успел послать Дику. Пройдя длинный, многолетний круг, время странным образом вдруг соединилось... Видно, он сам был в плавании тогда, и мне оставалось только выбраться из бочки и разбудить и прочитать Дику это послание. Я уж было собрался выбраться наружу, как послышались тихие голоса.

Тихо и незаметно, под скрип такелажа, из-под палубы вдруг выросли Стэн и Бак. «Как ребята? — спросил первый, — Если бы мы не прознали, куда идем, не стоило бы и беспокоить дух Флинта. Что мы там найдем, не ведает никто». «Не говори, и подумать страшно, как мы будем делить сокровища...» Голоса стихли, они удалились, и я поспешил к Дику с двумя новостями. Он был поражен, как громом с ясного неба. Спустив босые ноги на пол, с письмо в руке, он подумал минуту и сказал: «Планов менять не станем. Будь осторожен, не проболтайся!» Письмо он забрал себе, так было лучше. Мы находились уже на подходе к Атлантиде.

Конец ночи застал нас диковинным явлением. На море опустился туман, в который «Циклоп» вполз, не желая того, но повинуюсь какому-то велению свыше. Единственным верным решением было встать на якорь, и Дик отдал приказ стать на якорь. Мы не желали напоротья на другой корабль. А если он ударит нас, в этом непролазном молоке?! Даже в метре на палубе стало нельзя никого разглядеть. Полный штиль, полная тишина и, вторя ей, молчала машина. Не слышно было чаек и шелеста моря у борта. И оставалось только ждать.

Часть 3 Самая страшная

О чем мне думалось тогда? О том, что мы совершенно одни — в этом тумане. О том, найдем ли мы клады атлантов. О том, что будет бой с пиратами. Время тянулось бесконечно долго. Оно протянулось до следующей ночи, когда свежий бриз разогнал туман, и мы оказались будто бы в просторной антрацитово-черной заводи, в которой отражались мириады звезд и созвездий и огромная Луна, на красном лике которой все сильнее и сильнее темнели пятна, и которая очень хотела остудить свой пыл в этой молчаливой, неотвратимо влекущей в бездонную бездну заводи. Кольцо сизого тумана все более расширялось и уходило со всех сторон все далее к горизонту, и каково же было наше изумление, когда вокруг нас оказались десятки таких же судов, как наше. Их силуэты чернели то вблизи, то вдаль, и все они были кладоискателями!

Сквозь подзорную трубу можно было приблизить их и прочитать даже имена, знакомые бывалым морякам и Дику. Это были наши и заграничные авантюристы и трудяги, мирно соседствующие здесь кто знает сколько дней. Иногда кто-то из них старался медленно перебраться на новую якорную стоянку. Теперь паруса хорошо дышали ветром, и нам стало даже радостно, что мы не лишимся руки помощи в столь опасном предприятии.

Однако другой мыслью было, кому повезет, не уж-то не нам?! Оставалось дожидаться утра. А пока я видел, как издалека в сборище всей нашей флотилии всплывает какое-то здоровенное судно. Это тоже был паровой парусник, но, по мере приближения, все более напоминавший собой шкаф между табуреток. Сколько пробило склянок, я не помню, но он загородил собой здоровенную часть акватории и пускал время от времени из трубы красные искры в черное, как смоль, небо.

Тем временем темные тучи накрыли нас незаметно и быстро, и можно было догадаться о том, что ветер способен творить чудеса. Постепенно тучи огромным синим кругом, упрятав звезды и Луну, стали опускаться над всеми нами, и, кажется, только верхушки мачт могли остановить их медленное, но грозное падение. Было видно, как на всех кораблях спешно убирают паруса и заводят машины, чтобы как можно скорее уходить от бури. Штиль неумолимо превращался в шторм, волны стали подниматься все выше, и Дик попытался взять обратный курс. Стэн и Гак уже шуровали в кочегарке, им и всем нам было уже не сокровищ!

И вот она — первая молния! Она прорезала небо, отворив что-то на мгновение там, куда мог устремиться только взгляд! Она упала из этого синего круга облаков и ударила в море. Гром прогремел и оглушил нас спустя несколько мгновений, и молнии стали осыпать волны одна за другой, одна за другой странными неровными, дымящимися по краям полосами. Мы шли уже на всех парах, но казалось, что стоим на месте. Рев ветра, океана и гром слились в одно дикое безумие, но все же то, что происходило вокруг, не исчезло из моего взора. Одна из молний, родившись в близкой тяжелой вышине, словно пальцем, робко коснулась того самого гигантского корабля, который вспыхнул подобно факелу и за секунды погрузился в бушующее море. Он ушел туда, где таится Атлантида. Это — ее боги вызвали шторм! Неужели, и нам не суждено вернуться к родному берегу?! Я привязал себя к мачте концом каната и почти оглохший ловил доносимые ветром голоса сирен, наверное, это гибнущие корабли сигналили друг другу паровыми гудками. Дал такой гудок и Дик.

Из туч нам на головы, как из ведра, рухнул ливень. Волны все сильнее накатывали на палубу, и вода с шумом уходила из-под ног через клюзы за борт, чтобы вновь подняться до колен. Иной раз волна окатывала меня всего, когда нос «Циклопа» разбивал ее, взлетая на гребень, и как я не захлебнулся, осталось благодарить лишь саму судьбу.

Как вы поняли, я иной раз опережаю события. Так вот, погибший в ту ночь корабль, как я прочитал потом в газете, был русский корвет «Аргус». Должно быть, он своей самоуверенностью не на шутку разгневал самих богов. А наш «Циклоп» скакал с волны на волну, он не мог переломиться пополам, когда оказывался на гребне, слишком коротким и круглым он был, по счастью для нас. Однако шторм продолжался, машина едва ли могла помочь нам найти спасение в какой-нибудь бухте местных островов. Ночь до самых краев наполнилась озоном, какого я никогда не вдыхал более ни разу в жизни, но я задыхался от страха и ветра, закрывая руками рот. Но вот почудилось, что берег близок, что буря идет на убыль. И на самом деле вдали показался высокий остров. Он возник в проясня-

ющемся воздухе, и волны неумолимо несли нас к его берегу. Солнце озарило вершину острова, команда пришла в себя и стала готовиться к удару о скалы.

Песок, на который нас вынесла счастливая рука судьбы, был в тот миг дороже золотого песка. Зеленая, яростно дышащая белой пеною высокая волна вкатилась в пологую ложбину вместе с «Циклопом» и оставила его там. Ее ревнивые подруги еще долго пытались отнять нас у спасительных камней, яростно окатывая корму «Циклопа», но все-же должны были отступить и заставить всех нас прочитать Хвалу Господу!

Глава 4 Самая счастливая

Еще бы ей не быть счастливой, когда мы остались живы и невредимы! Но нас ждало если и не великое счастье, то большая удача. Догадались? Да, нас прибило к острову «Толстушка», о котором написал мой отец. Дик знал этот точно. Ему не нужна была даже карта, столько раз он ходил здесь. Теперь, когда только мы вдвоем знали тайну, могли ли мы поведать ее всем? Шутили ли Стэн и Гак? Сколько было из нас честных моряков и сколько пиратов, мы не знали.

Да, нам сильно повезло! Сильнее не бывает, провизии осталось вдоволь, мы могли удить рыбу и охотиться, и даже, отвязав единственную шлюпку от судна, отойти от берега. Другую унесло штормом. Нам оставалось ждать проходящего мимо корабля, жечь костер и узнавать окрестности. Обязанности были распределены, и Дик сказал мне громко, что готов отправиться на вершину, дабы обозреть море вокруг и дать сигнал нашим спасителям. Взяв топоры, лопаты и ружье, мы пошли наверх. От вершины нас отделял не один километр пути через густой лес. Там, на самой верхушке горы, мы хотели обнаружить что-нибудь из тех следов, о которых рассказал всему свету Стивенсон. Потом мы всегда могли вернуться на место нашего прибежища, если только здесь не обитали духи хранителей этого жуткого клада — тени пиратов, столь же коварные, как и их предки. Мне чудилось, что сама тень способна выстрелить в меня из мушкета или из лука, и мысли от этого волновались, как уха в котелке, которую уже варили на берегу наши товарищи. Они тоже могли путешествовать здесь повсюду, хотя бы желая увидеть обезьяну или попугая, дедушка которого водился с пиратами. Ох, если он выболтает им нашу тайну! И, на самом деле, истошные их крики стали доноситься до нас и сопровождали нас всю дорогу к цели.

Довольно-таки подустав, мы оказались на вершине. До синего неба рукой было подать, и теплое золото в виде солнечных лучей уже само сыпалось в наши, поднятые к нему, ладони. Море улеглось, и вдали возникли белые паруса. Можно было во все глаза глядеть вокруг, такой великолепной панорамы я не видел даже в нашем Кемп Мей. К этой радости добавилось то, что мы придумали, как спасти «Циклоп». Зацепившись ногой за корень дерева, Дик выронил ружье, и оно, облистав корягу, скаталось вниз, потому он и придумал, как нам спасти «Циклоп». Напилить бревен и сделать из них круглые катки на песчаном склоне отмели, вот что нужно было нам.

Нечего было и думать, чтобы столкнуть корабль на воду даже пятнадцати здоровенным мужчинам. Буксир... Всякий другой корабль мог бы взять нас на буксир и стащить на гладь морскую, спокойную словно колыбель младенца. И от этого было приятно и волнительно, и оставалось только копнуть лопатой землю под ногами, не слишком-то надеясь на удачу.

Нашли мы что-то? Нет, я не скажу. Нет! А иначе, тайна исчезнет навсегда. Ведь, может статься, кто-то еще захочет попытать удачи на острове «Толстушка» или на «Кокосовом» острове. И мы, действительно, через три дня сняли наш помятый о скалу «Циклоп» с мели, спасибо одному из тех сотоварищей, которых буря разметала по морю, но который остался цел, как и мы. И Дик даже хорошо знал его капитана Стива, вот так время иной раз смыкает свой круг, словно спасательный круг с «Циклопа» или другого морского странника. И я тогда решил, что обязательно расскажу обо всем об этом. А вы теперь, как я рад, читаете этот мой незатейливый рассказ, в 39-м году нашего беспокойного XX века.

Эпилог

Прочитав эту историю, мы, конечно, вспомним Джэка, вернее самые замечательные дни его жизни. Как мне известно, он потом все свои годы работал водолазом, ремонтируя и спасая корабли, как это делают все водолазы мира. Как это делает сегодня один водолаз в Мехико, погружаясь в мутные воды очистных сооружений, он достал оттуда однажды даже череп быка. Мы не знаем, вцеплялся ли Джэку в спину кальмар или находил ли он в трюме затонувшего корабля ящик с вином. Это — единственный его рассказ. Мы не узнаем никогда, нашел ли он клад. Но мы можем увидеть в этом рассказе то рациональное, даже ученое зерно, которое поможет нам взрастить идеи нового технического века или расколоть гранит тайн истории.

Недавно, размышляя над этими тайнами, я написал письмо своему знакомому, лондонцу, австралийскому профессору Адаму Фьорду, ведь он — соотечественник самого Р.Л. Стивенсона. Я немного сократил его и вот почти все, что я сказал в этом послании:

Dear Mr. Adam,

I write to you on the question, certainly, very interesting and important in the general-cognitive, as well as scientific significance. I appeal to you as a compatriot of such a famous person, which is the writer Robert Lewis Stevenson. In this case, I probably act like Indiana Jones, in the hope of solving the riddle that the writer was hanging all over us. And how could it be otherwise?

Turning in the book «Treasure Island», I tried to decipher the coordinates of the island, which, I think, is the very mystery for inquisitive readers around the world. So, I'm not doing anything that would disturb the memory of Robert Lewis Stevenson and his family, but flatter myself with the idea of making a small contribution to adventure literature, which I sometimes sin myself.

So, the coordinates of the place of the treasure are 62 * 17'20"; 19 * 2'40, according to p. 55 Soviet edition of 1935. I know that these coordinates do not at all correspond to the geography of the «Treasure Island», but they start with two numbers — 6 and 21, which indicates the number of vowels and consonants in the English alphabet. With these figures, Stevenson could encrypt the name of

an island that is in the Caribbean Sea. Probably, intuition helps me, but quite quickly on the map there was a similar island. This — «Virgin Gorda», with the name of which completely matches the appearance of the wife of the writer Mrs. Francis (Fanny) Matilda Osborne. I confess that the attempt at literal decipherment yielded almost nothing, in these coordinates it does not contain its name, but only individual letters — F, G. Thus, I decided to rely on logic, although Stevenson could only know about this island from books, Imagine his appearance, being in a romantic mood. So, the real island must be very different from the imaginary island for the better. In the photographs it is too stretched and canopy to serve in kind even for the cinema. However, in favor of my hypothesis, the following facts say: The island was named by Christopher Columbus himself; The upper point above sea level is located at an altitude of 450 m, which exceeds the height of the Eiffel Tower by 150 m. In other words, it «could be buried in the island before it was removed from there.» (We remember that the writer died five years after its construction.) And, finally, the area of the island is 21 km. Sq., which again points to the English alphabet. As we know, Stevenson comes from a family of marine engineers, despite the fact that at that time in England and France the metric system was being introduced. Hence, it is possible that, investigating the scene of his work, he took care of the purely scientific and practical side of this process, because the tower is akin to a lighthouse.

It seems strange, however, that in the Wikipedia articles about the island in English and Russian there are discrepancies in the coordinates — $18^{\circ} 28' 55'' \text{N } 64^{\circ} 23' 25'' \text{W}$ and $18^{\circ} 28' 55'' \text{N } 64^{\circ} 23' 21'' \text{W}$, respectively. I think that 4'' is not a big difference and, perhaps, there is an indication of a nearby smaller island.

The final conclusion I come to is that if on the «Virgin Gorda», when it was a refuge of «gentlemen of wealth seekers», were once buried treasures, this most general circumstance served only the idea of the work, but Stevenson did not have the real data at the treasure location. Nevertheless, family legends (the McGregor clan) and the stories of seasoned sailors in general could contain such information, which, I believe, is still vigilantly guarded by the descendants of Sir Francis Drake, Robert Morgan and Flint. I'm a little familiar with the history of piracy and tend to think about reasonable caution in such an enterprise. Let the best treasure lie in the earth and wake up more and more fantasies, and not be faithful to the museum, state treasury or someone's «gold rush»?

I hope You find my thoughts interesting.

With sincere respect,
Vadim P. Larin

Уважаемый господин Адам,

Я беспокою Вас по вопросу сколь интересному, столь, полагаю, и важному в общепознавательном, а также и научном значении. Я обращаюсь к Вам как к соотечественнику столь знаменитого человека, каковым является писатель Роберт Льюис Стивенсон. В данном случае я выступаю, наверное, как Индиана Джонс, в надежде разгадать загадку, которую нам всем завешал писатель. И разве могло быть иначе?

Обратившись в книге «Остров сокровищ», я попытался расшифровать координаты острова, которые, как я думаю, и есть та самая загадка для пытливых читателей всего мира. Итак, я не предпринимаю ничего, что могло бы потревожить покой Роберта Льюиса Стивенсона и его семьи, но лишь себя мыслью внести маленький вклад в приключенческую литературу, которой грешу иногда и сам.

Итак, координаты места клада равны $62^{\circ}17'20''$; $19^{\circ}2'40''$, согласно с. 55 советского издания 1935 г. Я знаю, что эти координаты несколько не соответствуют географии «Острова сокровищ», однако они начинаются с двух чисел — 6 и 21, что указывает на количество гласных и согласных букв английского алфавита. Этими цифрами Стивенсон мог зашифровать название какого-либо острова, который находится в Карибском море. Наверное, мне помогает интуиция, но достаточно быстро на карте нашелся подобный остров. Это — «Virgin Gorda», с названием которого вполне согласуется внешность супруги писателя госпожи Фрэнсис (Фанни) Матильды Осборн. Признаюсь, попытка буквальная дешифровки почти ничего не дала, в этих координатах не содержится ее имени, но лишь отдельные буквы — F, G. Таким образом, я решил положиться на логику, хотя Стивенсон мог знать об этом острове только из книг, а потому лишь представлять себе его облик, находясь в романтических настроениях. Итак, реальный остров, должно быть, сильно отличается от воображаемого острова не в лучшую сторону. На фотографиях он слишком вытянут и полог, чтобы служить натурой даже для кино. Однако в пользу моей гипотезы говорят следующие факты: Острову присвоено имя самим Христофором Колумбом; Верхняя точка над уровнем моря расположена на высоте 450 м., что превышает высоту Эйфелевой башни на 150 м. Иными словами, она «могла быть закопана в острове до того, как ее извлекли оттуда». (Мы помним, что писатель скончался через пять лет после ее постройки.) И, наконец, площадь острова равняется 21 км. кв., что вновь указывает на английский алфавит. Как мы знаем, Стивенсон происходит из семьи морских инженеров, при том, что в то время в Англии и Франции осуществлялось внедрение метрической системы. Отсюда не исключено, что, исследуя место действия своего произведения, он позаботился о чисто научной и практической стороне этого процесса, ведь башня сродни маяку.

Кажется странным, однако, что в статьях «Википедии» об острове на английском и русском языках есть расхождения в координатах — $18^{\circ}28'55''N$ $64^{\circ}23'25''W$ и $18^{\circ}28'55''N$ $64^{\circ}23'21''W$, соответственно. Я думаю, что 4" не являются большой разницей и, возможно, здесь содержится указание на какой-либо близлежащий меньший остров.

Итоговым выводом, к которому я прихожу, является то, что если на «Virgin Gorda» и были, в бытность его прибежищем «джентльменов искателей богатств», закопаны сокровища, то это самое общее обстоятельство послужило лишь идее произведения, и реальных данных в распоряжении Стивенсона не было. Тем не менее, семейные легенды (клан МакГрегоров) и рассказы бывалых моряков вообще-то могли содержать такие сведения, которые, полагаю, и сегодня зорко оберегают потомки господ Френсиса Дрейка, Роберта Моргана и Флинта. Я немного знаком с историей пиратства и склонен думать о разумной осторожности в подобном предприятии. Должно быть, кладу лучше

лежать в земле и будить все новые и новые фантазии, а не быть преданным музею, государственной казне или чьей-то «золотой лихорадке»?

Надеюсь, Вы найдете мои размышления интересными.

На этом оканчиваю свое послание.

С искренним уважением,

Вадим П. Ларин

Вас, мои дорогие читатели, надеюсь, не смутит, что письмо написано по-английски. Эйфелева башня, как маяк, мировая метрическая система, вот, что явилось, думаю, главной идеей Р.Л. Стивенсона.

А Джек Тиби обретает реальные черты хотя бы потому, что существует в моей писательской голове. Что же случилось с ним далее? Насколько я знаю, он славно и отважно трудился, как скончавшийся совсем недавно старейший водолаз Америки, жизнь его поистине беспримерна, Кен Хартли, или как Текс Ратледж.

Перед нами открываются страницы их отважного труда в Перл-Харборе после японской авиационной атаки в декабре 1941 г., когда там проходили подводные работы по ликвидации ее последствий:

— Скажите ему, пусть приступает к работе! — рявкнула важная персона.

— К какой именно? — настаивал Тиби.

— Корабль сидит на дне, мы должны поднять его. Начинать работать.

Чуть погодя из трубки снабженного усилителем телефона послышались стоны, крикхтенье и охи, разносимые динамиком по всему судну-спасателю. Он несомненно трудился над чем-то изо всех сил.

— Что ты делаешь?

— Что я делаю? — задыхаясь ответил Тиби. — Я забрался под этот проклятый линкор и поднимаю его. А разве он несколько не приподнялся?!

Это были последние слова Джека. Быть может, это коварный Пейот напророчил нашему храброму моряку эту судьбу? Так или иначе, мои дорогие читатели, газеты и книги, сколько я не рылся в них, вдыхая пыль тех незабвенных времен, ничего нам о Джеке не сообщают.

Об авторе

Родился 1958 году в Москве, окончил в 1986-м Институт стран Азии и Африки при МГУ. В период учебы проходил учебную стажировку в Ханойском университете. Референт-переводчик вьетнамского языка, историк-востоковед. Сегодня - сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Ранее публиковал свои фантастические рассказы на сервере «Заграница», например, «Тайна Беатрисы».

* Реальная история Текса Ратледжа

Егор Саксин

Фабрика грез

I

«Воспоминания — это изображения, которые мы с вами несем, и именно эти изображения соприкасаются с удивительной вещью, называемой жизнью; поэтому возникает противоречие и, следовательно, конфликт.»

Джидду Кришнамурти «Свобода от известного»

Виктор сидел за своим огромным рабочим столом-монитором и перебирал документацию. Четыре часа дня и, как ни странно, ни одного клиента. Впрочем, Виктор не жаловался, он любил такие периоды на работе: спокойные, размеренные часы в самом начале или конце дня, когда ещё никого нет или уже никого нет, и можно предаться всем радостям офисного гедонизма: включить любимую музыку и под её звуки попить какой-нибудь «хот беверидж» (опционально по времени суток), размышляя и глядя на город (благо что офис предполагал наличие такого бонуса, как прекрасный вид из окна). Вот и сегодня — легкий джаз, кофе и какая-то сладкая гадость, без которой лучше бы обойтись, но — привычка в любой непонятной ситуации есть сладкое с детства въелась в натуру.

И, как всегда, внезапно, сигнал о том, что в офис идёт клиент. Кофе и сладость — в сторону. Поправить прическу. Улыбку на лицо — обязательно. Дверь открывается. Клиент. Девушка. На вид 27. Средний класс. Интересная внешность. Серые, немного грустные глаза.

— Добрый день!

— Добрый день! Чем могу быть полезен? (Улыбка искрится позитивом, вниманием и доброжелательностью. Как учили — всё по инструкции.)

— Знаете, я бы хотела восстановить кое-что по воспоминанию.

— Вы обратились по адресу. Наша компания — крупнейший игрок на мировом рынке материализации воспоминаний. При высоком качестве предоставляемых услуг мы проводим политику гибкого ценообразования, позволяющую заказчикам получить качественный продукт по самой доступной для них цене. По сути каждый наш клиент сам определяет цену своего заказа, задавая нужный объём восстанавливаемого воспоминания и степень подлинности получаемого в итоге восприятия. (Отработанный

скрипт отчитан, можно переходить к живому общению). Не могли бы вы более подробно описать суть вашего заказа?

— Гм...

— Какое воспоминание мы будем реконструировать?

— Комната. Моя комната. Когда я была маленькой, у нас был частный дом в черте города. Там у меня была своя комната, которую я очень любила. Я помню каждый её уголок, каждую зазубрину на письменном столе, скупаю по простому деревянному полу, рисункам на обоях, книжной полке у окна. Мне приятно вспоминать дни, проведенные там. А я ведь даже не успела попрощаться со своей любимой комнатой: наш район попал под программу урбанизации, родители долго боролись, но в конце концов решением суда нам было предписано покинуть территорию в течение 48 часов. Дом снесли, а родители вместе со мной переехали в квартиру, где всё было уже совсем по-другому. Сейчас день за днём проходят совершенно одинаковые, похожие друг на друга, мне все равно, что происходит вокруг, а тогда всё было совсем иначе. Моя жизнь в той комнате была полна смыслов и открытий, каждый день был ярким. И всегда было столько увлекательных занятий: пианино, спортивная стенка, опыты по химии. Как бы я хотела вернуться в то время!

В тот момент, когда девушка рассказывала о своей комнате, глаза её загорелись. Эмоция. В них была эмоция, живая, неподдельная. Это было важно. Виктор сразу понял, что этот клиент уже у него в кармане.

— Уверю вас, мы поможем вернуть ваше, казалось, безвозвратно утерянное прошлое. Насколько я понял по вашему рассказу, степень доступности информации о материализуемом объекте составляет около 8, а то и 9 пунктов из десяти. Это позволяет воссоздать объект достаточно подробно. Поэтому вопрос к вам: с какой достоверностью вы хотели бы восстановить комнату? Вы предпочли бы голограмму, синтетическое поливолокно или же натуральные материалы, идентичные тем, что имелись в вашей комнате. Хочу обратить внимание (Виктор движением пальца отправил на часть стола, где сидела девушка, буклет с описанием материалов), что от характера используемых материалов зависит качество, время нашей работы по подготовке продукта и, конечно же, общая цена заказа.

— Девушка внимательно вчитывалась в текст на экране. Видимо, цена и качество волновали её в тот момент в одинаковой степени, однако она так и не решалась, что выбрать: качество или цену.

— Я даже не знаю...

— Давайте я пробежусь по описанию материалов?

— Ну.. Про голограмму всё ясно. А вот второе и третье...

— Синтетическое поливолокно представляет собой уникальный материал, при должной обработке приобретающий свойства натуральных материалов, использующихся сегодня и использовавшихся прежде в быту. Что же касается третьего варианта, то он подразумевает более детальное восстановление ваших воспоминаний и изготовление интерьера-дубликата совершенно из тех же материалов, которые были внутри вашего дома. Однако стоит отметить, что некоторые материалы сегодня очень редко

встречаются в чистом виде, поэтому конечная стоимость заказа может оказаться достаточно высокой.

— Да. Я поняла. — Девушка задумалась.

— Так каково же будет ваше решение?

— Пусть это будет полисинтетическое волокно.

Выбор сделан. Выбрать нужный шаблон договора, нажатие — регистрация в базе, движение пальцем — договор красиво плывёт по столу в сторону заказчика.

— Выберете, пожалуйста, удобное для вас время, когда наши специалисты аналитического блока могли бы обследовать ваши воспоминания, а затем поставьте дактилоподпись в графе «заказчик».

Девушка выбрала время, поставила подпись и подняла свои пронзительные серые глаза на Виктора.

— Я выбрала пятницу на этой неделе. Сколько времени после обследования вам потребуется для того, чтобы произвести... ну то есть сделать мои воспоминания реальностью?

— Ма-те-ри-а-ли-зо-вать. (Виктор любил козырять знанием профессиональных терминов, поэтому специально сделал паузу.) В срок не более двух недель заказчику предоставляется готовый продукт. Пункт 5.7 Договора.

— Да, простите, я не очень внимательна, не вчиталась в текст.

— Все в порядке. (Виктор с самой доброжелательной улыбкой, какой только мог, посмотрел на девушку.)

Виктор вывел на табло стола платёжный терминал.

— Как указано в договоре, мы принимаем предоплату в размере 50%. Остальные 50% вы должны будете оплатить непосредственно перед получением заказа.

— Да, конечно. — Рассеянно достав смартфон из сумочки, девушка положила его на стол — нужная сумма списалась со счёта.

— Отлично. Ждём поступления платежа. ...Да, все готово. Завершаю регистрацию договора.

Поставив электронную печать, Виктор сбросил один экземпляр договора на смартфон девушки и установил в системе флажок расчетного периода.

— Всё. Формальные моменты на сегодня закончились. Теперь вам нужно не забыть явиться на сканирование памяти, потом в срок произвести расчет, и можно будет наслаждаться нашим продуктом. Уверен, вы не будете разочарованы.

— Ясно. А на сканирование мне приходиться в это же здание?

— Да, но на другой этаж. Можете не беспокоиться — мы уже обо всем позаботились, и на ваш смартфон будут приходиться уведомления об этапах работы над заказом.

— Спасибо! Тогда до свидания?!

— Всего доброго!

Девушка тихо вышла, а Виктор вновь включил музыку, закинул ноги на стол. До конца смены оставался один час и восемь минут.

II

«Почему ты никак не поймёшь, что я пытаюсь тебе сказать: тебя дурачат именно твои шесть чувств — заставляют верить, что у тебя эти шесть чувств не только есть, но помогают в контакте с действительным внешним миром. Если б не глаза, ты б меня не видел. Если б не уши — не слышал вон тот самолёт. Если б не нос — не чуял полночной мяты. Если б не язык — не отличил А от Б... Здесь нет ни меня, ни самолета, ни разума, ни Принцессы, нет ничего — да ёлки же палки, неужели ты хочешь и дальше оставаться в дураках всю свою дурацкую жизнь до минуты?»

Джек Керуак «Бродяги Дхармы»

«Дорогая Лейла! Спешу поделиться с тобой своим счастьем. Наконец-то мне удалось осуществить свою давнюю мечту — вернуться в свою комнату, как мне долго казалось, безвозвратно утерянную. Благодаря самым передовым технологиям я сумела вновь почувствовать себя маленькой, вновь пережить те ощущения и ту радость, сладость которой я, казалось, совсем забыла, став взрослой. Это было не просто ощущение, не нечто искусственное, а самое настоящее счастье. Я смогла потрогать предметы, которых давно уже нет, смогла не только увидеть узоры на обоях, но даже нашла те рисунки, что сделала когда-то под столом втайне от мамы (так как она ругалась, когда я рисовала на стенах). Я сидела на своей кровати и чувствовала себя не взрослым почти тридцатилетним человеком, а маленькой девочкой, наивной, может быть, немножечко глупой, но бесконечно счастливой в своём маленьком, теплом, милом и удобном мирке. К сожалению, по тому тарифу, который я приобрела, у меня было не так много времени — сеанс длился минут около 30 минут. Однако я узнала, что можно оформить подписку с ежемесячными взносами и наслаждаться своей комнатой, когда только мне заблагорассудится. Конечно, это совсем не дешёвое удовольствие, но оно того стоит! Так что сегодня иду устраиваться на вторую работу, чтобы иметь возможность оплачивать своё маленькое счастье. Вот такие дела, Лейла! Жду весточки от тебя!»

III

*«Убитую утку несёт,
Выкрикивая свой товар, продавец...
Праздник Эбисуко»*

Мацуо Басё

Из выступления главы корпорации DC (Dreams Corporation) Дика С. на закрытом съезде представителей IT индустрии.

«Уважаемые партнёры! Я не буду рассказывать сказки — вы давно в них не верите. Я буду говорить вам о реальности. (Пауза) И реальность такова, что людьми правят эмоции. Эмоции, а чаще их жажда толкают людей как на самые прекрасные, так и на самые ужасные поступки. Или же ни на что не толкают, если посмотреть на это с другой стороны. (Смеётся) Капитализация эмоций началась давно: начиная с гладиаторских боёв,

до капкейков. Да-да! В 21 веке лозунг «Хлеба и зрелищ» стал звучать поистине парадоксально, так как и то, и другое уже стало относиться в равной степени к индустрии эмоций. Люди идут в кино и на концерт ради эмоций абсолютно так же, как и в «Синнабон» или «Макдональдс». Хлеб тоже стал способом передачи эмоций. Беспрецедентный момент в истории на самом деле. И об этом можно говорить долго. Но это уже реальность. Между тем индустрия должна развиваться. Но как? В каком направлении? Что нового, ещё некапитализированного мы можем найти в эмоциях? (Пауза.) Я скажу вам: воспоминания. Сегодня индустрия либо работает с реальностью, либо погружает человека в мир грёз кино и виртуального пространства. И никто не работает с индивидуальным прошлым! Никто не придумал, как его капитализировать! Никто. Кроме нас. ДС капитализирует индивидуальное человеческое прошлое — то, чем раньше нельзя было владеть, то, что недоступно человеку физически, а оттого ещё более желанно. И капитализация будет успешна до тех пор, пока у человека будут эмоции. А они будут до тех пор, пока живо человечество. Уж поверьте мне. Вот показатели нашего роста за минувший год. Как видите, прирост составил 150%. И это при условии, что мы охватили сетью только 20% крупнейших городов мира. Перед нами лежит огромный неосвоенный рынок. И я призываю вас, дамы и господа, стать инвесторами этого беспроектного предприятия, этой величайшей в мире фабрики иллюзий...»

IV

«Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определённости, ни постоянства.»

Гаутама Будда

— Привет, старина! Ты там как вообще?

— Да нормально. Досаживаю вот на работе последние 40 минут. У тебя чего нового?

— У меня отпуск. С чего бы я так вот взял и позвонил, если бы не отпуск?! На работе я обычно вкалываю как проклятый — не до разговоров.

— Ну да, ты появляешься чуть чаще, чем комета Галей. Ты всё там же?

— Да, дизайним скоростные межконтинентальные поезда. На этот раз для китайцев. Выиграли большой тендер. Вот пока ребята там работают с технической документацией — решил сгонять в отпуск, чтоб совсем не закипеть. А ты где сейчас? Ты же вроде бы уволился из своей прошлой конторки?

— Ну да, так и есть. Я был в «StarBrings», но эти жмоты зажали нам премию перед Новым годом, и я послал их ко всем чертям. Между тем так удачно сложилось, что у нас в городе открыли филиал ДС, а наш давний знакомый Миша был причастен к этому.

— Это наш Миша что ли?

— Ну, а кто ж!

— У него феноменальный нюх на деньги.

— Ну, типа того.

— И что?

— Вот. Теперь в отделе по работе с клиентами тру..жу.. с.

— И как?

— Знаешь, нормально. Такая непыльненная работа. На гребне волны передовых технологий. К тому же весело: таких фриков насмотрелся, что мама не горюй.

— А DC — это там что-то с индустрией эмоций связано. Вы вспоминания вроде бы восстанавливаете.

— Да, материализуем. По воспоминаниям восстанавливаем вещи, ситуации, а по факту даём человеку прочувствовать те эмоции, которые он когда-то чувствовал, заново.

— И людей восстанавливаете?

— Ну.. Это вообще-то запрещено. Но разные заказы бывают. На самом деле я не могу об этом много распространяться — коммерческая тайна.

— Всё норм. Тайна так тайна. Просто ты сказал про фриков.

— А, это! Я имел в виду, что некоторые улетевшие ребята приходят с запросами восстановить вкус шаурмы, которую когда-то пробовали, восстановить закат, который когда-то видели.

— И что, восстанавливаете?

— Ну, а что? Любой каприз за ваши деньги. Многие даже довольны остаются. Рады до безумия. А по мне — так придурки. Любая эмоция уникальна, как и любой момент жизни, её вызвавший. Не зря же раньше говорили, что невозможно войти в одну и ту же реку дважды. Всё это так же иллюзорно, как и кино. Ты уходишь на два часа в кинотеатр, погружаешься в мир на экране, но потом-то опять возвращаешься в свои проблемы. Только тут хуже, ты дублируешь свои эмоции и закиливаешься на них. Сколько уже людей сидят у нас на такой эмоциональной дозе.

— В смысле?

— Есть те, кто заказывает подписку на продукт на определённый срок. Получая доступ к такому дубликату ушедшей от него реальности, человек вновь и вновь переживает одну и ту же эмоцию, становясь её заложником. У нас был один клиент, который заказал такую подписку. Мне сразу понятно было, что он не потянет её финансово, но позиция руководства такова, что мы не отказываем клиентам в их маленьких слабостях.

— И? Что-то произошло?

— Произошло. Чувак не потянул, и мы отключили услугу. После бесполезных визитов к нам и отказов (пока не будет погашена задолженность, не можем реактивировать продукт) мужик выбросился в окно.

— Ого! Вам там штраф не вписали?

— Ну, нет. Большие корпорации умеют отмываться. Официально объявили, что у мужчины было не в порядке с головой, и закрыли дело.

— Однако. Не заскучаешь у вас там.

— Да не. Это я рассказал неординарный случай. А так всё спокойно. Бизнес прибыльный и таковым останется, пока у людей будут эмоции.

— То есть, всегда.

— Ха-ха! Ну, вроде того. Слушай-ка, мен, тут прикрывать лавочку нужно. Давай созвонимся часа через два: пока долечу до дома, пока зайду в маркет.

— ОК! Давай!

— До связи!

Виктор закрыл документацию, выключил монитор, подошел к окну, нажал кнопку на пульте, запустив стоящий на улице аэромобиль на прогрев. Город снаружи был, как всегда, полон суеты.

Об авторе

Закончил Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, специальность «журналистика». С 2016 года работает в научно-исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), факультет гуманитарных наук, менеджер образовательной программы. Постоянный участник открытого Нижегородского областного конкурса научно-фантастического рассказа среди подростков и молодежи «Будущее — для человека!» с 2014 г. В 2017 г. стал победителем IV конкурса в номинации «Всегда вместе» (гаджеты на службе у человека и человечества) с рассказом «Фабрика грез».

Руслан Нурушев

Инноваторы

фельетон о светлом цифровом будущем

* * *

— Васик, зайди к генеральному! — хлопнул меня по плечу Е-мейля, наш офис-менеджер. — Вернулся и ждет.

Я поморщился.

— Блин, Емель, сколько раз просил: без «Васи»! Чё я тебе кот, что ли?

Знает ведь — терпеть не могу усатых-полосатых! Еще бы Барсиком назвал!

— Ладно, Бейсик, всё, — тот примирительно поднял ладони, — больше не бу. Но к шефу зайди.

Я со вздохом поднялся.

— В духе хоть? — и почесал переносицу. — Или «упал-отжался»?

Утром видел спокойным, но это было до совещания «в верхах» (вообще-то, он у нас мужик нормальный, деловитый, понимающий, но если сверху «напихают», может и сорваться). Е-мейля пожал плечами.

— Да вроде ничего, но озадаченный какой-то. Похоже, на Мудянке его пригрузили крепко.

Блин, Мудянка! Уже год как переименовали в честь нашего Бессменного, а я до сих пор не привыкну. И чего им Лубянка не нравилась? Такое родное милое название! Да, на имена у меня, точно, бзик — наверно, это от мамы-филолога. Или папы — тот географом был (это кто до туалета без нафигатора дойти может).

...Увернувшись от швабры робота-уборщика, я осторожно постучал и заглянул в кабинет генерального — один ли?

— Разрешите?

Адрон Лептонович был один. Он щелкнул пальцами.

— Зайди!

Когда я присел, шеф откинулся на спинку кресла и пожевал губами — шрам на щеке тоже задвигался. За окном эмчээсники, наконец-то, разогнали тучи, выглянуло солнце, и стекло потемнело; из-за соседнего небоскреба вылетело аэротакси.

— Так, Бейсик, боевое задание тебе. Сам понимаешь, откуда.

Да, нетрудно понять, когда шеф — бывший сотрудник (притом спецназовец) Федеральной Службы Трудовой Безопасности (а «бывших» фээстэбэшников, как известно, не бывает) и регулярно посещает Лу..., тьфу, Мудянку.

— Про РСФ слышал?

— Кто же про них не слышал? Сейчас в Америке на них бум, с ума все сходят.

— Вот! — удовлетворенно хмыкнул Адрон Лептонович. — И нам надо чего-нибудь такое же замутить. Мы же не простые рекрутеры с улицы.

Да, мы — Инновационное Кадровое Агентство «Освобождение труда», работающее «под крылом» ФСТБ, это я всегда помнил. И мы не ищем кадры для рабочих мест или наоборот — мы их создаем: кадры и рабочие места (наш слоган).

А с расчетно-счетными фирмами, РСФ, история началась в конце прошлого года: перед Рождеством популярный блогер Айзек А. выложил интервью с неким Майроном Аубом, открывшим новый способ вычислений без калькулятора — какими-то столбиками! Хотя в универе по «вышке» имел «пятерку», в «столбики» я так и не въехал. И до сих пор не въезжаю, как это возможно — оперировать любыми цифрами без калькулятора! Мы что, роботов заменить, что ли, сможем? Наверняка, шарлатанство и пиар чистой воды. Но шуму наделали «столбики» — ого-го!

Предприимчивые ребята из Кремниевой долины сразу почуяли «золотую жилу»: да, само собой, «столбиком» даже простенький чип уже не обгонишь, но главное ведь здесь не скорость, главное — рабочие места! В эпоху роботов, когда три четверти работоспособных сидят без работы (и сидят хорошо, с шиком: потребительская корзина, медицина, образование — полностью бесплатны, а на денежное пособие можно и машину недорогую купить), головная боль всех правительств — чем занять людей?

Утописты вроде бы мечтали о таком «золотом веке» — когда не будет труда «по нужде», а только в охотку, в удовольствие, и масса свободного времени, тогда, мол, и развернется вся творческая мощь Человека... А вот хрен вам! «Века» настал: работать — не надо, жратвы, питья — вдоволь, вещей да шмоток — печатай, сколько в 3D-принтер влезет, свободного времени — хоть залейся, а «творческая мощь» всё никак не разворачивается. Пьют да гуляют, спят да едят, виски икрой черной закусывая, а вся культурмультур — в 5D-киноэкраны попялиться с очередным Супергероем. А если «творчество» и разворачивается, то куда-то не туда — накуриться, дурью наширяться, морды друг другу набить, секту какую-нибудь создать или группировку экстремистскую. И социологи забили тревогу: налицо рост преступности, алкоголизма, наркомании, суицида! Верните людей на работу! Займите хоть каким-нибудь трудом — пусть и не особо нужным!

И правительства откликнулись, так как понимали — миллионы ничем не занятых, сытых бездельников потенциально не менее опасны для общественного порядка и стабильности, чем массы голодных безработных. Сейчас в основном только этим и занимаются — придумывают людям работу, потому что всё остальное в экономике давно функционирует автоматом — всюду роботы, везде искусственный интеллект. А производительность, рентабельность человеческого труда не важна — лишь бы не бунтовали да друг друга не резали!

Вот и со «столбиками» так вышло: понабежали всякие венчурные фонды, грамотно раскрутили тему в прессе, вышли на Конгресс и Белый дом — мол, социально значимый проект, создаем новую отрасль — расчет-

но-счетный бизнес со многими рабочими местами, — поддержите! И власти поддержали: приняли госпрограмму, выдали кучу грантов, предоставили льготы, субсидии, обязали все крупные корпорации часть заказов на расчеты и численные моделирования отдавать РСФ. И маховик закрутился, да еще как!

Мартин Ауб, запатентовавший новый способ вычислений, вмиг стал миллионером на одних только продажах лицензий. В Гарварде, Принстоне, Йеле, прочих ведущих университетах пооткрывались кафедры по подготовке «расчетчиков столбиком», а при них — всевозможные курсы, семинары, бизнес-школы для РСФ. Расплодились, разумеется, и сами РСФ, осыпанные грантами и преференциями, отхватившие многомиллионные заказы у Пентагона, NASA, Boeing и им подобных на всякого рода вычисления. Считали они, конечно, мягко говоря, не очень быстро (попробуйте смоделировать «столбиком» термоядерный взрыв! А движение тропического циклона? А траекторию космического аппарата или трехмерную структуру белка?), но зато кучу народа заняли делом (подозреваю, что в действительности корпорации, как и прежде, но втихаря, считают всё на своих суперкомпактах, «откатывая» в нагрузку положенный процент РСФ согласно оформленному заказу; да и в РСФ, наверняка, калькуляторами пользуются тайком — кто проследит?). Маркетинговым шиком стала маркировка продукции «Рассчитано вручную». Начались чемпионаты по «скоростным столбикам». Самые крупные РСФ уже вышли на фондовый рынок и торгуются на Нью-Йоркской и Лондонской биржах. В общем, «волна пошла».

— Так это надо лицензию у Ауба покупать, — и я почесал переносицу. — Или пиратить будем?

— Нет, покупать ничего не будем, однозначно! — Адрон Лептонович решительно рубанул воздух ладонью, кресло под его гренадерской комплекцией жалобно скрипнуло. — У нас же импортозамещение! И вообще, Президент поручил подготовить асимметричный ответ, то есть не обязательно со «столбиками».

— Ну раз Президент, — я пожал плечами, — ему видней.

— Да, Мудину видней, жить стало веселей, — и шеф хохотнул, повторив слоган последней избирательной кампании Президента. — Так что давай, приступай. У тебя же, говорил, друзей-математиков полно. Вот и поговори, может, чего дельного посоветуют.

Я взял под козырек — задание принято. И поднялся из-за стола.

— О'кей, Мудл! — активировал я в коридоре чип. — Машину ко входу!

Moodle — это наш ответ западным IT-разработкам (назван, разумеется, также в честь Президента).

— Машина у входа, — томным голосом Скарлетт Йоханссон отозвался чип за ухом. — Куда летим, Барсик?

— Блин, Скар, я же просил!

— О'кей, Бейсик! — и мелодично рассмеялась. — Я не активирую тебя, просто хочу узнать: куда?

— В МГУ.

Еще бы она меня активировала! Хотя вру — кой-какие «зоны» от ее тембра во мне явно оживают. Когда выбирал озвучку для чипа, даже не разду-

мывал — с детства люблю старые фильмы, а голос у настоящей Скарлетт был обалденный! Впрочем, всё остальное — тоже.

Часа через два мой аэродрон приземлился на Воробьевых горах (долетело минут за десять, но, как обычно, часа полтора ждал парковки), и вскоре гонял чай на кафедре матана, у друга студенческих лет ДимДимыча, теперь уже кандидата физико-математических наук.

— Что ж, асимметрично — это правильно, — развалившись в кресле, разглагольствовал ДимДимыч. — «Столбики» — пройденный этап, их скоро, думаю, в школе преподавать будут.

— Ага! — я чуть не поперхнулся. — Скажи еще, в младших классах! Я, с дипломом, и то не понял, чего куда переносить? Да еще «в уме» какие-то!

— Насчет младших классов никто и не говорит, но пятнадцатиклассникам, думаю, азы «столбиков» давать можно.

— А не считаешь, что это шарлатанство? Математический фокус?

— Да нет, Бес, не похоже, — и ДимДимыч задумчиво потербил бородку. — У нас и конференция по ним была, межвузовская. Симка Папусовна, это с ФизТеха профессорша, рассказывала, что проверила «столбики» и дифференциальным, и интегральным, и матричным исчислением, и на случайное распределение проверила, но, говорит, всё сходится, метода вполне корректная. Так что, не фокус, что-то там в основе есть, хотя что — черт его знает! Математика, сам знаешь, иногда может выходить за пределы представимого, а тут...

И он застыл на полуслове, а затем хлопнул себя по лбу.

— Черт, как же я сразу не вспомнил? Идем!

Вскочив, он потащил меня с кафедры. Поняв, что ДимДимыча как обычно осенило, я не сопротивлялся.

— Куда хоть? — поинтересовался я на ходу.

— Сейчас узнаешь! — и он, довольный, рассмеялся. — У нас тут недавно программеры лабораторию целочисленных вычислений организовали. И там у аспиранта одного разработка безумная есть. Теперь вопрос, достаточно ли безумна? Что асимметрична, это точно! Но — молчу! Он сам всё покажет. И сразу скажу: не фокус! Теоретические основы пока не проработаны, я сам, честно говоря, не совсем понимаю, как это у него получается, но метода вполне работает. И не хуже «столбиков»! Его Ноликом, если что, зовут. И можно сразу на «ты», у программеров без церемоний.

Заинтриговать меня ДимДимыч сумел. Когда пришли в лабораторию, я с нетерпением ждал встречи с Ноликом, и тот не разочаровал!

— Значит, так, — несколько смущенно начал Нолик, молодой вихрастый парень, когда присели в уголке потише, — суть в следующем, — и неожиданно показал пальцами «викторию», — сколько пальцев?

— Два, — и я хмыкнул. Зрение, что ли, проверяет?

— А сейчас? — Нолик поднял и большой палец.

— Раз, два, три, — на всякий случай пересчитал я. — Теперь три.

— Могу поздравить: ты только что произвел математическую операцию сложения «два плюс один». И безо всякого калькулятора!

— Стоп! Ты хочешь сказать... — и я застыл, пораженный простотой и гениальностью идеи, — что мы можем считать на пальцах?!

— Совершенно верно! — вмешался ДимДимыч, явно наслаждаясь моим замешательством. — И не хуже чипов!

— А это мы сейчас проверим! О'кей, Мудл! — позвал я Скарлетт. — Сколько будет два плюс один?

— Три, Бейсик Паскалевич, — на людях Скарлетт предпочитала общаться со мной сугубо официально, — ровно три.

И в воздухе засветилась голограмма тройки. Неужели верно?! Я тихо охнул: неужели я только что, безо всякого калькулятора, сложил два числа?! Произвел вычисление без чипа, суперкомпа и хваленых «столбиков»?! Я расстегнул ворот, стало жарко. Н-е в-е-р-ю!!!

— Ладно, Нолик, давай еще: четыре плюс пять?

Тот, наморщив лоб, шевеля губами, начал быстро загибать-разгибать пальцы.

— Девять!

Скарлетт опять подтвердила: верно!

— А восемь плюс семь? — не унимался я, шестым чувством почуяв, что этот пример будет посложней.

И оказалось сложней: Нолик на мгновение замялся, посмотрел зачем-то на ДимДимыча, а затем, тряхнув голубыми вихрами, скинув лабораторные тапочки и стянув дырявые носки, зашевелил пальцами ног.

— Пятнадцать!

И опять не ошибся!

— Блин, как это получается? — не сдержал я восхищения, всё больше проникаясь грандиозностью открытия. — Какие-то пальцы и — электро-ника?! Что между ними общего?

— Мы работаем над этим, — и Нолик скромно потупился. — Дали бы фондов побольше, грантик какой-нибудь да суперкомп помощней, может и выяснили бы. Совпадением это быть не может, мы уже до трехзначных дошли, но результаты сходятся.

— До трехзначных?! — и тут, наконец, понял, почему последний пример показался сложней. А точнее, вспомнил из курса «Основы анатомии»: у нас же на руках только десять пальцев! — Стоп! А где вы столько пальцев нашли?

— Да, здесь есть некоторое неудобство, — натянув носки, вздохнул Нолик и пожал плечами, — для вычислений больше двадцати приходится привлекать еще кого-то. Но вам ведь как раз и надо занять побольше народа. Представляешь, сколько человек нужно, чтобы рассчитать на пальцах, например, поведение плазмы в магнитных полях? Стадион, не меньше! И всё это рабочие места!

— А как считать в такой толпе? По рядам бегать?

— Это всё детали, — отмахнулся Нолик. — Считать приспособим биометрический сканер с лазерной локацией и распознаванием отпечатков. Это и двойной подсчет, и прочие ошибки исключит — отпечатки же индивидуальны. Сектор А, поднимите руки! Раз, лучом пробежал, — вот и результат! Можете опустить! Сектор Б! И так далее. У меня всё продумано.

— А с другими действиями — вычитанием, умножением, делением?

— Без проблем.

— Дважды четыре?

Нолик опять поколдовал с пальцами.

— Восемь!

Скарлетт подтвердила.

— А как с дробями, Нолик? — и ДимДимыч пощипал бородку. — Придумал что-нибудь? На совете деканата заявку твою, сам помнишь, из-за этого и зарубили.

— А что с дробями? Обыкновенные так и показывать: пальцы одной руки, повыше, — числитель, а что пониже — знаменатель. Всё просто. А с десятичными можно изменить разрядность: один палец — не единица, а одна десятая.

— Что ж, в принципе, для начала, как рабочая модель, — вполне. Но заявку надо будет доработать. Если, конечно, хочешь финансирование получить.

— Финансирование будет, деньги под такую разработку мы найдем, — я рассеянно побарабанил по подлокотнику, — грант через ФСТБ, уверен, шеф выбьет, это не проблема.

— А что проблема? — ДимДимыч, видимо, уловил в моем голосе нотки сомнения. — Думаешь, не поверят? Слишком безумная идея?

Но то были не сомнения — во мне бродила еще более безумная мысль.

— Да нет, проблема не в этом, — я посмотрел на них. — Слушайте, а зачем нам вообще пальцы?

— В смысле?

— Ну, нельзя ли их заменить, например, какими-нибудь камешками, палочками? И считать удобней, и ограничения «до двадцати» нет, а?

Это была «бомба»! Они ошеломленно уставились на меня, а затем кинулись обнимать.

— Бес, ты гений! — ДимДимыч чуть не отбил мне плечо. — Ты понимаешь это?! Это же прорыв! Меня тоже смущало это неудобство с двадцатью, но теперь — никаких пределов! Нет, ты не Бейсик, ты — Супербейсик!

— Класс! — крутил головой Нолик. — Просто класс!

Но на лице его застыла досада и нескрываемое сожаление — как не догадался сам?! почему не он?! А ДимДимыч уже кинулся воплощать идею.

— О'кей, Мудл! — активировал он свой чип. — Соединись с принтом!

— Соединение установлено, — бабушкиным голосом отозвался чип, и 3D-принтер у окна замигал зеленым. — Тебе пирожков напечатать, внучек? С чем — с лобстерами или фей... — и старушка запнулась, — ... фейху-ёй? А друзьям твоим?

— Бабуль! — и ДимДимыч тихо чертыхнулся. — Сколько раз просил: обнови глоссарий! И отключи свое гребаное прогнозирование! Один фиг не угадываешь! Представляете, — он повернулся к нам, — на прошлых выходных лежим с Аськой на пляжу, это в Одессе было, захотел девушку на шаланде покатать. Только открыл рот про шаланд-прокат, а Бабуля: внучек, тебе каких шалав — шатенок или блондинок? Аська чуть бороду всю не выдергала! Еле отбился. До сих пор дуется.

— Интуицию отключила, — обиженно проворчал чип. — Написание и правила склонения «фейхоа» я знаю, просто микросхема юмора немного перегрелась. А что брюнеток не предложила — извини, так как, проводя

статистический анализ всех твоих порноголограмм, начиная с детского сада, пришла к обоснованному выводу, что темноволосые тебе не нравятся. Да и твоя разлюбленная ICQ тоже не брюнетка.

— Бабуль, ты чего несешь?! — у ДимДимыча, казалось, покраснела даже борода. — У тебя, по-моему, и проц закипел!

— Температура центральных процессоров в норме. Так что печатать будем, внучек?

— Сотню палочек, — торопливо, не глядя на нас, пробормотал всё еще смущенный ДимДимыч. — Думаю, с палочками удобней, чем с камешками.

— Материал? Форма, размеры? Дизайн?

— Пятьдесят штук — дерево, пятьдесят — пластик. Посмотрим, что лучше. Дизайн — простейший, без изысков. Форма — цилиндрическая, размеры такие...

Когда принтер их напечатал, и мы убедились, что результаты с палочками полностью совпадают с вычислениями на пальцах — расхождений нет, я понял, что пора звонить шефу.

— Разрешите доложить, Адрон Лептонович? — козырнул я голограмме шефа, повисшей в воздухе. — Задание выполнено!

И сжато, по-военному, изложил суть нового метода. Шеф въехал в идею сразу.

— Орлы! — он щелкнул пальцами и в восхищении покрутил головой. — Круто взяли! Теперь покажем америкосам, куда Макар кузькину мать не гонял! Наш план, Бейсик?

— Перво-наперво — патенты! На пальцевые вычисления — раз! На счетные палочки, камешки и тому подобное — два! Здесь, кстати, надо с патентными поверенными помозговать, как саму идею защитить. А то начнут пиратить — это у нас не палочки, а веточки, не камешки, а пуговики. Ну, а дальше — толкать через правительство. Как америкосы: инновационная отрасль, новые технологии, рабочие места, госпрограммы, субсидии. Да вы сами лучше меня знаете, как.

— А на кого патенты? — робко поинтересовался Нолик.

Я замаялся: вопрос был деликатный и — пахнувший большими, очень большими деньгами. Насчет пальцев — понятно, авторство бесспорно за Ноликом, но вот счетные палочки ведь предложил я! Хотя, с другой стороны, без пальцев Нолика я бы сам до такого точно не додумался. Адрон Лептонович на удивление тонко для вояки уловил щекотливость момента.

— Соображаю так, — шеф пожевал губами, — первый оформим на Нолика. А вот по второму, на палочки, считаю, справедливо коллективное соавторство: Нолик — автор изначальной идеи, Бейсик — развил изобретение, ну и... — он чуть помедлил, — ... я как организатор, вдохновитель работ. Вам же пробивать финансирование, гранты всякие, надо будет?

Делать предложения, от которых нельзя отказаться, шеф умел, — намек мы с Ноликом поняли. И кивнули — а куда нам деваться?

— Вот! — довольный, хмыкнул Адрон Лептонович — Тогда начнем! Свяжись с патентщиками, а я — в Контору. Вечером поговорим, обсудим, план дальнейших выработаем. Да, и еще одно спецзадание будет.

Вечером поговорили — всё путём, «наверху» идею поддержали, будут и наши РСФ, да не со столбиками какими-то заморскими, а с родными

пальчиками и палочками — отечественный натурпродукт! И спецзадание было — да на мою голову!

— Ты как к котикам относишься? — и Адрон Лептонович покрутился в кресле. — Нравятся?

— К «Морским», что ли? — знал, что шеф коллег, пусть и американских, уважает. — Крутые парни!

Он хохотнул.

— К домашним! Емеля сказал, что ты — кошатник по жизни.

— Ну, фанатом бы себя не назвал, — осторожно начал я. — А что надо хоть?

— Знаешь, что в прошлом году рынок фоток и голограмм с котиками занял третье место в мире по обороту, сразу после оружия и наркотиков? Это не я придумал, а исследование МВФ. И у нас здесь отставание — ни одной крупной кото-корпорации! Поэтому решили Сколково разогнать, всё равно толку от них никакого — за девяносто лет, кроме многоразовой туалетной нанобумаги, ничего так и не изобрели, — а на их базе создать инновационный центр «Cat pictures». Деньги, фонды, пиар с рекламой будут, но нужны котодизайнеры — кто умеет котиков трогательных рисовать. Вот и займешься поиском. Первую партию 5D-открыток, кстати, решено нашим бойцам в Сирию отправить, у них там юбилейный, восьмидесятый, вывод войск намечается — надо поздравить. Да и по себе знаю: на передовой так не хватает домашнего тепла, а тут, представляешь, — котики! И все такие мимишные!

И суровое лицо бывшего спецназовца осветила тихая мечтательная улыбка. А я только матюгнулся про себя. Убью Емелю!

Об авторе

Родился в 1973 году в селе Восток Енотаевского района Астраханской области. В 1996 году окончил юридический факультет Волгоградского государственного университета, там же — аспирантуру. Живет в Волгограде, работает в юридической фирме. Прозу пишет с 1995 года, но публикаций печатных — только несколько рассказов: в литературном журнале «Автограф», № 6 (18), № 9 (21) и № 10 (22) за 2011 г., еще один попал в сборник «Жизнь — вокруг нас» (по итогам лит. конкурса Сахалинской ОУНБ «Жизнь — вокруг нас», тираж — 500 экз.), остальное — в Интернете на самиздатовских сайтах.

Александр Юдин

Торжество правосудия

— Привет, Стив, как дела, все о'кей? — воркующим голосом спросила Скарлетт.

— Виделись уже, — буркнул Стивен, не отрывая взгляда от монитора. — Нормально все.

— Время ланча, перекусить не хочешь? — снова спросила девушка.

Стивен пожал плечами.

— Как насчет китайского рестораника здесь, за углом? — не отставала Скарлетт. — Составишь мне компанию?

Стивен наконец отвлекся от компьютера и бросил косой взгляд на своего соседа Патрика: слышал ли тот, что Скарлетт сама его пригласила? Да, явно слышал. Это хорошо. А то обвинят в stalkingе, оправдывайся потом. А могут и харрасмент пришить. Запросто!

— Что-то я и впрямь проголодался, — заявил Стивен, потягиваясь.

— Тебе стоит заправиться, приятель, — подмигнул Патрик и прибавил с кривой усмешкой: — Скарлетт права.

Это подмигивание и усмешка Стиву совсем не понравились. Ишь, весело ему! Конечно, Патрику, с его ориентацией, куда как проще: оформил разрешительную лицензию в Обществе защиты животных и — вперед. Да и навряд ли какая зверушка побежит в полицию с жалобой. Стивену же — банальному натуралу, приходится всего опасаться. Тем не менее, он поднялся с рабочего кресла, пересек офисный зал и прошел в лифтовой холл.

Скарлетт прошмыгнула в лифт одновременно с ним. А больше в кабине никого не было. Вот, черт! Стивен прижался к дальней стенке и демонстративно повернулся лицом к зеркалу, вроде как галстук поправляет. Скарлетт из зеркала ободряющее улыбнулась ему:

— Ты чего такой напряженный, Стив? Мы всего лишь пообедаем вместе. Расслабься! — И легонько хлопнула его по правому бедру.

Стивена аж холодный пот прошиб.

— Легче, подруга! — воскликнул он, резко обернувшись.

— О, уже и подруга? — игриво заметила девушка.

В ресторане Скарлетт продолжила свои заигрывания: то улыбалась двусмысленно, а то, как бы ненароком, прижималась коленом к его ноге. Как это понимать? Она, что намекает на возможность интима? А если это проверка? Или провокация? Нет уж, решил Стив, лучше перестраховаться

и не обращать внимания на все эти улыбочки и «случайные» прикосновения, ошибка может дорого ему обойтись. Слишком дорого!

После работы Скарлетт снова увязалась за ним, под предлогом, что ей в ту же сторону. В вагоне подземки не отходила от него ни на шаг, буквально прилипла к Стивену.

— Вот я и дома, — облегченно вздохнул Стивен, когда они подошли к его подъезду, — пора прощаться.

— Что, даже не пригласишь леди на бокал вина? — фальшиво удивилась Скарлетт.

— У.. у меня нет вина, — закашлявшись, пробормотал Стив, — я вообще не пью спиртного.

— Сойдет и кофе.

— Уже поздно, Скарлетт, тебе пора домой, — твердо заявил Стивен.

Совершенно неожиданно девушка всхлипнула и крепко стиснула ему руку.

— Я замерзла! Давай, поднимемся к тебе... Прошу, Стиви!

— О, господи, — простонал Стивен. Перед женскими слезами он всегда пасовал. — Ну что с тобой делать? Пошли... Только без глупостей!

— Обещаю! — обрадовалась девушка.

В квартире он сразу включил везде где можно свет и раздвинул шторы. В полном молчании они выпили по чашке кофе. Стивен бросил взгляд на часы и спросил:

— Не против, если я включу новости?

— Как хочешь, Стиви.

— Скарлетт... — смущенно поерзав на стуле, промямлил он, — не зови меня так, пожалуйста.

— Как «так»? — подняла брови девушка.

— «Стиви».

— Почему? Тебе не нравится?

— Ну-у.. просто... это звучит как-то слишком... чересчур интимно. Мы же с тобой только коллеги, так?

— Не зна-аю, — с дразнящей улыбкой протянула Скарлетт, — сегодня в лифте мне показалось...

— Короче, — ледяным тоном отрезал он, — называй меня Стивеном. Ну или Стивом, о'кей?

— Ладно, ладно, — надув губки ответила девушка. — Какие мы строгие.

Стивен прибавил звук телевизора. Дикторы SBS — яркая блондинка Джоанн Ступид и украшенный благородными сединами Конгус Кин, поочередно вещали, обмениваясь лучезарными улыбками:

— Сегодня утром неизвестный с бензопилой напал на активиста гей-движения «Радужная Вселенная» Гарри Аршлоха. По предварительным данным, причиной нападения стал личный конфликт, не имеющий отношения к общественной деятельности потерпевшего.

— По словам очевидцев, неопрятно одетый мужчина проник в офис «Радужной Вселенной» под видом разносчика пиццы...

Стивен переключился на CNN.

— А сейчас Сьюзен Хильдегард расскажет нам о сексизме, с которым она столкнулась в своей компании, — анонсировал диктор CNN, обращаясь к немолодой чернокожей даме. — Как это было, Сьюзен?

— Это было ужасно, — захлебываясь отвечала женщина, — ужасно! Один из старших менеджеров разместил в рабочем чате объявление, что он... что он неженат!

— Отвратительно, — согласился диктор. — И как же вы поступили?

— Обратилась в отдел кадров с заявлением о сексуальных домогательствах, разумеется. Его уволили.

— В этом ваша ошибка, Сьюзен, — покачал головой диктор, — стоило сразу — в прокуратуру. Тогда бы вашего обидчика не просто уволили, а привлекли к уголовной ответственности.

— Но это еще не все! После этого случая другие мужчины компании стали позволять себе...

— Рассказывайте, рассказывайте, — ободрил диктор.

— Позволять себе... Я право стесняюсь!

— Ну же, Сьюзен! Все уже позади. Что именно стали они позволять?

Дама глубоко вздохнула и выпалила:

— Пристальные взгляды!

— О, господи, — поразился диктор.

Стивен выключил телевизор, но тут же, словно испугавшись чего-то, включил его снова и принялся лихорадочно щелкать каналы.

— Что с тобой, Стив? — воскликнула вдруг Скарлетт. — Ты весь мокрый, с тебя так и льет.

— Вспотел, — пробормотал Стивен. Его действительно бросило в жар, а перед глазами все плыло и двоилось. — Жарко мне что-то.

Скарлетт положила ему на лоб прохладную ладонь.

— О, дружок! да у тебя температура. Прими-ка ты душ, — предложила девушка, — освежись. А я пока чашки помою.

— Да, пожалуй...

Стив, уже с трудом соображая, направился в ванную.

Только раздевшись и встав под теплые водяные струи, он осознал, что Скарлетт вовсе не пошла мыть чашки — она по-прежнему была с ним рядом...

Когда все закончилось, Стивен удовлетворенно выдохнул, провел рукой по запотевшему зеркалу и увидел в нем отражение заплаканного лица Скарлетт.

— Что-то не так? — испуганно спросил он.

— Не так?! Что-то?! — взвизгнула девушка. — Ты еще спрашиваешь? Все не так!

— Но ты же сама... сама пошла со мной в душ.

— А оставил ты мне выбор, проклятый маньяк?! Затащил девушку в ванную, оголился в ее присутствии...

— Послушай, Скарлетт...

— Не ори на меня!

— Я раскаиваюсь, правда, но...

— Не смей на меня давить! Ишь, доминантный альфа-самец какой выискался! Ты меня сексуально объективировал. Я тебе не дешевка какая-

нибудь, не товар, чтобы... Да ты изнасиловал меня, понимаешь?! Понимаешь ты это, мерзавец, сволочь, негодяй? И разве это в первый раз? Маньяк! Ты маньяк, насильник! Тебе лечиться надо... Все, кончилось мое терпенье, немедленно иду в полицию.

* * *

Судья Джон Бургер, полный румяный джентльмен лет шестидесяти, задумчиво массирует лысину. Он был в затруднении, давно уже не приходилось ему рассматривать столь неоднозначного дельца. Смутные сомнения терзали его душу. Хотя, чтобы заронить сомнения в душе самого Джо Бургера, надо было сильно постараться. Не далее как на прошлой неделе он без колебаний признал виновным в сексуальных домогательствах одного весьма состоятельного девяностолетнего паралитика, который взглядом раздевал сестру-сиделку.

Когда судейская лысина сравнялась цветом со щеками, Джон вздохнул и решительно набрал номер своего однокашника по Гарвардскому университету адвоката Рогера ван Эйка.

— Рогир, привет, это тебя Джон Бургер беспокоит, помнишь такого?

— Джон, старина! — Жизнерадостно отозвался ван Эйк. — Как можно забыть старину Джона?

— Хо-хо! Я тоже рад тебя слышать. Смотрел вчера игру «Янкиз» с «Кардиналс»?

— Уснул после третьего иннинга — возраст, — вздохнул адвокат. — Да и питчер у «Кардиналс» ни к черту не годится... Но ты ведь не для этого мне звонишь, верно, Джон?

— Верно, Рогир. Мне нужен профессиональный совет.

Бургер коротко изложил приятелю обстоятельства дела.

— А в чем проблема? — удивился адвокат. — Виновность этого Стивена сомнений не вызывает.

— Ни малейших. Факт изнасилования в ходе судебного разбирательства доказан полностью. Причем неоднократного изнасилования. Жертва была запугана и не сразу набралась мужества заявить на мерзавца. Этот Стивен, вообще — пещерный сексист и, в придачу, отъявленный гомофоб. А проблема... проблема в том, что по законам нашего штата я обязан осудить его на десять лет минимум.

— И что? Потерпевшая просит суд о снисхождении?

— Нет, жертва как раз настаивает на изоляции подсудимого от общества.

— Не понял. Так и впай ему на всю катушку! Не вижу в том большой беды.

— Беда в том, что он бигендер, точнее, бигендерный андрогин.

— Это, конечно, смягчающее обстоятельство... А бигендер может быть гомофобом?

— Дело не в том! Он, точнее, его тело сочетает в себе как мужские, так и женские половые признаки. Мужские — подсудимого Стивена и женские — потерпевшей Скарлетт.

— Опять не понял... Постой, постой! Не хочешь ли ты сказать, что Стивен и Скарлетт — это одно лицо?!

— В том-то и дело, что юридически они признаны двумя разными, вполне самостоятельными личностями, просто совмещенными в одном теле. Процедура гражданской легализации обеих лиц осуществлена в судебном порядке, как положено. Теперь ты понимаешь? Если я укуе этого извращенца Стивена в тюрьму, он же там запросто сможет надругаться над несчастной Скарлетт снова!

— М-да, дилемма, — задумчиво протянул Рогир ванн Эйк. — Послушай, Джон, а он действительно ее... в смысле, это возможно физиологически?

— Вполне, — подтвердил судья.

— Ясно... Знаешь, что, Джон? А ты приговори подсудимого, помимо лишения свободы, еще и к химической кастрации. Тогда уж он никак не сможет домогаться своей второй половины.

— А что? Это мысль! — обрадовался Джон Бургер. — Спасибо тебе, Рогир, огромное! Надоумил старика, так и сделаю. Премного благодарен, с меня причитается.

— Пустое, не стоит благодарности. Передавай привет супруге Биллу и детишкам.

— Непременно. А ты поцелуй от меня свою женушку Ханнелору. Она, кстати, в порядке? По-прежнему, как живая?

— Разумеется. Ты же знаешь — я каждые полгода повторяю процедуру бальзамирования, чтобы избежать иссыхания кожных покровов или — упаси Господь — мумификации.

— Ну, долгих лет счастья вам обоим, — попрощался судья и с облегчением откинулся на спинку кресла.

Джон Бургер на полном основании мог гордиться собой, ведь он все же таки разобрался с этим запутанным дельцем! Но самое главное — Зло вновь повержено, а Правосудие — торжествует.

Об авторе

Родился в 1965 году в Москве, закончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Первая публикация — в 2003 году в журнале «Искатель». В последующие годы рассказы и повести автора публиковались в журналах «Север» (г. Петрозаводск), «Сура» (г. Пенза), «Дон» (г. Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (г. Уфа), «Нижний Новгород», «Земляки» (г. Нижний Новгород), «Изящная словесность», «Полдень XXI век», «Полдень» (г. Санкт-Петербург), «Уральский следопыт» (г. Екатеринбург), «Великороссь», «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Все загадки мира», «Хулиган» (г. Москва), «Шалтай-Болтай» (г. Волгоград), «Космопорт» (г. Минск, Беларусь), «Слово/Word» (США) и др., а также в сборниках «Настоящая Фантастика-2010», «Настоящая Фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга 2014» («АСТ»). Автор н/ф романа «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.) и детективного романа «Золотой Лингам» («Вече», 2012 г., написан в соавторстве с Сергеем Юдиным).

Сергей Филипский

Возврат бумеранга

В уездном городе N царило оживление. Бумер сразу это понял, как только очутился на задумчивой аллее парка. Нетерпеливо подпрыгивали гимназисты. Шустро мчалась пролетка. Куда-то спешила стайка барышень.

«Оживление», — подумал Бумер. Это может быть верным признаком того, что он прибыл правильно.

Надо было срочно найти Шуршалкина. Тогда и подтвердится, успешно ли произведен переброс.

То, что вокруг простирался не привычный XXI век, сомнения не вызывало. Но вот то, что Бумер попал в век XX, в самое его начало — это было вовсе не факт.

Да, одежда на Бумере поменялась: вместо джинсового костюма, кроссовок и бейсболки на нем теперь были костюм-тройка, коричневые сверкающие штиблеты и котелок. Полная мимикрия к окружающему времени. Все согласно настоящей действительности. Даже сотовый телефон, который Бумер сжимал в руке, трансформировался в наган. Почему в наган? Да все по той же причине, по которой Бумер прибыл сюда.

Итак, первым делом — отыскание Шуршалкина, ежели он, конечно, присутствует где-то рядом.

Бумер убрал наган в нагрудный карман пиджака. Сделал несколько шагов, когда вдруг раздался баритон:

— Вот вы где!

Из-за куста орешника вышел Шуршалкин. То, что это именно он, сомнения не вызывало. Знакомое по множеству фотографий лицо степенного бодрячка с бородой-эспаньолкой.

— Да, я здесь, — признался Бумер, выжидая.

Шуршалкин приблизился:

— Настала пора великим свершениям!

— Полностью с вами согласен! — согласился Бумер.

— Так давайте же пройдем в мою лабораторию! — предложил Шуршалкин.

— Давайте! — сказал Бумер и двинулся за Шуршалкиным, который начал шествовать прочь.

Они оставили парк и вскоре очутились на Большой Дворянской улице, которая встретила их тенистыми каштанами и продавцом сбитня.

«Вот этот дом, — подумал Бумер, когда они проследовали в двухэтажный каменный особняк мимо вытянувшегося по струнке дворника. — В левом его флигеле — лаборатория Шуршалкина».

Его думы тотчас же подтвердились. Они прошли в левый флигель особняка, и там, среди верстаков, загроможденных столярными инструментами, увидели неприметного человека совершенно обычной наружности.

— Позвольте представить, — сказал Шуршалкин. — Это, господин Бумер, мой лаборант. А это господин Клубнев, Петр Семенович, мой коллега из столицы.

Они важно кивнули друг другу. А затем произошло вот что: Бумер остановил руку, потянувшуюся к оттягивающему карман пистолету, решив, что не стоит спешить.

«Потусуюсь-ка я еще здесь, — решил Бумер. — Интересно ж все-таки».

И он остался в лаборатории, поглядывая на то, как Шуршалкин творит свое гениальное изобретение.

Шуршалкин подошел к большой, метра два в диаметре, дубовой бочке, лежащей на боку:

— А заклепки-то золотые. Как вы считаете, коллега, не стоит ли заменить их на платиновые?

Клубнев тоже приблизился к бочке. Глянул на нее:

— Золотые, по-моему, будут в самый раз!..

— Что ж, — Шуршалкин пригладил ладонью свою эспаньолку. — Тогда приступим.

Он взял с верстака черную лакированную шкатулку, открыл ее и нажал на один из находящихся внутри рычажков.

«В моем времени подобное носит название пульта дистанционного управления», — усмехнулся Бумер. И решил еще погодить с устранением Петра Семеновича.

В этот момент раздалось низкое утробное гудение. Отверстие в бочке подернулось синеватой дымкой.

— А не повысить ли нам уровень напряжения в цепи? — сказал Шуршалкин.

— Да, пожалуй, — согласно кивнул Клубнев.

Они посмотрели на Бумера.

А что Бумер? Он, хоть и впервые в лаборатории Шуршалкина, но благодаря «легенде», хорошо осведомлен в том, в чем необходимо разбираться лаборанту Шуршалкина.

Бумер подошел к висящему на стене рубильнику и включил его.

— Да, — пробормотал Шуршалкин, нажимая рычажок в шкатулке. — Мы имеем дело с экспериментом, направленным на физическое доказательство путешествий во времени. Эта бочка с золотыми заклепками, которая уже не бочка вовсе, а таймер-пронзатель, только с виду — рядовое жилище Диогена. В ней сейчас происходит рассеивание секунд. Посредством чего осуществляется захват объекта, расположенного где-то в другом времени.

От бочки в разные стороны посыпались шипящие зеленоватые искры. Затем бочка окуталась сиреновой молнией. После чего все стихло.

— Какой удачный эксперимент, — сказал Клубнев.

— На чем основывается ваше мнение, дорогой коллега? — поинтересовался Шушалкин.

— Да вот же... — махнул рукой Петр Семенович. — В таймер-пронзателе кто-то есть...

Присмотрелись.

Действительно. В темноте бочки, среди сгустившейся тьмы, гулко раздался звук, похожий на шмыганье носом.

Настороженно уставились на отверстие в бочке.

— Кто там? — наконец догадался спросить Шуршалкин.

Из бочки появился богатырской наружности мужик, одетый в валенки, в овчинный тулуп и в треух.

— Попались, сявки! — довольно хмыкнул мужик. — Вы-то мне и нужны. Те, кто раздает золотые заклепки. — Мужик погрозил ручищей и воскликнул: — Ну, что? Добровольно золотые заклепки отдадите? Или предварительно настучать вам кулаком по головушкам?

И сурово эдак выступил вперед.

Бумер машинально шагнул навстречу. Так же машинально подпрыгнул и смачно заехал «стопой вихря» в челюсть мужику. Мужик улетел по проходу меж верстаков и затерялся где-то там, возле входа.

«Я далеко не тряпка», — констатировал Бумер.

— Ловко вы эдак его, — усмехнулся Шуршалкин.

— Будет знать, на кого наезжать... — сказал Бумер и подумал о том, что до чего же уютная здесь подобралась компания — добряк Шуршалкин и устремленный вдаль и в то же время непостижимым образом приземленный Петр Семенович Клубнев, такие славные изобретатели начала XX века, которые впервые практически обосновали путешествия во времени.

Первооткрывателем был, конечно, Шуршалкин. Но он не напрасно пригласил поучаствовать в своем эксперименте Клубнева. Клубнев — именно тот, кто развил идеи Шуршалкина, и в результате получилось учение о том, как без всяких вспомогательных устройств попасть в прошлое. Или в будущее — кому как понравится. Эти учением заинтересовалась «Группа» — международная организация, специализирующаяся на присвоении разных феноменов. Дабы стать монопольным владельцем данного учения, «Группа» не поленилась создать его, Бумера, и отправить с заданием попасть в начало XX века и уничтожить Клубнева. После этого «Группа» станет единственным эксплуататором путешествий во времени.

Как «Группа» создала Бумера? Очень просто. При помощи все того же учения Клубнева. Петр Семенович предположил, что, поскольку мысль материальна, то все что можно вообразить — тоже реально. Задумал ты, к примеру, очутиться уездном городе N в начале прошлого века, и — пожалуйста! Переход осуществлен. Причем осуществлен наилучшим образом — даже с «легендой» о том, что ты являешься лаборантом самого Шуршалкина. Точно так же — мысленно — «Группа» создала Бумера. Создала из небытия, лишь примыслив его существование и, конечно же, Бумер возник, со всеми приданными ему способностями...

Бумер окинул взором лабораторию. И проникся благодарностью судьбе, которая привела его сюда, в то место и время, когда такие славные ребята,

как Клубнев с Шуршалкиным, творят Науку. Мелькнула мысль о том, что до чего же неправильно будет, если вот этого безобидного парня Петра Сергеевича вдруг не станет. От этой мысли слезы навернулись на глаза. Чтобы не расплакаться, Бумер мгновенно переключился на свои обязанности лаборанта: подошел к бочке и начал протирать ее бархатной тряпочкой, думая о том, что он никогда не выстрелит в Клубнева. Почему? Да потому, что «Группа» перестаралась, создав Бумера слишком совершенным — со всеми присущими человеку качествами.

Шуршалкин одобрительно кивнул:

— Но что подельывает наш гость из иного времени?

— Разбойник тот, что ли? — спросил Бумер.

— Да.

— Надеюсь, его не слишком разочаровало наше настоящее, — Бумер достал из кармана наган. Направил его в потолок. И выстрелил.

Мужик живо эдак прибежал со стороны входной двери. Крикнул:

— Согласен. Я был не прав, захотев вас ограбить. Но зачем же из пистоля?

Бумер махнул наганом в направлении бочки.

Мужик догадливо затрепетал:

— Пожалуйста, доставьте меня обратно в мое время!

Злобно зыркнул вокруг себя и погрузился в бочку.

— Ну что? — хитро прищурился Шуршалкин. — Выполним просьбу нашего гостя?

Бумер глянул на Клубнева. Тот улыбнулся:

— Так будет правильно.

Тогда Бумер примыслил, что, когда Шуршалкин нажмет на рычажок в шкатулке, мужик оправится прямоком в век XXI, на встречу с «Группой». Осерчавший богатырь — это, пожалуй, как раз то, что не помешало бы сей организации-зазнайке.

Об авторе

Родился в 1960 году в городе Шилка Читинской области. Окончил физический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы проработал оператором компьютерной верстки. В настоящее время — сотрудник ВГМУ им. Н. Н. Бурденко. Пишет юмористическую фантастику. Первая значимая его публикация — в московском журнале «Сокол» (№ 1, 1995): рассказ «Увидеть мир по-иному». Печатался в журналах «Юный техник», «Техника-молодежи», «Костёр», в воронежском литературном журнале «Губернский стиль», а также в сборнике современной фантастики «Ликвидация последствий» (г. Воронеж, 1999) и в двухтомной антологии «Страницы воронежской прозы» (г. Воронеж, 2004). Автор книги фантастических приключенческих повестей для детей «Шпионы крадутся хитро» (г. Воронеж, 2010), сборника рассказов «Приключение будет» (г. Воронеж, 2017) и повести «Драгоценный лед» (Ridero, 2018). В № 2 (11) за 2010 год «Знание-сила: Фантастика» опубликован его рассказ «Без проблем», в № 2 (15) за 2012 год — рассказ «До грядущего», в № 2 (21) за 2015 год — рассказ «Начальник Игр», в № 1 (24) за 2017 год — рассказ «Хозяева Африки», а в № 1 (26) за 2018 год — рассказ «Почему бы и нет».

**В следующем выпуске
литературного приложения:**

Повесть

Игорь Стеценко

«Верное средство»

Повесть

Андрей Никитин

«Поспешное решение»

Рассказ

Александр Романов

«Один к десяти целым трем десятым»

Рассказ

Дмитрий Тюлин

«Мезозойская Леда»

Рассказ

Михаил Диденко

«Война с веганами»

Рассказ

Алена Хабарова

«Мусорщик»

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** в электронном виде

Купить электронную версию журнала:

Аймобилко www.imobilco.ru **Ай**
МОБИЛКО

ЛитРес www.litres.ru **ЛитРес:**
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Руконт rucont.ru **ПРЕССА**
по подписке

Подписка на электронную версию:

Пресса.ру pressa.ru **PRESSA.RU**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ – СИЛА»

Дорогие наши читатели! Оформляйте подписку на «ЗНАНИЕ – СИЛА» непосредственно в редакции, доставка «Почтой России», стоимость на 6 мес. – 1800 руб., на 12 мес. – 3600 руб. (включая НДС). Подписку можно оформить с любого месяца с получением номеров с начала года. Также в редакции можно приобрести архивные номера.

Банковские реквизиты:

Получатель: АНО «Редакция журнала «Знание-сила» ИНН: 7705224605

р/с: 40703810738250123050 в банке: ПАО «Сбербанк»

БИК: 044525225 к/с: 30101810400000000225

Укажите в графе «назначение платежа», какой вариант подписки вы выбрали.

Во всех отделениях Почты России можно подписаться на журнал по каталогам подписных агентств:

РОСПЕЧАТЬ – 70332, 71391 (годовая), 73010 (юр. лица);

КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ – 99125, 99421 (годовая), 99420 (юр. лица);

«ПРЕССА РОССИИ» – 44361, 45362 (юр. лица);

КАТАЛОГ «ПОЧТЫ РОССИИ» – П1808, П3873 (юр. лица).

Дополнительную информацию можно получить:

- на сайте журнала: www.znanie-sila.su;
- по телефону: 8 499 235-89-35
- или электронной почте: zn-sila@ropnet.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА

УМНЫЙ?

Читай журнал

ЗНАНИЕ-СИЛА!

www.znanie-sila.ru

